

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

MONGOLICA

Том XXIX • 2026 • № 2

Санкт-Петербург

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес редакции: 191181,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Адрес издателя: 191181,
Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18.

Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Регистрационный номер
свидетельства о регистрации
средства массовой информации
ПИ No ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/m27b-np4e-ae89

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXIX • 2026 • № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*

Д. А. Носов, *секретарь редколлегии, кандидат
филологических наук (Россия)*

М. А. Козинцев, *помощник секретаря,
кандидат исторических наук (Россия)*

Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*

А. Бирталан, *доктор наук (Венгрия)*

Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*

Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*

И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор РАН
(Россия)*

Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*

В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*

Э. Мунхцэцэг, *кандидат филологических наук
(Монголия)*

С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*

К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*

М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*

Ц. Саранцацрал, *доктор филологических наук
(Монголия)*

Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, профессор
(Россия)*

С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*

Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*

Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*

Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет – М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры – И. В. Кульганек, Д. А. Носов

Технический редактор – М. А. Козинцев

Подписано в печать 15.06.2026

Формат 60×90 1/8. Объем 10 печ. л. Заказ №

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Литография Принт».

Адрес типографии: 191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8,
лит. А, офис 14.

e-mail: info@litobook.ru

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2026

© Коллектив авторов, 2026

В НОМЕРЕ:

К 70-летнему юбилею Н. С. Яхонтовой 5

ФИЛОЛОГИЯ

Н. С. Яхонтова. Сочинение «Золотые дхарани» из «Сутры Золотого блеска 7

Б. Оюунбилэг. О молитвах в стихах Эрдэнэ мэргэн пандиты Ханчин хамбо Джамьянгарав 18

И. В. Кульганек, Д. А. Носов. Ранний перевод «Чингисова камня» в монгольском фонде
Института восточных рукописей РАН 24

С. С. Сабрукова. Наглядные пособия по буддийской ритуальной литературе:
инструкции по подготовке подношений божествам из тибетского фонда ИВР РАН 37

ИСТОРИЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ

Л. Б. Жабаева. Борьба Советского Союза за международно-правовое оформление
Монгольской народной республики (1945) 46

Р. Ф. Набиев. Великая Монгольская империя как носитель
артиллерийской технологии в XIII веке 52

СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

И. А. Алимов. «Дун цзин мэн хуа лу»: августейшая дорога 64

К. А. Бекетов, А. Б. Гришин, Н. К. Бекетова, Ли Чжуанчжи. Образы войны
на полотнах русских и китайских художников на выставке изобразительного
искусства в Чанчуньском государственном художественном музее 73

Т. А. Кубанова. Феномен «сибирского стиля» в изобразительном искусстве Сибири
(1920–2020-е годы) 86

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. Х. Мингалиев, С. А. Фролова. Выставка «Дорога к солнцу: восточные коллекции
Казанского университета. К 225-летию востоковеда и ректора О. М. Ковалевского» 95

Т. В. Ермакова. Конференция «Актуальные проблемы буддологических
и индологических исследований–20» (Санкт-Петербург, 23–24 марта 2026 г.) 101

К. В. Орлова. Международная научная конференция «Первые монголоведные чтения» 106

НЕКРОЛОГИ

Ушел из жизни В. Л. Успенский (1954–2025) 111

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts
(Asiatic Museum)

191181. Russian Federation
Saint Petersburg,
Dvortsovaya Emb., 18
Phone: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

MONGOLICA

Saint Petersburg journal for Mongolian studies

Vol. XXIX • 2026 • No. 2

The journal is published four times a year.

Published since 1986

Founder: Federal State Institution of Science
Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy
of Sciences

Editorial board:

- I. V. Kulganek — *editor-in-chief, Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
D. A. Nosov — *secretary, Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
M. A. Kozintcev — *assistant secretary, Cand. Sci. (History), Russian Federation*
G. Bilguudei. *Dr. Sci. (Philology), Mongolia*
A. Birtalan. *Ph. D., Hungary*
S. Chuluun. *Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia*
L. S. Dampilova. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
J. Legrand. *Dr. Sci., Professor, France*
V. Kapishovska. *Ph. D., Czech Republic*
E. E. Khabunova, *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
N. Khishigt. *Ph. D. (History), Mongolia*
E. Munkhtsetseg. *Cand. Sci. (Philology), Mongolia*
S. L. Neveleva. *Dr. Sci. (Philology), Russian Federation*
K. V. Orlova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
M. P. Petrova. *Ph. D. (Philology), Russian Federation*
R. Pop. *Ph. D., Romania*
Ts. Sarantsatsral. *Dr. Sci. (Philology) Mongolia*
T. D. Skrynnikova. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
R. M. Valeev. *Dr. Sci. (History), Russian Federation*
N. S. Yakhontova. *Cand. Sci. (Philology), Russian Federation*
I. V. Zaytsev. *Dr. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

ISSN 2311-5939

DOI 10.48612/IVRRAN/m27b-np4e-ac89

© Institute of Oriental Manuscripts RAS
(Asiatic Museum), 2026
© Group of authors, 2026

IN THIS ISSUE:

On the 70th Anniversary of Natalia S. Yakhontova 5

PHILOLOGY

Natalia S. Yakhontova. The “Golden Dharanis” Work from the Canonical “Sutra of the Golden Light” 7

B. Oyunbileg. About One Prayer Poem Composed by Gem Wise Pandit, Khenchen Rinpoche Jamiyengarav 18

Irina V. Kulganek, Dmitry A. Nosov. An Early Translation of the Stele of Genghis Khan Inscription Kept in the Mongolian Collection of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences 24

Svetlana S. Sabrukova. Visual Aids for Buddhist Ritualism: Instructions for Preparing Offerings to Deities from the Tibetan Collection of the IOM RAS 37

HISTORY. HISTORIOGRAPHY

Larisa B. Zhabaeva. The Struggle of the Soviet Union for the International Legal Registration of the Mongolian People's Republic (1945) 46

Rustam F. Nabiyev. The Great Mongol Empire as a Carrier of Artillery Technology in the 13th Century 52

RELATED DISCIPLINES

Igor A. Alimov. “Dong Jing Meng Hua Lu”: the Imperial Way 64

Konstantin A. Beketov, Alexander B. Grishin, Natalya K. Beketova, Li Zhuangzhi. Images of War on Canvases by Russian and Chinese Artists at the Exhibition of Fine Art at the Changchun State Art Museum 73

Tatiana A. Kubanova. The Phenomenon of “Siberian Style” in Siberian Fine Arts 86

ACADEMIC LIFE

Arslan Kh. Mingaliev, Svetlana A. Frolova. The Exhibition “The Road to the Sun: Oriental Collections of Kazan University. On the 225th Anniversary of the Orientalist and Rector Osip M. Kovalevsky” 95

Tatiana V. Ermakova. The 20 th Conference “Current issues of Buddhological and Indological Studies” (St. Petersburg, March 23–24, 2026) 101

Keemya V. Orlova. International Scientific Conference “The First Mongolian Studies Readings” 106

IN MEMORY

Vladimir L. Uspensky (1954-2025) Passed Away 111

К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Н. С. ЯХОНТОВОЙ

6 декабря 2025 г. исполнилось 70 лет старшему научному сотруднику ИВР РАН кандидату филологических наук, доценту Наталии Сергеевне Яхонтовой.

Вся жизнь Наталии Сергеевны связана с Институтом восточных рукописей РАН, куда она пришла сразу после окончания в 1979 г. кафедры монгольской филологии Восточного факультета Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова по направлению «монгольская филология». Наталия Сергеевна сразу поступила в очную аспирантуру и проходила обучение в 1979–1982 гг. под руководством заведующего сектором Южной и Юго-Восточной Азии, д. ф. н. Георгия Александровича Зографа, лингвиста, научная деятельность которого лежала в области современной индологии. Через год после окончания аспирантуры в 1983 г. Наталия Сергеевна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Ойрат-

ский литературный язык (по материалам «Сутры золотого блеска») по специальности «Языки народов зарубежных стран Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии». Вся дальнейшая научная деятельность ее также была связана с ИВР РАН. В 1982–1986 гг. она — младший научный сотрудник; в 1986–1991 гг. — научный сотрудник; в 1991–1995 гг. выполняла обязанности ученого секретаря Института. С 1995 г. по настоящее время — старший научный сотрудник сектора тюркологии и монголистики ЛО ИВ АН СССР / сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН.

В 2012 г. Н. С. Яхонтова получила звание доцента по специальности.

Наталией Сергеевной написано более 90 научных работ по монгольской филологии. Основные научные интересы находятся в области распространения монгольских языков и народов.

В 1996 г. в серии «Языки народов Азии и Африки» вышла первая монография Н. С. Яхонтовой «Ойратский литературный язык XVII века», ответственным редактором которой стал российский и советский лингвист-японист, академик РАН. В. М. Алпатов. Она содержит описание одного из старописьменных монгольских языков на всех грамматических уровнях с примерами из текстов.

Н. С. Яхонтова — автор монографии «Ойратская версия “Истории о Молон-тойне”», в которой она подготовила издание текста, перевод с ойратского, транслитерацию, комментарий и приложения. Работа вышла в Центре «Петербургское Востоковедение» в 1999 г. Автор впервые представила ойратскую рукопись XVIII в. из собрания ИВР РАН и сравнила содержание всех известных текстов сочинений на эту тему на монгольском, тибетском и китайском языках. Это произведение «народ-

ного буддизма» о посещении праведным Молон-тойном ада в поисках своей грешной матери, пользовалось большой популярностью среди монгольских народов. Автор впервые заметила связь ойратской версии с китайскими текстами из Дуньхуана.

Н. С. Яхонтова — автор большого труда: «Ойратский словарь поэтических выражений», который включает исследование, перевод уникальной ойратской рукописи, хранящейся в ИВР РАН, знаменитого Зая-пандиты Намхайд-жамцо, создателя ойратской письменности и переводчика XVII в. Автору удалось проследить историю появления поэтических выражений в монгольских языках, восстановить их санскритские прототипы, известные по знаменитому словарю «Амаракоша», и выявить их многочисленные искажения в тибетских переводах, которые затем умножились при переводах на монгольский и ойратский.

Н. С. Яхонтова была редактором семи монографий (среди них четырех публикации ойратских текстов, вышедших в калмыцкой серии *Corpus Scriptorum Oiratorum*). Участвовала также в девяти коллективных монографиях. В 2023 г. вышла коллективная монография «Сутра Белого Старца» на «ясном письме», включающая исследование, перевод, транслитерацию, комментарий, факсимиле под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой, изданная в Москве в издательстве «Восточная литература». В книге впервые представлены результаты сопоставительного анализа текстов «Сутры Белого Старца» из коллекций России, Монголии и Китая. Исследуются прозаический текст, посвященный Белому Старцу, божеству, почитавшемуся в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, особенно популярному среди западных монголов — ойратов и калмыков.

Н. С. Яхонтова является членом нескольких редколлегий, в том числе «Written Monuments of the Orient», «Письменные памятники Востока» и «Mongolica».

Н. С. Яхонтова прекрасный педагог: 2008–2020 гг. она преподавала филологические дисциплины кафедре тибетологии и монголистики на Восточном факультете СПбГУ — читала курсы «Теоретическая грамматика монголь-

ского языка» и «Ойратская филология». Под руководством Н. С. Яхонтовой защищено две кандидатские диссертации, причем одна диссертация — по маньчжурскому языку, защищена монгольской аспиранткой, Б. Мунхцээн, которая в настоящее время успешно работает в Институте языка и литературы Академии наук Монголии. Вторая, по специальности «Всемирная литература», была защищена Б. М. Меньяевым, научным сотрудником Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова.

В 2006 г. Н. С. Яхонтова была награждена Правительством Монголии медалью «800 лет образования Единого монгольского государства», в 2016 г. она стала лауреатом Премии имени академика Б. Ринчена от Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии.

Наталья Сергеевна — постоянный участник российско-монгольских научных конференций «Культурное наследие монгольских народов: рукописные и архивные коллекции», российских конференций «Петербургские монголоведческие чтения», «Письменное наследие Востока».

Высокий профессионализм Н. С. Яхонтовой, востоковеда-лингвиста, глубокие знания, полученные на Восточном факультете, ставшие отправной точкой для ее дальнейших исследований ойратских письменных памятников, ставит ее в один ряд с лучшими представителями российской востоковедной ленинградской/петербургской современной научной школы. В связи с юбилеем Дирекция Института восточных рукописей РАН объявила имениннице благодарность.

Доброта и скромность, присущие Юбиляру, удивительным образом сочетаются с отзывчивостью, готовностью всегда прийти на помощь. Эти редкие и ценные качества делают ее особенно уважаемой в коллективе.

Поздравляем дорогую Наталию Сергеевну Яхонтову с достойной датой, желаем ей хорошего здоровья и дальнейших успехов в науке!

*Редколлегия журнала "Mongolica"
Коллеги и друзья*

УДК 801.82

DOI 10.48612/IVRRAN/5rna-99km-hadf

Н. С. ЯХОНТОВА

Институт восточных рукописей РАН

СОЧИНЕНИЕ «ЗОЛОТЫЕ ДХАРАНИ» ИЗ «СУТРЫ ЗОЛОТОГО БЛЕСКА»

Ойратская рукопись «Золотые дхарани» из собрания ИВР РАН представляет собой сокращенный текст восьмой главы канонической «Сутры Золотого блеска». Автор продуманно выбрал из текста восьмой главы отрывки и создал самостоятельное сочинение, не изменив основную мысль главы — дать возможность получить собрание добродетели, достичь просветления и исполнения желаний путем поклонения буддам и чтения слогов дхарани. Рукопись написана джунгарским почерком с употреблением галика. В статье приводятся доказательства ее перевода с тибетского, а также факсимиле рукописи, транслитерация и перевод с комментариями. Комментарии содержат более 40 имен упомянутых в тексте будд и бодхисаттв с монгольскими, тибетскими и иногда санскритскими параллелями.

Ключевые слова: ойратские рукописи, дхарани, Сутра Золотого блеска, переводы с тибетского.

Об авторе: Яхонтова Наталия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург) (nyakhontova@mail.ru). ORCID: 0000-0003-2397-9138.

© Яхонтова Н. С., 2026

Ойратская рукопись¹ не имеет колофона, автор ее не известен. Она поступила в ИВР РАН в составе I коллекции Б. Я. Владимирцова, которая содержит материалы, в основном ойратские рукописи, привезенные им в 1914 г. из поездки в Западную Монголию [Сазыкин, 1988. С. 14].

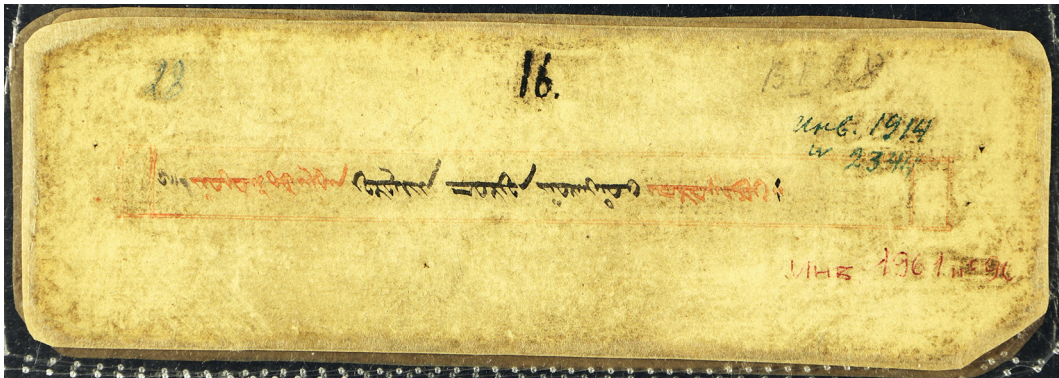
Ойратский текст сочинения «Золотые дхарани» взят из «Сутры Золотого блеска». Об этом говорит заключительное название текста рукописи² и это было отмечено А. Г. Сазыкиным в каталоге [Сазыкин, 2001. С. 207, № 3297]. Парадокс заключается в том, что на ойратский язык переведена краткая (21 глава) редакция «Сутры», в которой отсутствует что-либо похожее на текст «Золотых дхарани». Однако,

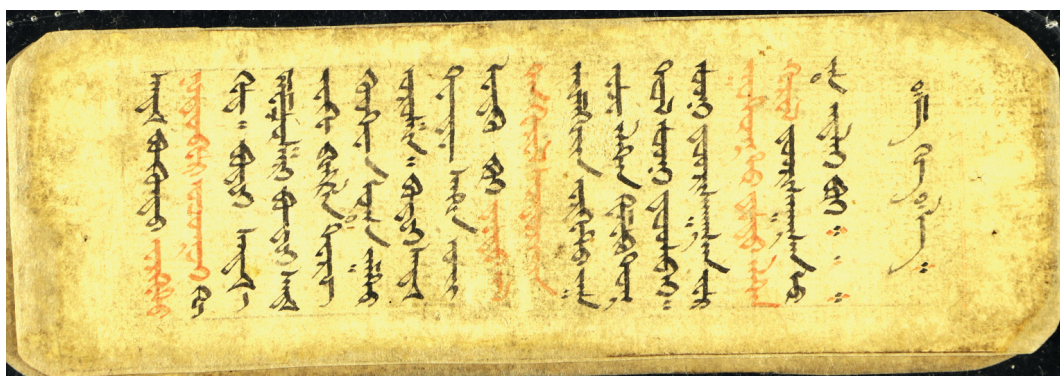
искомый текст был обнаружен в восьмой главе широко распространенной на тибетском языке и в ее монгольских переводах средней (29 глав) редакции «Сутры Золотого блеска», которая отсутствует в краткой редакции. Об этом и о различиях между «Золотыми дхарани» и «Сутрой Золотого блеска» кратко сообщалось ранее [Яхонтова, 2009].

Восьмая глава «Сутры Золотого блеска» называется «Дхарани под названием “С золотом”». Многие главы сутры начинаются с обращения Будды к окружающим его слушателям или с его ответа на чей-нибудь вопрос. В восьмой главе слова Бхагавана Будды адресованы бодхисаттве по имени «Пребывающий в благодати» и на протяжении этой очень небольшой главы он еще четыре раза обращается к нему, чтобы привлечь его внимание к своим словам. Одновременно эти обращения являются внутренними тематическими границами текста, выделяя в нем шесть разных по величине ча-

¹ Шифр В 35 (В 40), рукопись 4 л., 20×6 (16,5×5), рус. бумага, красные и черные чернила перо. [Сазыкин, 2001. С. 207, № 3297].

² *dödü altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān-ēce altan kemekü toqtöl öüni dousbai*: [4v: 9–13].

стей. Для понимания работы ойратского автора приведем краткое распределение содержания 8 глав по шести частям³.

Первая часть содержит разъяснение того, что эти дхарани являются матерью всех будд трех времен, и поэтому их усвоение очень важно для увеличения собрания добродетели, и благодаря этому и принятию чистых обетов дает возможность постижения Учения.

Во второй части, которая является самой большой в тексте за счет длинного перечня объектов поклонения, Будда описывает необходимые для этого действия, а именно: сначала провести поклонение буддам и бодхисаттвам, а затем прочитать дхарани. Далее приводится список тех, кому надо совершить поклонение. Сначала три общих поклонения буддам десяти сторон, всем бодхисаттвам и махасаттвам, шравакам, пратьекабуддам и всем святым, далее поименно 25 буддам и 10 бодхисаттвам. Эти поклонения оформлены в однотипные фразы

(«поклоняюсь такому-то»). Совершив это, следует прочитать слоги дхарани, которые приводятся тут же.

Третья часть фактически повторяет высказывание Будды в первой части о важности дхарани для обретения собрания добродетели и включает также обещание предсказания о духовном просветлении, которое дадут будды как ответ на совершенное их почитание.

Четвертая часть — это список тех материальных и некоторых нематериальных благ, которые, по словам Будды, будут даны тем, кто усвоит эти дхарани. Этот список небольшой: одежда, еда, драгоценности, слава, мудрость, здоровье, долгая жизнь и другое по своему желанию, также обещано увеличение добродетели. Заканчивается перечень ключевой фразой: «Что бы [они] ни захотели, все это исполнится».

Пятая часть — это продолжение обещаний со стороны Будды: еще раз достижение просветления, но главное — охрану со стороны шести бодхисаттв, с перечнем их имен.

В шестой части Будда подробно рассказывает о проведении обряда для обретения всего,

³ Для сравнения был взят монгольский перевод «Сутры Золотого блеска», рукопись Н 297 [Сазыкин, 2001. С. 17 № 2435, л. 94v–97v].

что было им обещано. Если кратко, то нужно создать мандалу, в нее войти с чистыми мыслями и в чистых одеждах, задумать желаемое, произнести слова поклонения указанным выше буддам и бодхисаттвам, и десять тысяч восемь раз произнести дхарани. На пятнадцатый день выйти из мандалы и тогда человек получит немислимую добродетель и великопение, его желания исполнятся. Если нет, то обряд надо будет повторить.

Ойратское сочинение «Золотые дхарани» является сокращением 8 главы «Сутры Золотого блеска». Из текста «Сутры» было взято несколько фрагментов, построенных как краткий, но связный и осмысленный текст, который не имел формального деления на части (упоминание слов Будды или имени бодхисаттвы в этом качестве отсутствует). Важно отметить, что сокращение не касалось изменения формулировок оригинала или пересказа его содержания другими словами, т. е. оно было механическим, однако продуманным.

Основное целеполагание — представить верующим путь к обретению добродетели, достижению просветления и исполнению желаний через определенные действия — не изменилось, хотя текст был укорочен приблизительно в два раза.

Первая и шестая части в ойратский текст не вошли. Тем самым, во-первых, ойратский текст утратил каноническое оформление как слова Будды, адресованные слушателям, во-вторых, в тексте отсутствует описание очень непростого обряда чтения дхарани.

Однако, вместо первой части собственно тексту предшествует типичное для сутр перечисление названий сочинения на трех языках, которое естественно отсутствует в 8 главе монгольского текста. Название «Золотых дхарани» дано на санскрите в послоговой записи на ойратском, которое на самом деле является полным названием «Сутры Золотого блеска», следующим заявлено тибетское название, но вместо этого дается название на ойратском.

Собственно текст начинается со второй части, которая вошла в него почти полностью, но без начальных слов Будды, т. е. первые фразы «Золотых дхарани» — это поклонения (три об-

щих, 15 — буддам и 10 — бодхисаттвам), за которыми следуют слоги дхарани.

Следующие две части (третья и четвертая) умело составлены из отдельных фраз 8 главы. Была взята первая фраза третьей части («Затем Бхагаван Будда бодхисаттве “Пребывающему в благодати”⁴ такие слова произнес»). Это важный момент, так как таким образом все остальные высказывания, выбранные из этих двух и из добавленной полностью пятой части, в ойратском тексте, как и в 8 главе «Сутры», принадлежат Будде, что бесспорно подчеркивает их важность и действенность. Из третьей части — это фраза о важности дхарани для получения добродетели, из четвертой — фраза об исполнении любого желания. Пятая часть была взята полностью: это обещание тем, кто будет читать эти дхарани, достижения просветления и охраны их всеми бодхисаттвами, из которых имена шести⁵ самых известных перечисляются.

Нельзя не отметить, что, хотя сокращение текста 8 главы было, в частности, сделано за счет не взятой в ойратский текст первой части, основные мысли, высказанные в ней Буддой, сохранились, поскольку они повторяются ниже и именно там они вошли в ойратский текст. В него не был включен конкретный перечень материальных благ, но взятая заключительная фраза про то, что можно будет получить все что ни пожелаешь, полностью его компенсирует.

В самом конце текста, уже после стандартной финальной фразы о том, что сочинение закончено, добавлены слова о том, что чтение этого текста равняется чтению «Сутры Золотого блеска». Несмотря на расположение, это важное замечание оформлено как неотъемлемая часть текста, после него стоит только, тоже традиционное, пожелание счастья «Мангалам». Подводя итог, можно сказать, что автор не только использовал 8 главу «Сутры», но и добавил свое оформление начала и конца, чтобы придать сочинению весомый и законченный вид.

⁴ Здесь надо отметить, что имя бодхисаттвы в ойратском тексте уменьшено до одного слова *огоṣiqci* ‘живущий’, сокращение, которое можно понять и как лишние бодхисаттвы собственного имени.

⁵ В ойратском тексте называются пять имен бодхисаттв.

Ойратский текст дхарани мог быть составлен как сокращенное переложение монгольского перевода, а мог быть сделан самостоятельный сокращенный перевод с тибетского. Ответ очевиден, хотя текст маленький и местами однородный, в нем достаточно стандартных примеров, типичных для ойратских переводов с тибетского, восходящих к методу, использованному Зая-пандитой. К ним относятся, в первую очередь, переводы имен собственных будд и бодхисаттв, из которых только один будда, Амиитаба, назван в санскритском варианте своего имени (в монгольском тексте таких шесть). Из бодхисаттв известных имен больше: Маньчжури, Самантабhadра, Очирпани и Майтрея (в монгольском — их восемь). Два имени: будды «Шакья Мудрец» (тиб. *sha kya thub pa id.*) и бодхисаттвы «Великий Пингала» (тиб. *ping ga la chen po id.*) буквально повторяют тибетский текст, в котором также переведена только часть имени.

Из других менее ярких примеров можно отметить употребление разных слов в ойратском и монгольском для перевода одного тибетского, например, ойр. *toqtöl* 'дхарани', монг. *tarni id.*, тиб. *gzungs id.*; ойр. *tegēd* 'затем', монг. *tendeče id.*, тиб. *de nas id.*; ойр. *ilaγun tögüsen üleqsen* 'Победоносно прошедший', монг. *ilaγu tegüs nögčigsen id.*, тиб. *bcom ldan 'das id.*; ойр. *abxai baγad* 'город', монг. *baγasun id.*, тиб. *grong khyer id.* В последнем случае видно, что в ойратском были выбраны два слова для перевода двух слов в тибетском. Такое же аккуратное следование принципу перевода каждого тибетского слова видно в следующем предложении: ойр. *ali kigēd ali küsüqsen tede kigēd tede bügüde bütükü boluyu:* [B 35, 4r:9–11] 'что не пожелаешь, все исполнится', тиб. *ci dang ci 'dod pa de dang de thams cad 'grub par gyur ro* [Tib.195, 89r:2] *id.*, монг. *yab yaγun küsekü tede ele bügüde bütükü boluyu:* [H 297, 96v: 25–26] *id.* Еще одно проявление следования тибетскому тексту — постпозиционное положение указательных местоимений: ойр. *toqtöl ene* 'эти дхарани', монг. *ene tarni id.*, тиб. *gzungs 'di id.*

Есть еще вероятность того, что существовал самостоятельный тибетский текст, т. е. что все описанные сокращения были сделаны на

тибетском уровне, а потом этот текст был переведен на ойратский. Такой текст найти не удалось, но есть один факт, который допускает такую возможность. В словах будды о причине значимости этих дхарани в ойратском тексте стоит выражение ойр. *dhyani ezen* 'хозяин дхьяны (медитации)', которое соответствует тиб. *yum* 'мать, Праджняпарамита':

тиб. *gzungs 'di ni dus gsum gyi sang rgyas rnam kyü yum yin pa'i phyir* | [Tib. 195, 88v:4] 'Так как эти дхарани являются матерью будд трех времен, ...'

монг. *ene tarni inu γurban čaγ-un burqan-nuyud-un eke-yin tulada* [H 297, 96r:37–96v:1] *id.*

ойр. *toqtöl ene inu γurban cagiyin burxan dhyan ezeni müni tula:* [B 35, 3v:19–4r:1–2] 'так как эти дхарани являются хозяином сосредоточения будд трех времен.'

Ойратский вариант выглядит странно, потому что это единственный случай⁶ внесения смысловых изменений в ойратский текст и отход от тибетского. Поскольку основным признаком ойратских переводов с тибетского, является точное (иногда чрезмерно точное) следование тибетскому тексту, такая замена может указывать на то, сочинение «Золотые Дхарани» существовало на тибетском⁷ и перевод был сделан с него.

Замечания о графике и орфографии текста

Почерк рукописи — это характерный джунгарский тип «ясного письма», с классическим написанием букв. Диакритика соблюдается строго (отсутствие знака слева у «и», если ряд слова определяется по предшествующей согласной — является распространенным исключением из правила). Наличие диакритики при «и» в словах *inu* и *bui* тоже является признаком аккуратности в расстановке диакритических знаков. Были замечены только два случая нарушения этих правил в расстановке

⁶ Строго говоря, есть еще один случай странного перевода с тибетского, но поскольку он касается перевода имени, он не имеет такого значения. См. сноску 35.

⁷ Среди текстов, входящих в Ганджур, есть, например, *gser can zhes bya ba'i gzungs* 'Дхарани с золотом', но это другое сочинение.

диакритики: в слове *mürgümüi* [1v:15]⁸ у последнего *ü* в суффиксе *-müi* стоит диакритика для «и»; в слове *cölörküi* [2v:8] диакритика для «ö» отсутствует, что можно считать случайными описками.

Форма букв «o/ö» и «u/ü» соблюдается аккурратно, можно также заметить явные попытки сохранить угловатость для «o/ö» и во вписанной позиции. Также регулярно встречается употребление двойного «ou/öü» для передачи долготы гласного («uu» и «üü») встретились каждое в одном слове: *cuulıyan* [4r:7] ‘собрание’ и *gegëüülüqçi* [2r:8] ‘освещающий’).

Переписчик явно перечитывал написанное, потому что в двух местах пропущенные слова вписаны между строк и крестиком помечено место, где они должны были бы находиться, однако один очевидный пропуск слова остался.

Использование галика

Для записи некоторых санскритских и тибетских букв в отдельных слогах и в составе слов ойратского текста используются знаки галика. Употребление галика не охватывает все возможные места его потенциального применения. Это санскритские буквы в именах бодхисаттв: «ñ», «j» (*mañjuşari* [3r:10; 4v:4]⁹ ‘Маньчжури’), «p», «ṇ» (*oçir rāṇi* [3r:11] ‘Очирпани’), в именах будд: «y^a», «p» (*şaky^a çidaqçi* [1v:18] ‘Шакьямуни’, *dëdü padmatu* [2v:1] ‘С высшим лотосом’). Буква «ḳ» входит в алфавит «ясного письма», в нашем тексте она встретилась только один раз и имеет непривычно утрированный загиб вверх, сближая ее написание с буквами галика. Возможно, что на это повлияло употребление слова в имени будды (*cölörküi zoqol ayıladuqçi* [2v:9] ‘Излагающий мудрыми словами’). Вторая, схожая по написанию, буква «k» — это буква галика и употребляется в именах и терминах санскритского происхождения и отличается от ойратской буквы «k» косой (а не вертикальной) короткой чертой: *şaky^a* [1v:18] ‘Шакья’; *paradi kabud* [1v:16] ‘пратьекабудда’; *yeke bingkla* [4v:5] ‘Великий бингкала’).

⁸ Здесь и далее указание на лист и строку ойратского текста по умолчанию дается по рукописи В 35.

⁹ Между написаниями буквы «j» в имени Маньчжури в двух разных местах текста есть незначительная разница.

В словах дхьяна, бодхи (и в нем же в составе слова бодхисаттва), махасаттва, которыми насыщен текст, а также в передаче санскритских слогов в названии сочинения и слогах дхарани, часто используется буква «h»: *bodhi sadw^a*, *mahā sadw^a*.

Буква «w^a» употребляется для передачи гласного звука в слове *sadw^a*, и в одном слоге в названии и в дхарани. При необходимости при этой букве есть указание на долготу с помощью знака «удан» (*sw^a hā* [3v:15]). Интересно, в одном слоге (в слове *sw^a va ra na*, санскр. *svaṛṇa*) ее употребление соответствует санскритскому слогу «su», а не слогу «va» как в других словах (санскр. *sattva*, *svāhā*).

Буква *ṁ* выглядит как кружок с изогнутой чертой под ним и встречается в сакральном слоге *om* ‘Ом’ [4v:18] и благопожелании *maṅ gha laṁ* ‘мангалам’ [3v:15] в конце текста.

Краткость и некоторая однообразность текста не позволяет описать какие-либо существенные орфографические особенности текста на уровне морфологии. Среди мелких можно отметить, что в словосочетании *pidübër üzüqçi* ‘смотрящий глазами’, которое встретилось три раза как имя (или часть имени) [2v:19; 3r:6; 4v:2], падежный показатель *-bër* пишется слитно со словом *pidü* ‘глаза’. Падежный показатель родительного падежа в одном случае имеет типично разговорную форму: *kenggeregën* ‘барабана’ (вместо *kenggerge-yin*).

Условные обозначения в транслитерации¹⁰

Подчеркнуты слова, выделенные в тексте красным. Красная краска использовалась осмысленно, чтобы выделить слова «будде поклоняюсь», но этот принцип не выполнялся строго и можно встретить выделение произвольных слов для соблюдения декоративной равномерности красного цвета на одной странице.

Косая черта обозначает перенос со строки на строку, в некоторых случаях она проходит по границе морфем, для которых возможно написание отдельно от слова, при переносе на

¹⁰ Использованы знаки, разработанные для монографии [Сутра белого старца, 2023. С. 134].

части слова на другую строку встречаются случайные пропуски букв.

В квадратных скобках даны буквы или слова, восстановленные как бесспорные.

В круглых скобках даны слова, вписанные в текст рукописи в качестве исправления.

В угловые скобки помещены лишние буквы.

В словах, заимствованных из санскрита долгота гласных, переданная в ойратском тексте повтором букв, в транслитерации обозначена чертой над гласной.

Транслитерация

//1r// xutuq-tu altan gereliyin zürken xurangyui orošiboi:

//1v// enedkegiyin kelen/-dū ary^ā sw^ā va ra / na pa ra va ha / na ud da ma sūdra:/ inra a ra za: na/ ma māha ya na sūdra:¹¹

töbödiyin kelen-dū: xu/tuq-tu dēdū altan gerel suduriyin ayimagi/yin erketü xān kemē/küiyin zürken:

arban / zügiyin xamuq burxan/-du mürgümüi:
bodhi / sadw^ā māha sadw^ā noyoud/tu mürgümüi:
šaravaq / paradi kabud kigēd / xamuq xutuqтан-
du/ mürgümüi:

šaky^ā čidaq/či burxan-du mürgümüi:

//2r// uryuxui zügiyin / ülü alzaqči burxan-du / mürgümüi:

baroun zügiyin / erdeniyin oki burxan-du / mürgümüi:

šinggeküi zügi/yin amitāba burxan-du / mürgümüi:

zöün zügiyin / kenggeregēn douni xān burxan/-du mürgümüi:

dēdū zügiyin / delger cogiyin burxan-du mürgümüi:

dorodu zügiyin / dēdū gegērүүлүqči coq / burxan-du mürgümüi:

erde/ni zürken burxan-du mürgümüi:

bükündü gerel-tü / burxan-du mürgümüi:

bükün/dü gegērүүлүqči burxan/-du mürgümüi:

dēdū kü/ji dabxurluqsan xān //2v// burxan-du mürgümüi:

dēdū padma/tu burxan-du mürgümüi:

teqši / ayiladuqči burxan-du / mürgümüi:

erdeni üsünirtü / burxan-du mürgümüi:

erdeni blama / burxan-du mürgümüi:

erdeni gerel / burxan-du mürgümüi:

kir ügei gegēn / (gerel) burxan-du mürgümüi:

cölörküi / zokōl-yēr ayiladuqči / burxan-du mürgümüi:

maši / ariun sar[a]yin gerel / a[l]daršiq/san okiyin xān burxan-du / mürgümüi:

ceceq gerel / sökōreltū burxan-du / mürgümüi:

gegēn gerel xān / (burxan)-du mürgümüi:

kir ügei / buyani gerel kemēn aldar/šiqsan xān burxan-du mürgümüi:

nidübēr üzüqči //3r// ülü ayuqči burxan-du / mürgümüi:

ayoul ügei aldar/šiqsan burxan-du mürgümüi /

maši dēdū xān burxan-du mürgümüi /

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā er/ketü nidübēr üzüq/ čidü mür<ü>gümüi:

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā / yazariyin zürken-dü / mürgümüi:

bodhi sadw^ā / maahā sadw^ā oqtoruyuin / zürken-dü mürgümüi:

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā / mañjušari-du mürgümüi /

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā / očir pāni-du mürgümüi /

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā / samanta bhadara-du mürgümüi /

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā //3v// ülü baraqdaxu oyoutadu / mürgümüi:

bodhi sadw^ā / mahā sadw^ā auyā kücü o/loqsan-du mürgümüi /

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā / mayidari-du mürgümüi /

bodhi sadw^ā mahā sadw^ā sayin / oyoutadu mürgümüi /

teden-dü mürgüd toq/to[=ō]l tarni öüni ungšin / üyiledümüi:

namo rada / na dang yā dādy^ā tā /

güri güri ni i mi ri dho / gho ša ni i mi ri ni mi / oṃ sw^ā hā:

tegēd il/yun tögösün üleq/sen bodhi sadw^ā maahā sadw^ā / orošiqči-du zarliq / bolboi:

toqtöl ene inu //4r// yurban cagiyin burxan / dhyān ezeni mūni tula: / izourtani köböün buyu:

/ izourtani okin ali za/rim toqtöl öüni xadayalan / barixulā caqlaši ügei / kemjši [ügei] buyani cuulyan / noyoud aribijixu bo/luuy:

¹¹ Санскр. arya-suvarṇa-prabhāsa-uttama-sūtra-indra-rājānāma-māhayaṇa-sūtra.

ali kigēd ali küsüq/sen tede kigēd tede bügüde /
bütükü boluyu:

amurtu / orošiuluqçı tarani / xadayalan barixulā
dē/re ügei sayitur dou/suqsan bodhi oltolo /
nasuda bodhi sadw^ā altan / oulayin abxui baɣad
/ kigēd

bodhi sadw^ā / mayidari kigēd

bodhi //4v// sadw^ā бүкүн-дү erketü / nidübēr
üzüqçi ki/gēd:

bodhi sadw^ā / mañjušari

bodhi sadw^ā / yeke bingkla teri/güüten-luyā
xamtu / orošin:

bodhi sadw^ā / tede sakin üyi/ledkü bui[:]

dēdū al/tan gerel suduriyin / ayimagiyin erketü
xān/-ēce altan kemēkü to/qto[=ō]l öüni dousbai: /
öüni dourisxaqsan-iyēr / xutuq-tu dēdū altan /
gerel dourisxaqsan-lu/yā adali bui:: ::

maṃ gha lam

Перевод с комментариями¹²

//1a// Собранная суть¹³ святого Золотого
блеска.

//16// На санскрите арья су ва ра \ на па ра
ва ха \ на уд да ма сутра инра а ра за на ма маха
я на сутра¹⁴, по-тибетски: сердце, именуемое
святая высшая [сутра] золотого блеска из со-
брания сутр могущественный хан¹⁵.

Поклоняюсь всем буддам десяти сторон.

Поклоняюсь бодхисаттвам и махасаттвам.

Поклоняюсь шравакам, пратьекабуддам и
всем святым.

Поклоняюсь будде «Шакья-могущему»¹⁶.

Поклоняюсь будде «Непоколебимому»¹⁷ — в
восточной стороне.

Поклоняюсь будде «Драгоценная суть»¹⁸ —
в южной стороне.

Поклоняюсь будде Амитаба¹⁹ — в западной
стороне.

Поклоняюсь будде «Хан звука барабана»²⁰ —
в северной стороне.

Поклоняюсь будде «Обширный свет»²¹ — в
зените.

Поклоняюсь будде «Высший освещающий
блеск»²² — в надире.

Поклоняюсь будде «Драгоценное сердце»²³.

Поклоняюсь будде «Везде со светом»²⁴.

Поклоняюсь будде «Везде освещающему»²⁵.

¹⁶ Имя Будды Шакьямуни дано в частичном переводе на ойратский: ойр. šakya čidaqči 'Шакья могущий' (санскр. śakya-muni 'мудрец из Шакьев', тиб. sha kya thub pa *id.*, монг. sakimuni 'Сакимуни'). Ойр. čidaqči 'могущий' переводит тиб. thub pa по значению глагола thub pa 'мочь'; 'быть в состоянии'.

¹⁷ «Непоколебимый» (ойр. ülü alzaqči) — перевод с тибетского имени будды Акшобья (санскр. akṣobhya букв. 'неколеблющийся', тиб. mi 'ghrugs pa *id.*, монг. aksöbhi 'Акшоби').

¹⁸ «Драгоценная суть» (ойр. erdeniyin oki) — перевод с тибетского имени будды Ратнакету (санскр. ratnaketu 'драгоценность на верхушке', тиб. rin chen tog *id.*, монг. ratna kitu 'Ратна киту'). Тиб. tog имеет несколько значений: «знамя», «верхушка», «суть» и др., на ойратский было переведено как «суть».

¹⁹ Амитаба (ойр. amitāba) — запись санскр. amitābha, букв. 'неизмеримый свет', тиб. 'od drag med *id.*, монг. amindu-a 'Аминдуа'.

²⁰ «Звук барабана» (ойр. kenggergēn down) — перевод с тибетского имени будды Дундубхисвары (санскр. dundubhi-svara-rāja букв. 'царь с голосом как барабан', тиб. rnga sgra'i rgyal-po *id.*, монг. dundubi šinri rāja 'Дундубишинри раджа').

²¹ «Обширного света» (ойр. delger cogiyin) — перевод тиб. yangs-pa'i dpal 'обширный свет', монг. ayui čoy-tu *id.*

²² «Высший освещающий свет» (ойр. dēdū gegērūlūqči soq) — перевод тиб. snang ba'i dpal 'блеск света', с добавлением слова dēdū 'высший', монг. qutuγtu čoy-tu gerel 'блеск со святым светом'.

²³ «Драгоценное сердце» (ойр. erdeni zürken) — перевод тибетского имени Ратнагарбха: rin chen snying-po *id.* (санскр. ratna-garbha *id.*, монг. erdeni-yin jirūken *id.*).

²⁴ «Везде со светом» (ойр. бүкүндү герелтү) — перевод тиб. kun tu 'od 'блеск везде', монг. qamuy-a gerel-tü *id.*

²⁵ «Везде освещающему» (ойр. бүкүндү гегерүүлүгчи) — перевод тиб. kun tu snang ba *id.*, монг. qamuy-a geyigülügči 'всё освещающий'.

¹² Информация по тибетскому и монгольскому тексту «Сутры Золотого блеска» приводится по ксилографическим изданиям этого сочинения из монгольского и тибетского фондов ИВР РАН: монг. — это пек. ксил. шифр Н 297, л. 94r–96r [Сазыкин, 2001. С. 17, № 2433]. Тибетские примеры взяты из ксилографа Tib. 195, лл. 86v:6–89v:5 [Каталог, 2020. С. 266, № 1121]. Санскритские примеры приводятся в тех случаях, когда есть подсказки — запись санскритского названия (обычно искаженного) без перевода в ойратском или монгольском тексте.

¹³ Ойр. zürken буквально означает «сердце».

¹⁴ Это запись ойратскими буквами полного санскритского названия «Сутры Золотого блеска» (санскр. Aryasvarāṇaprabhāsottamasūtreṇdrarāja nāma māhāyana sūtra).

¹⁵ После слов «по-тибетски» дано ойратское название сочинения.

Поклоняюсь будде «Хан, нагромождающий высшие благовония»²⁶.

Поклоняюсь будде «С высшим лотосом»²⁷.

Поклоняюсь будде «Равно говорящий»²⁸.

Поклоняюсь будде «С драгоценным усниром»²⁹.

Поклоняюсь будде «Драгоценный лама»³⁰.

Поклоняюсь будде «Драгоценный блеск»³¹.

Поклоняюсь будде «Сияние-блеск без грязи»³².

Поклоняюсь будде «Излагающий мудрыми словами»³³.

Поклоняюсь будде «Хан прославленной сути, блеск очень чистой луны»³⁴.

Поклоняюсь будде «Преклоняющийся колени [перед] блеском цветка»³⁵.

²⁶ «Хан, нагромождающий высшие благовония» (ойр. *dēdū kūjī dabxurlaysan xān*) — перевод тиб. *spos mchog brtsegs ra rgyal-po id.*, монг. *degedū kūjī dabqučayuluysan qaγan id.*

²⁷ «С высшим лотосом» (ойр. *dēdū padmatu*) — перевод тиб. *pad ma dam pa id.*, монг. *degedū lingqu-a* ‘высший лотос’.

²⁸ «Равно говорящий» (ойр. *teqši ayiladuqči*) — перевод тиб. *mnyam par gzigs* ‘равно смотрящий’, монг. *tegsi üjegči id.*

²⁹ «С драгоценным усниром» (ойр. *erdeni üsünirtü*) — перевод тиб. *rin chen gtsug tor* ‘драгоценный уснир’, монг. *erdeni usnir id.*

³⁰ «Драгоценный лама» (ойр. *erdeni blama*) — перевод тиб. *rin chen bla ma id.*, монг. *ratna gürü* ‘Ратна гуру’.

³¹ «Драгоценный блеск» (ойр. *erdeni gerel*) — перевод тиб. *rin chen 'od id.*, монг. *erdeni gerel-tü* ‘с драгоценным блеском’.

³² «Сияние-блеск без грязи» (ойр. *kkir ügei gegēn gerel*) — перевод тиб. *dri med 'od snang id.*, монг. *kkir ügei geyigülügči gerel* ‘сияющий блеск, без грязи’.

³³ «Излагающий мудрыми словами» (ойр. *cölörkōi zoḳōl-yēr ayiladuqči*) — перевод тиб. *sprobs-par bkod par dgongs pa id.*, монг. *Ḷokiyaysan uqayun-iγay uqayūči id.*

³⁴ «Хан прославленной сути, блеск очень чистой луны» (ойр. *maši ariun sar[a]yin gerel a[l]daršiqsan okiyin xān*) — перевод тиб. *zla 'od rnam dag grags pa'i tog gi rgyal po id.*, монг. *ariγun sara-yin gerel aldarsiγsan oki qaγan id.*

³⁵ «Преклоняющийся колени [перед] блеском цветка» (ойр. *seseq gerel sököreltū*) — перевод тиб. *me tog 'od bkod* ‘создавший блеск цветка’, монг. *čečeg gerel Ḷokiyayūči id.* Не очень понятно появление в ойратском переводе имени будды слова *sököreltū* букв. ‘имеющий преклонение’ (именного образования от глагола *sökörkü* ‘преклонять колени’ [Ramstedt, 1976. С. 333]) для перевода тиб. *bkod* ‘создавать’, тем более что выше (в имени будды «Излагающий мудрыми словами») то же тибетское слово переведено как ойр. *zokōl* ‘сочинение’, и в монгольском переводе употреблен глагол *Ḷokiyayūči* ‘сочинять’.

Поклоняюсь будде «Хан сияния-блеска»³⁶.

Поклоняюсь будде «Хан прославленный, называемый “Добродетельный блеск без грязи”»³⁷.

Поклоняюсь будде «Бесстрашный владыка, //За// смотрящий глазами»³⁸.

Поклоняюсь будде «Прославленный бесстрашный»³⁹.

Поклоняюсь будде «Особенно высшему хану»⁴⁰.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве «Владыка, смотрящий глазами»⁴¹.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве «Сердце земли»⁴².

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве «Сердце неба»⁴³.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве Маньчжуши⁴⁴.

³⁶ «Хан сияния-блеска» (ойр. *gegēn gerel xān*) — перевод тиб. *'od snang rgyal po id.*, монг. *geyigülügči gerel-tü qaγan* ‘хан с сияющим блеском’.

³⁷ «Хан прославленный, называемый “Добродетельный блеск без грязи”» (ойр. *kir ügei buyani gerel kemēn aldaršiqsan xān*) — перевод тиб. *dge 'od dri ma med par grags pa'i rgyal po* ‘хан, прославленный блеском чистой добродетели’, монг. *sayin gerel kkir ügekü-e aldarsiγsan-u qaγan* ‘хан, прославленный чистым прекрасным блеском’.

³⁸ «Бесстрашный, смотрящий глазами» (ойр. *nidü-bēr üzüqči ülü ayuqčiči*) — перевод тиб. *sryan ras gzigs dbang mi 'jigs pa id.*, монг. *ayul ügei nidü-ber üjegči erketü* ‘Бесстрашный владыка, смотрящий глазами’. Все переводы — это сочетание имени ‘Авалокитешвара’ (санскр. *avalokiteśvara*) и санскр. *vaiśāradya* ‘бесстрашие’ — одно из качеств будд и бодхисаттв.

³⁹ «Прославленный бесстрашный» (ойр. *ayoul ügei aldaršiqsan*) — перевод тиб. *'jig med grags pa id.*, монг. *ayul ügei aldarsiγsan id.*

⁴⁰ «Особенно высшему хану» (ойр. *maši dēdū xān*) — перевод тиб. *rab mchog rgyal po id.*, монг. *ülemji degedū qaγan id.*

⁴¹ «Владыка, смотрящий глазами» (ойр. *erketü nidübēr üzüqči*) — перевод тиб. *sryan ras gzigs* ‘смотрящий глазами’, монг. *arya avalöketa šuvagi* (санскр. *arya-avalokita-iśvara*).

⁴² «Сердце земли» (ойр. *γazariyin zürken*) — перевод тиб. *sa'i snying po id.*, монг. *ksiti garbi* ‘Кшити Гарбха’ (санскр. *ksiti-garbha id.*).

⁴³ «Сердце неба» (ойр. *oqtorγuyin zürken*) — перевод тиб. *nam mkha'i snying po id.*, монг. *akš-a garbi* ‘Акша Гарби’ (санскр. *akaśa-garbha id.*).

⁴⁴ Маньчжуши (ойр. *mañjušari*) — запись санскр. *mañjuśrī id.* (букв. ‘мягкое величие’), тиб. *'jam dpal id.*, монг. *mañjušrī* ‘Маньчжуши’.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве Очирпани⁴⁵.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве Самантабхадра⁴⁶.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве «С неисчерпаемым умом»⁴⁷.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве «Овладевший огромной силой»⁴⁸.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве Майтрейе⁴⁹.

Поклоняюсь бодхисаттве махасаттве «С хорошим умом»⁵⁰.

Им поклонившись, буду читать эти дхарани: «Намо рада на данг яа дадьа та. Гури гури ни и ми ри дху гхо ша ни и ми ри ни ми. Ом сва ха».⁵¹

Затем Победоносно ушедший бодхисаттве, махасаттве «Живущему»⁵² промовил:

⁴⁵ Очирпани (ойр. oçir pāni) — запись санскр. vajra-pani *id.* (букв. 'рука с ваджрой'), тиб. phag na rdo tje *id.*, монг. vçir panī 'Очирпани'.

⁴⁶ Самантабхадра (ойр. samanta bhadara) — запись санскр. samanta-bhadra (букв. 'везде хороший'), тиб. kun tu bzang po *id.*, монг. samatabadari 'Самантабхадра'.

⁴⁷ «С неисчерпаемым умом» (ойр. ülü baraḡaḡu oyouta) — перевод тиб. blo gros mi zad pa 'неисчерпаемый ум', монг. oyin barasi ügei *id.*

⁴⁸ «Овладевший огромной силой» (ойр. ауḡā kücü oloḡsan) — перевод тиб. mthu chen thob pa *id.*, монг. yeke küçün oloḡsan *id.*

⁴⁹ Майтрея (ойр. mayidari) — запись санскр. maitreya 'Майтрея' (букв. 'милосердный'), тиб. byams-pa *id.*, монг. mayidari *id.*

⁵⁰ «С хорошим умом» (ойр. sayin oyuta) — перевод тиб. legs pa'i blo gros 'хороший ум', монг. sayin oyutu 'с хорошим умом'.

⁵¹ Текст дхарани, магических формул, написанных на санскрите, по сравнению с его тибетским вариантом при передаче его на ойратском претерпел значительные изменения. Тибетский текст: na mo rad na tra yā ya | ta dya thā | ku ṭi ku ṭi ni i mi ri to ko sha ṇi | i mi ri ṇi | i ri svā hā | Первая строка — это запись санскр. namo ratna traḡa 'поклоняюсь трем драгоценностям', далее запись санскр. tad yathā 'таким образом'. Последняя строка запись санскр. svāhā — возглас, сопровождающий подношения божествам.

⁵² «Живущий» (ойр. oḡoṣiqçi), в тибетском тексте дано полное имя бодхисаттвы — bde bar gnas 'благодно пребывающий', монг. amuyulang-iyar aḡçi *id.* При переводе на ойратский часть имени пропала.

«Поскольку эти дхарани являются хозяйном дхьян⁵³ будд трех времен, если некоторые высокородные сыновья или высокородные дочери эти дхарани сохраняют, [они] возрастят бесчисленное неизмеримое собрание добродетелей. Что бы [они] ни захотели, все это исполнится. Если эти дающие счастливую жизнь дхарани хранить, полностью совершенную несравненную бодхи обретешь, и в то же время всегда будешь жить вместе с

бодхисаттвой «Город золотой горы»⁵⁴,

бодхисаттвой Майтрейе⁵⁵,

бодхисаттвой «Повсюду смотрящий могущественными глазами»⁵⁶,

бодхисаттвой Манчжушри⁵⁷,

бодхисаттвой «Великий бингкала»⁵⁸

и другими, и эти бодхисаттвы будут охранять.

Дхарани под названием «Золото» из «Могущественного хана собрания сутр, высшей [сутры] золотого блеска» — окончены.

Если читать их, то это будет равно чтению «Святой, высшей [сутры] золотого блеска».

⁵³ «Хозяин дхьян» (ойр. diyan ezen), от санскр. dhyāna 'созерцание, сосредоточение'. В тибетском написано тиб. yum 'мать', 'высшее знание (пражняпарамита)', монг. eke 'мать', 'начало', 'основа'.

⁵⁴ «Город золотой горы» ойр. (altan oulayin abxui balyad) — перевод тиб. gser gyi grong khyer ri bo *id.*, монг. altan balyasun aḡula *id.*

⁵⁵ См. сноску 49.

⁵⁶ «Владыка во всем, смотрящий глазами» (ойр. бүкүндү erketü nidübër üzüqçi) — перевод тиб. kun du spyan ras gzigz dbang phyug 'владыка, повсюду смотрящий глазами', монг. qamuy-aça üjgegçi erketü 'владыка, отовсюду смотрящий', санскр. avalokita-iśvara *id.* Ср. сноску 28.

⁵⁷ См. сноску 44.

⁵⁸ «Великий бингкала» (ойр. yeke bingkla) — перевод тиб. ping ga la chen po 'великий пинггала', монг. maah-a bing-gala *id.*, которое соответствует записи санскр. māha-biṅ-gala 'большой желтый', но такого имени бодхисаттвы не найдено.

Использованная литература

Каталог, 2020: Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 3. Авторский коллектив: А. В. Зорин, С. С. Сабрукова, А. А. Сизова. СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2020.

Сазыкин, 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.

Сазыкин, 2001: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.

Сутра белого старца, 2023: «Сутра Белого Старца» на «ясном письме»: исследование, перевод,

транслитерация, комментарии, факсимиле Б. А. Бичеев, Е. В. Бембеев, С. В. Мирзаева, Н. В. Ямпольская, Н. С. Яхонтова / под ред. Н. В. Ямпольской, Н. С. Яхонтовой. Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2023.

Яхонтова, 2009: *Яхонтова Н. С.* Сочинение «Дхарани святого Золотого блеска» из собрания ИВР РАН // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009). Элиста, 2009. С. 323–326.

Ramstedt, 1976: *Ramstedt G. J.* *Kalmükisches Wörterbuch.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1976.

THE “GOLDEN DHARANIS” WORK FROM THE CANONICAL “SUTRA OF THE GOLDEN LIGHT”

Natalia S. YAKHONTOVA
Institute of Oriental Manuscripts RAS

The Oirat manuscript “Golden Dharanis” from the collection of the Institute of Oriental Manuscripts, RAS is an abridged version of the eighth chapter of the canonical “Sutra of the Golden Light”. The author carefully selected extracts from the text of the eighth chapter and created an independent work preserving the main idea of this chapter — to provide the opportunity to acquire a lot of virtues, achieve enlightenment, and fulfill one’s wishes through veneration of the Buddhas and recitation of the dharani syllables. The manuscript is written in Dzungar script occasionally using the galik. The article presents evidence of its translation from Tibetan, as well as a facsimile of the manuscript, a transliteration, and a translation with commentary. The commentary contains over 40 names of Buddhas and bodhisattvas mentioned in the text, with their Mongolian, Tibetan, and occasionally Sanskrit parallels.

Key words: Oirat manuscripts, dharanis, Sutra of Golden Light, translations from Tibetan.

About the author: **Natalia S. YAKHONTOVA**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (nyakhontova@mail.ru). ORCID: 0000-0003-2397-9138.

B. OYUNBILEG
National University of Mongolia

ABOUT ONE PRAYER POEM COMPOSED BY GEM WISE PANDIT, KHENCHEN RINPOCHE JAMIYANGARAV

The article is a study of the biography and works of one of the most important representatives of Mongolian and Tibetan literature of the 19th century, an outstanding writer, literary critic, philosopher of Buddhism and a well-known public figure Surenkhoryn Jamiyengarav. The author has focused on the main sources and artistic features of S. Jamiyengarav's heritage, analyzing them in a historical and cultural context. The article offers a bibliography of S. Jamiyengarav, who was one of the most educated people of his time specializing in five main fields — Buddhist philosophy, literature, medicine, astrology and Sanskrit. He also made great contributions to poetry, logic, ethics and art, being the author of more than nine volumes of works on philology in the Tibetan language. Despite the fact that S. Jamiyengarav lived in the early 20th century, archival materials and records of his life and work are extremely rare, and his works are difficult to find in libraries and manuscript repositories. One of S. Jamiyengarav's works discovered by his descendants, is analyzed in detail.

Key words: Khenchen Rinpoche Jamiyengarav, creative scholarship, prayer poem.

About the author: B. OYUNBILEG, Doctoral Candidate, Literature Study Department, School of Science, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia) (otguld@gmail.com).

© Oyunbileg B., 2026

The Scholar of the 19th Century's Letters and Faith, Literature Study Theoretician, Buddhist Philosopher, Outstanding Buddhist Theologian Surenkhoryn Jamiyengarav is one of key representatives of the Mongolian Tibetan-Language Literature. His scholarship works had been mentioned for the first time by the former Gandan Monastery Head S. Gombojav in his scientific research paper "Монголчуудын төвөд хэлээр зохиосон зохиолын зүйл" ("Scholarship Works Composed by the Mongols in the Tibetan Language") presented at the International Mongolian Study Scholars Congress held in 1959. The reverend lama had cited over 200 Mongolian scholar-monks who used to compose their scholarship works in the Tibetan language and among them, it says: "73. Jamiyengarav. Khenzo, Holy Rinpoche of the Dayanjalbuu Governor's Banner, Sain Noyon (Good King) Khan Aimag. 20th century man, had composed 13 individual volumes such as the literature theory etc., as well as had wooden print blocks in his banner" [Gombojav, 1959. P. 32].

Starting from these periods, the works to study the biography of Khenchen Rinpoche, his role in the Mongolian Literature and Culture History and clarify in detail his literary and scholarship works had been brought into order thanks to the efforts of old generation scholars such as Academician Ts. Damdinsuren, Ch. Altangerel [Altangerel, 1977. P. 623–627], D. Tserensodnom [Tserensodnom, 1975. P. 240–244], L. Khurelbaatar and others. It is especially worth mentioning in more detail the research works by the Tibetology Scholar L. Khurelbaatar. He had published the research articles such as "At the Scion Tree Branch" / The 19th and Early 20th Century Mongolian Poetry Theoretician, Poet Surenkhoryn Jamniyengarav [Khurelbaatar, 1991. P. 78–107], "Creative Innovations Made by Jamiyengarav in Commentaries to Harmonic Melody Dictionary by Dandin" [Khurelbaatar, 1992. P. 29–35] and others. In addition, he also had published the monograph entitled "The Eserua Melodic Songs" (Analysis on the Tuneful Poetic Words Theory by Gem Wise Pandit, Khenchen Rinpoche

Jamiyangarav) [Khurelbaatar, 1999]. All these researches are invaluable works that may serve as a study manual for studying and advertising the best works by Jamiyangarav to foreign as well as domestic scholars, researchers, students, youth and literature, poetry lovers.

Lately D. Ganbold has been publishing a lot of works in connection with the biography and scholarship works by the Khenchen Rinpoche. Particularly, D. Ganbold had published many articles such as “Catalog of Individual Volumes by Durable Faith, Pandit, Khenchen Rinpoche Jamiyangarav” [Ganbold, 2011. P. 223–229], “Some More News Revealing the Biography of Durable Faith, Pandit, Rinpoche” [Ganbold, 2013. P. 141–151], “On the Sutra Entitled “Grace Nourishment” (or “дан-эй намжэд”) Composed by Pandit, Khenchen Rinpoche” [Ganbold, 2015. P. 211–223]. Moreover, he had been publishing the compilations such as “Jamiyangarav Study–I” (Translation of Biography and Others, Compilation of Scholarship Works) in 2013, “Jamiyangarav Study–II” (Volumes Kha and Ga of Individual Volumes) in 2015, “Jamiyangarav Study–III” (Scholarship Works Studied for Last 10 Years) in 2021 respectively.

In addition, I, the author of these lines, have been publishing the following research articles: first entitled “Gem Wise Pandit, Khenchen Rinpoche Surenkhoryn Jamiyangarav (1861–1918)” [Oyunbileg, 2021. P. 118–128], second entitled “S. Jamiyangarav as the Largest Representative of Buddhist Philosophy Thinking” [Oyunbileg, 2022. P. 159–170] in the domestic scientific research journals, and third entitled “Jamiyangarav, an Outstanding Buddhist Religious Statesman, Poetry Theoretician and Writer of the Late 19th and Early 20th Centuries” (“Жамъянгарав, известный буддийский деятель, поэтический теоретик и писатель конца 19-го и начала 20-го веков”) [Oyunbileg, 2022. P. 3–5] in the foreign scientific research journal respectively.

As a result of research works by these scholars and researchers, over 20 works from several individual volumes mentioned in the biography and complete scholarship set catalog by Khenchen Rinpoche Jamiyangarav had been revealed so far.

Despite the works composed by the Mongolian scholar-monks in the Tibetan language are wide-

ly spread throughout the Mongolian territories in manuscript and printed versions, the books and sutras referred to Gem Wise Pandit, Khenchen Rinpoche Jamiyangarav are not found so frequently. It is said that the National Library of Mongolia possesses several hundred thousand old sutras. Unfortunately, not all of them had been registered and catalogued and most of them still are being kept untouched and unstudied in their wooden boxes and cloth wrappings. Perhaps, it needs more manforce, finance and other issues that we do not know.

In this research, we had taken one small untitled manuscript sutra kept in the shrine of Chantsaldulam, a daughter of Dodgucharvi, the sixth daughter of Gem Wise Pandit, Khenchen Rinpoche Jamiyangarav as a research material and used the popular analyzing and summarizing methods.

The sutra starts with the lines “dbyangs can lha mo mgrin par chags pa yis” and has a size of 20×9 (17×7) cm. Four corners are pretty shabby and wornout. It is a two-page manuscript written by a brush with 6 lines on one page represented on the Chinese xian paper. Here is the complete scientific research transliterations:

[1a] *dbyangs can lha mo mgrin par chags pa yis*
//

'jam dbyangs rnam 'phrul rje btsun btsong kha pa'i //

mdo sngags bstan pa'i ba dan dkar po nyid //
phyogs bcur ga-yo mdzad drin can bla mar 'dud

//

aom aā: gu ru badzra dha ra manydzu shr'i si'tā
siddhi h'um/

dpal ldan bla ma'i rnam par thar pa la //

skad cig tsam yang log lta ma skye zhing //

ci mdzad legs par mthong ba'i mos gus skied //

bla ma'i byin rlabs sems la 'jug par shog /

[1e] *ngag gi dbang phyugs rgyal kun bskyed pa'i*
yab //

ngur smrig gar rol blo bzang rgyal ba yis //

bshad sgrub chos 'byor don kun 'grub byed pa'i //

bka' drin gsum ldan bla mar gsol ba 'debs //

aom aā gu ru badzra dha r'a wa ghintra dharm'a
bhu ti aartha siddhi h'um h'um /

skye ba kun tu yang dag bla ma dang //

[x] *myur thob shog /*

[2a] *dbyangs can lha mo mgrin par chags pa yis*
//

'jam dbyangs rnam 'phrul rje btsun btsong kha pa'i //
mdo sngags bstan pa'i ba dan dkar po nyid //
phyogs bcur ga-yo mdzad drin can bla mar 'dud //
aom aà: gu ru badzra dha ra manydzu shr'i sit'a siddhi h'um/
dpal ldan bla ma'i rnam par thar pa la //
skad cig tsam yang log lta ma skye zhing //
ci mdzad legs par mthong ba'i mos gus skied //
bla ma'i byin rlabs sems la 'jug par shog /
na mo gu ru bhya:
'jam mgon bla ma'i bstan pa'i gru gzings la //
legs par bsten nas thar pa'i lu dbyangs blangs //
lhag bsam rnam par dkar po'i dar 'phyar ba //
drin can dge ba'i shegs la gsol ba 'debs //
[2e] aom aà: gu ru manydzu gho sha si t'a siddhi h'um h'um //
deng nas brtsams ste tshe rabs kun du bdag /
khyod zhabs padmo gus pas mchod nas ni //
ci gsung bka' bzhin sgrubs pas mnyes byas nas //
sa lam bgrod pa myur du mthar phyin shog /
khyad par ma 'ongs byang phyogs shambha lar //
rings ldan 'khor bsgyur sras kyi thu bo'i drung //
blon por gyur tshe bdag kyang rjes bzung nas //
stong gzugs phyag rgya chen po 'grub par shog
dga' ldan dge 'phel gling gi chos grva ru /
'chad nyan slob gnyer 'dzin cing khyad par du /
padma yang gsang zab gter tshar rab phye /
grub dbang dma zer mtshan can bla ma 'dud /
dge legs gyur cig /

Here the bold line “**jam dbyangs dkar po**” indicates that it had been highlighted by the special red ochre mark. The word “jam dbyangs dkar po” had been underlined. This means there is no a special mark on the sutra as it was done previously, but it should be reminded that it distinguishes a poetic part including his personal name.

The sutra consists of 36 lines in total that equally divided into nine by nine Tibetan poetic syllables. There is one thing that should pay attention or should attract one's attention. The poem's first 8 lines or first 2 stanzas are repeated on the next 2nd page. It is really hard now to re-discuss what it might mean and which connections might be

hidden there. Even it is possible that the copier or someone else deliberately had repeated it.

Here is the sutra literal translations:

Having fixed in the throat of Poetry Goddess

Of Bogd Tsongkhapa, a reincarnate of [Victorious] Soft Melodious (Жамьян)

Only white (гарав) wrapping of the [full-of-victor] sutra and tantra religion

Kneel to the benevolent teacher who [always] creates and moves to ten directions.

Ум а гүрү базар дара манзушри сида сидди хум хум (In Tibetan)

In so surviving biography of perfect gracious teacher

Won't give birth to any wrong idea even for a moment and

By generating the appetite to see in a good sense no matter what is composed

May it be included in the Teacher's blessed mind.

Adoration to Teacher.

In the religious ship belonging to the soft (Жам) trusty teacher

Praying well and singing the surviving melodic vowel (ян)

Making the great mind white (гарав) flag fly

Pray to the gracious charity relatives

Ум а гүрү манзугоша сида сидди хум хум. (In Tibetan)

Starting from now in each reincarnation I

Praying by faith to the lotus at your tiptoe

Creating and causing happiness to all you had ordered

May travel to the enlightenment land and path, deliver to the utmost pole.

Especially in the future in the northern Shambhala country

Standing near the eldest son of perfect root wheel spinning king

When becomes a king, even me, following and catching

May create the Maha holy hand with empty images.

May the good charity happen.

From the structural point of view, the sutra can be divided into 3 main parts such as prayer part, tantra part and good wish part.

Prayer Part. The poem’s first 4 lines or 1 stanza contain the part, praising Yangchen Lhamo, a Poetry Goddess. The Poetry Goddess Yangchen Lhamo is a symbol of knowledge and intelligence and its Mongolian language meaning is Melodious Goddess. It is believed that any deities have 5 artery wheels such as head, throat, heart, navel and secrecy country. From these 5 wheels, it is fixed in the throat, means that Khenchen Rinpoche Jamiyangarav had special abilities to teach the high treatises and make commentaries to any concepts and theories while creating the scholarship works for the sake of religion and living creatures hence he had possessed the decrees by Poetry Goddess at the top level.

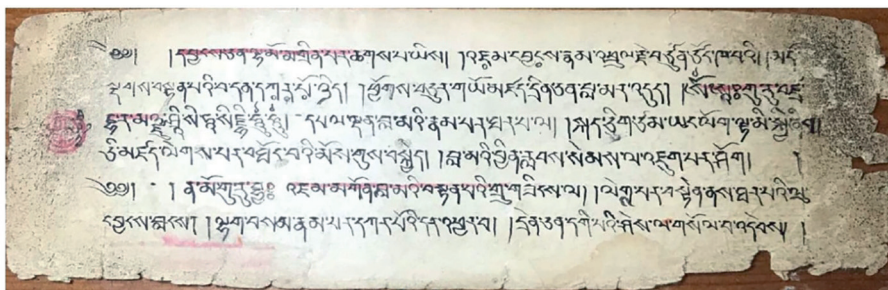
Bogd Tsongkhapa is believed to be a reincarnation of the God Manjushri. He had been cited in many tractates, sutras and tantras as a reincarnation of the God Manjushri. The Sanskrit language word Manjushri is translated in Tibetan as Jamiyan, in Mongolian as the Soft Melodious. The prayer expresses the meaning that do pray to the Khenchen Rinpoche Jamiyangarav, an infinitely Gracious Teacher who spreads well the sutra knowledge, diamond-like great tantra’s religious white flag and wrappings (Here the Buddhist Religion is equalled with the white flag and wrapping. (B.O.) reaching the beyond mind abilities taught by the Victorious Teacher Buddha to all the directions.

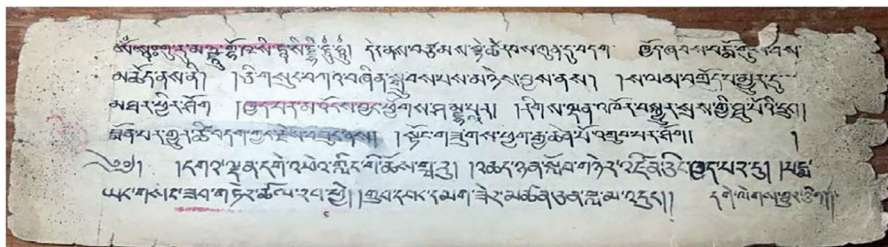
Tantra Part. There is a tantra saying “Ум а гүрү базар дара манзушри сиду сидди хум”. This is the most vital brand tantra by Khenchen Rinpoche Jamiyangarav himself. The tantra Ум is a tantra converting the body of ordinary people into the non-ordinary god-like body. The tantra А is a tantra converting the tongue of ordinary people into the non-ordinary god-like decrees. Гүрү means the highest rank teacher. Базар дара means the

diamond holder, diamond possessor. Манзушри сиду would be Jambalgarav in Tibetan (which has the same meaning as Jamiyangarav) and its Mongolian meaning would be the White Soft Spirited God. Сидди means the magic. Хум is a tantra converting the mind of ordinary people into the non-ordinary god-like blessing. Hence the tantra Хум is included two times, this expresses the meaning that “You, Khenchen Rinpoche Teacher Jamiyangarav, possessing all the magic qualities as the God Vajradhara, please give me two times more magic as soon as possible”. This tantra expresses the meaning: “Oh, my Vajradhara Jamiyangarav Teacher! Please give me the magic that would convert my ordinary body, tongue and mind into the non-ordinary god-like decrees and blessings”.

Good Wish Part starts after the above mentioned tantras and it says that in the future, when the Khalkha’s Reincarnate Jebtsundamba and others will be born in the Northern Shambhala Country and do good deeds for the sake of living creatures, the Khenchen Rinpoche Jamiyangarav will also be born as a nobleman and will also do good deeds together with him. And wished, may we will be born together at that time and find the reincarnation of the Maha Holy Hand Kkalachakra Deity and do good deeds together.

In this sutra, Jamiyangarav strictly follows the classical writing compositions, thinking ways and rules to create the literary characters, borrowed from the ancient Indian and Tibetan written languages and fixed in the Mongolian literature language that composes the poems with equal syllables and in addition, he prayed and composed the sutra, skillfully using the word selections, metaphors and comparisons, including his personal name harmonically, and expressing the tuneful lines on behalf of himself to Buddha.

The multiple diversity of genres such as praises, didactical stories, prayers, various ritual poems, scholarship works on theory of the harmonic melody dictionary, its decorative pattern poems and others can be found among the literary and scholarship works composed by Khenchen Rinpoche Jamiyengarav, a main representative of the 19th Century Tibetan Language Literature. Some of his works are being still found no matter it is included in the catalog or not. One real example is the prayer poem we discuss here.

Like this, it is already known from the volume numbers, catalogs, records and others noted and past by scholars that there must be a lot of works composed by Khenchen Rinpoche and not yet became available for the scholarship community, still unpublished and not well spread among the people and I hope that the new works would be discovered further.

I am the author of this article, and the second daughter of Dorjkhanda, who was the fourth daughter of Dodgucharvi, in own turn, Dodgucharvi was the sixth daughter of daughters such as Sugjilkham, Chojilkham, Dunjmaa, Tserennadmid, Selninbanmo, Dodgucharvi, Nyambuu born from Khenchen Rinpoche Jamiyengarav and his wife Zambalgarav, a daughter of Geshe Buntar and nicknamed in their native land as “Rinpoche’s Seven Darlings”. The great-grandmother Zambalgarav had possessed the Tibetan and Mongolian lan-

guages via the home education system, convened the religious jod sessions, was perfect in her behaviour, activity and knowledge. My grandmother Dodgucharvi also had a home education, all 7 sisters used to convene the religious sessions, were one of educated women at their time. My grandmother gave birth to 11 kids and Chantsaldulam is the youngest among them.

The scholar L. Khurelbaatar had emphasized that the scholar monk Jamiyengarav belonging to the Asaat Monastery who had composed the tuneful full-of-fame astonishing creations until the universe edge that might be composed only by one who has excessively wise scholarship skills going out beyond the four directions knowledge oracles territories is the Great Man of Oriental Poetry Theory who has scholarship works worth mentioning from the Mongolian Poetry Theory Thinking History point of view.

It is significant that the scholars and researchers of various consecutive generations had built the next generation fundament to study, advertise, disseminate, circulate into the scientific research cycle, unite the scholars, researchers and supporters, and further continue those works. As the Gem Wise Khenchen Rinpoche himself once told “The good deed to succeed itself”, may the knowledge white-path blessing bloom uninterruptedly!

Принлэй-лхүндүв-вар жүржиг (in Tibetan).

May the good deeds succeed by themselves.

References

Altangerel, 1977: *Алтангэрэл Ч.* Монгол зохиолчдын төвдөөр бичсэн зохиолын онол. Монголын уран зохиолын тойм. II боть. Редактор Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар, 1977.

Ganbold, 2011: *Ганболд Д.* Бат сүзэгт, бандида хамба Жамъянгаравын сүмбүмн гарчиг // МУ-БИС, МоСС-ийн ЭШБ. № 47. Уланбаатар, 2011. 223–229-р тал.

Ganbold, 2013: *Ганболд Д.* Бат сүзэгт, бандида хамба Жамъянгаравын намтрыг дэлгэрүүлэх хэдэн мэдээ // Төвөд судлал. Боть 2. F.9. Улаанбаатар, 2013. 141–151-р тал.

Ganbold, 2015: *Ганболд Д.* Бат сүзэгт, бандида хамба Жамъянгаравын тааллын шим “дан-эй намжэд” хэмээх судрын тухайд // Төвөд судлал. Боть 4. F.11. Улаанбаатар, 2015. 211–223-р тал.

Gombojav, 1959: *Гомбожав С.* Монгол зохиолчдын төвөдөөр бичсэн зохиолын зүйл. *Studia Mongolica*. Улаанбаатар, 1959.

Oyunbileg, 2021: *Оюунбилэг Б.* Эрдэнэ мэргэн бандид, ханчин хамбо Сүрэнхорын Жамъянгарав (1861–1918). // Хэл бичиг, утга соёл. Улаанбаатарын их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. № 17(16) Улаанбаатар, 124–128-р тал.

Oyunbileg, 2022: *Оюунбилэг Б. С.* Жамъянгарав нь буддын гүн ухааны сэтгэлгээний томоохон төлөөлөгч болох нь // Монгол судлалын чуулган. МУБИС-ийн Эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. № 33. Улаанбаатар, 159–170-р тал.

Oyunbileg, 2022: *Оюунбилэг Б.* Жамъянгарав, известный буддийский деятель, поэтический теоретик и писатель конца 19-го и начала 20-го веков. //

Евразийский Союз Ученых. Серия: Филология, искусствоведение и культурология. Вып. 1. СПб., 2022. № 03/96. С. 3–5.

Khurelbaatar, 1991: *Хүрэлбаатар Л.* “Найлзуур модны мөчрийн дэргэд”. XIX–XX зууны эхэн үеийн монголын яруу найргийн онолч, яруу найрагч Сүрэнхорын Жамъянгарав // Цог. № 5. Улаанбаатар, 1991. 78–107-р тал.

Khurelbaatar, 1992: *Хүрэлбаатар Л.* Дандины “Зохист аялгууны толийн” тайлбарт Жамъянгаравын хийсэн бүтээлч шинэчлэл // Олон улсын монголч эрдэмтний V их хурал, III боть, Улаанбаатар, 1992. 29–35-р тал.

Tserensodnom, 1975: *Цэрэнсодном Д.* Яруу найргийн онолч Жамъянгарав // Хэл зохиол судлал. Том. XI. f. 19. Улаанбаатар, 1975. 240–244-р тал.

О МОЛИТВАХ В СТИХАХ ЭРДЭНЭ МЭРГЭН ПАНДИТЫ ХАНЧИН ХАМБО ДЖАМЬЯНГАРАВА

Банзарын ОЮУНБИЛЭГ
Монгольский государственный Университет

Статья представляет собой исследование биографии и произведений одного из важнейших представителей монгольской и тибетской литературы XIX в., выдающегося писателя, литературного критика, философа буддизма и известного общественного деятеля Сүрэнхорын Джамъянгарав. Автор уделит основное внимание основным источникам и художественным особенностям его произведений. Рассмотрение творчества писателя проводилось в историко-культурном контексте. В статье предлагается библиография ученого, одного из образованнейших людей своего времени, специализировавшегося на пяти основных науках — философии буддизма, литературе, медицине, астрологии и санскрите. Он внес также большой вклад в поэзию, логику, этику и искусство, являясь автором более девяти томов на тибетском языке произведений по филологии. Несмотря на то, что Джамъянгарав жил в начале XX в., архивные материалы и записи о его жизни и творчестве крайне редки, его произведения трудно найти в библиотеках и хранилищах рукописей. Автор статьи анализируется одно из произведений ученого, которое было обнаружено его потомками.

Ключевые слова: Сүрэнхорын Джамъянгарав, монгольская, тибетская литература, литературное творчество, архивные материалы, биография.

Об авторе: Банзарын Оюунбилэг, магистрант Монгольского государственного университета (Монголия, Улан-Батор) (otguuld@gmail.com).

И. В. КУЛЬГАНЕК, Д. А. НОСОВ
Институт восточных рукописей РАН

РАННИЙ ПЕРЕВОД «ЧИНГИСОВА КАМНЯ» В МОНГОЛЬСКОМ ФОНДЕ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

Статья посвящена исследованию рукописного документа на монгольском, немецком и русском языках, хранящегося в коллекции Института восточных рукописей РАН. Текст документа отражает ранние попытки реконструкции, прочтения и перевода так называемого «Чингисова камня» — каменной стелы, выставленной в настоящее время в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Перевод надписи вызвал в XIX в. бурные научные дискуссии, не утихающие по сей день. Исследование документа из коллекции ИВР РАН позволяет авторам сделать вывод, что проблема прочтения памятника интересовала не только ученых, издавших свои переводы, но и других исследователей, не оставивших публикаций о «Чингисовом камне».

Ключевые слова: Чингисов камень, монгольские рукописи, монгольские эпиграфические надписи, история монголоведения.

Об авторах:

Кульганек Ирина Владимировна, доктор филологических наук, заведующая сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург) (kulgan@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1417-3167.

Носов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН (Россия, Санкт-Петербург) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

© Кульганек И. В., 2026
© Носов Д. А., 2026

Эпиграфический памятник, известный в науке как «Чингисов камень» (стар.-монг. *Činggis-ün čilayun-u bičig*) представляет собой гранитную стелу с надписью на старомонгольском письме. Она хранится в Государственном Эрмитаже (ГЭ) в постоянной экспозиции отдела Востока. В аннотации, сопровождающей экспонат, приведен следующий перевод надписи: «Когда после завоевания сартагульского народа Чингис-хан собрал нойонов всего монгольского улуса в местности Буха-Суджихай, Есунхэ выстрелил (из лука) на 335 саженей¹». Копия этого памятника хранится в музее Чингис-хана в Улан-Баторе (подарена Эрмитажем в 2020 г.), а также близ Хирхиринаского городища

в Приаргунском районе Забайкальского края (установлена в сентябре 2025 г.). Обнаружен он недалеко от Нерчинска около рек Кондуй и Хирхира, в районе так называемого Хирхиринаского городища [Киселев и др., 1965. С. 56–57]. Стела привезена в Петербург из Нерчинска в 1832 г. вместе с золотым караваном и хранилась последовательно в Министерстве финансов, Азиатском музее (АМ) и ГЭ [Там же. С. 53]. Памятник датируется 1224–1225 гг. и является древнейшим образцом старомонгольского письма.

Расшифровка и прочтение надписи на стеле занимали исследователей весь XIX в. В настоящее время содержание ее также вызывает дискуссии в мировом научном сообществе. И все

¹ 335 саженей — расстояние, равное 589 м.

же отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что памятник посвящен племяннику Чингис-хана Есунке (Исункэ) — сыну Джочи-Хасара [Банзаров, 1851; Ключин, 1927; Murayama, 1950; Srba, 2012].

Наше внимание привлек ранее не введенный в научный оборот рукописный документ, находящийся в коллекции монгольских рукописей и ксилографов Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) под шифром Q 5185, который имеет непосредственное отношение к ранним исследованиям надписи этого памятника.

Рассматриваемый документ записан на двух листах русской бумаги разного формата и объединен тематически с текстами на русском, немецком, монгольском языках. Текст на монгольском языке дан на старой графике. Материал был выявлен с. н. с. ИВР РАН, к. ф. н. С. С. Сабруковой в ходе описания фонда Т. А. и А. В. Бурдуковых², находящегося в Архиве востоковедов (АВ) ИВР РАН и передан в коллекцию монгольских рукописей и ксилографов.

Старомонгольский текст нанесен на фрагмент мягкой, полупрозрачной бумаги размером 20,9×25 см. Лист сложен вдвое. Другой лист плотной бумаги без филигранных и штемпелей размером 22×36,5 см содержит тексты на русском и немецком языках.

Верхняя правая часть второго листа занята следующим русским текстом из пяти строк: «Когда Чингис Хан соизволил овладеть³ Сартольским народом, и присоединить⁴ к⁵ древнему становищу всего Монгольского народа, но находящиеся вообще по Онону, побеждены тремястами тридцатью пятью посланными»⁶. Текст написан каллиграфическим четким почерком коричневыми ореховыми чернилами. Озаглавлен «Перевод ламы, учителя в Кяхте». Над каждым словом поставлена цифра. Она соответствует номеру слова, расположенному

² Данный фонд находится в Архиве востоковедов ИВР РАН под номером 165. Подробную характеристику фонда и историю его описания см. [Сабрукова, 2020].

³ Вставлено: над.

⁴ Вставлено: оный.

⁵ Вставлено: своему.

⁶ Орфография и знаки препинания подлинника сохранены.

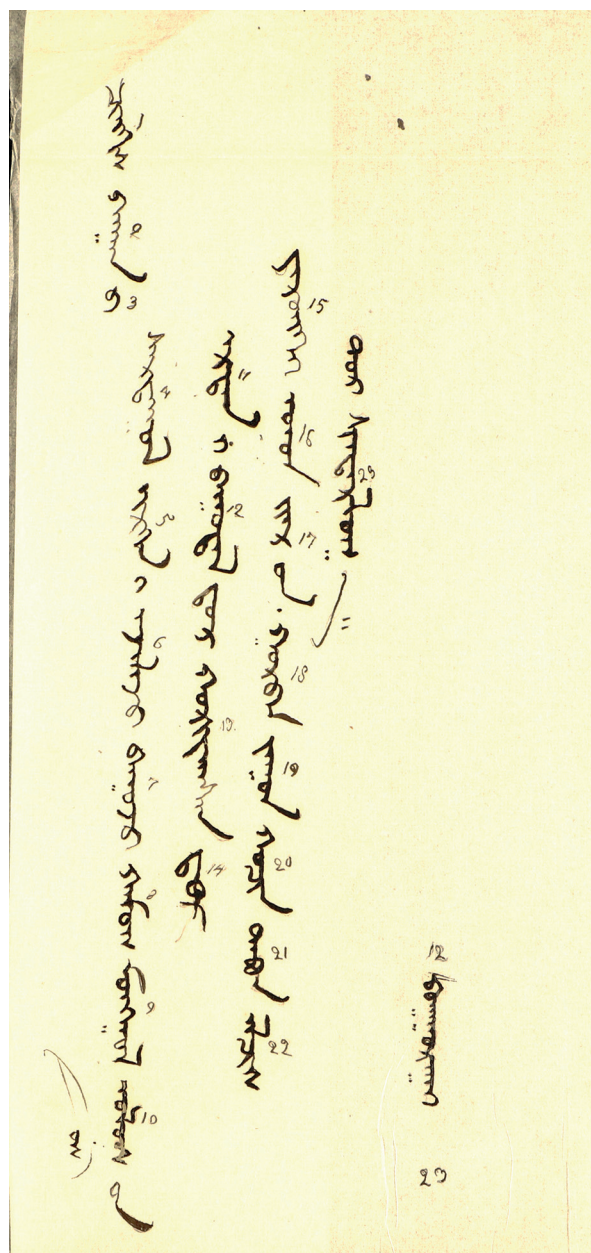

Рис. 1. Первый лист рукописи из ИВР РАН. Старомонгольский текст

в левой части листа. Слова записаны в столбик, одно под другим теми же ореховыми чернилами и тем же почерком. Порядок расположения слов следующий:

1) Чингис, 2) Хан, 3) когда, 4) Сартольским, 5) народом, 6) овладеть, 7) соизволил, 8) и всего, 9) Монгольского, 10) народа, 11) к древнему, 12) становищу, 13) присоединить, 14) то, 15) вообще, 16) по Онону, 17) находящиеся, 18) тремя, 19) стами, 20) тридцать, 21) пятью,

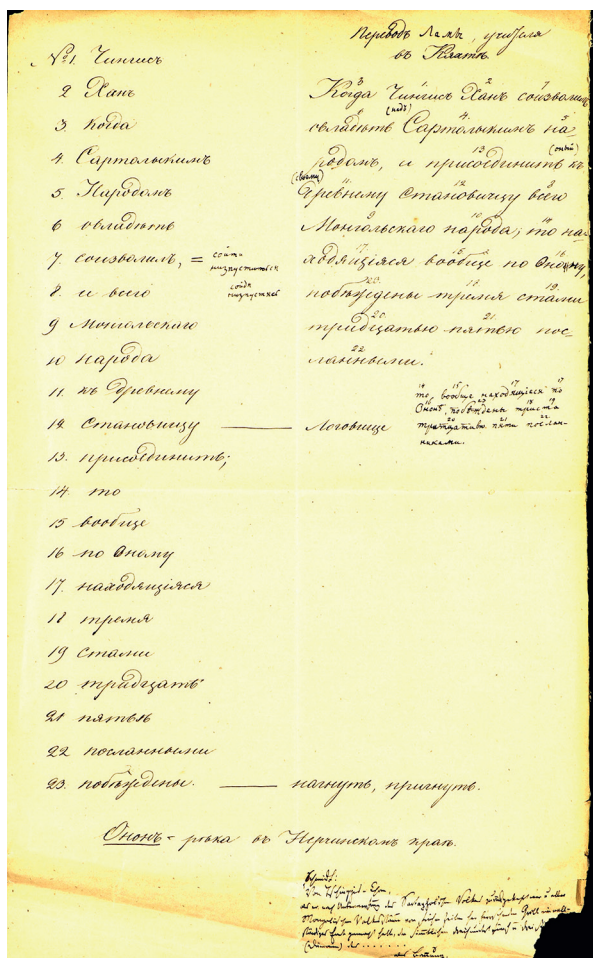

Рис. 2. Второй лист рукописи из коллекции ИВР РАН. Тексты на русском и немецком языках

22) посланными 23) побеждены. Под словами дано примечание: «Онон — река в Нерчинском крае». Слово, написанное под номером 7 — «соизволил», имеет приписку: «сойти, низпуститься, сойдя, низпустясь», сделанную черными чернилами, другим, более мелким почерком без элементов каллиграфии. Эта приписка представляет собой дополнение к значению слова «соизволил». Подобные дополнения имеют также слова «становищу» (оно дополнено словом «логовище») и «побеждены» (добавлено словами «нагнуть», «пригнуть»). Эти добавления сделаны тем же почерком, что и перевод. Если выстроить перевод согласно цифрам, поставленным сверху каждого слова, то он будет таким: «Чингис Хан, когда Сартольским народом овладеть соизволил всего монгольского народа к древнему становищу присоединить,

то вообще по Онону находящиеся тремя стами тридцатю пятью посланными побеждены».

Посередине страницы, под переводом, имеется несколько строк, выполненных тем же почерком, что приписки к седьмому слову. Они следующие: «то вообще находящиеся по Ононе, побеждены триста тридцатию пяти посланниками» (так! — И. К., Д. Н.). Наверху каждого из этих слов также имеется цифра. Последовательное прочтение слов согласно цифрам дает такой порядок текста: «то вообще по Ононе находящиеся триста тридцатию пяти посланниками побеждены».

Следует сказать несколько слов об особенностях русского почерка, которым выполнены приписки. Он представляется нам более архаичным, нежели каллиграфический почерк, коим нанесен основной русский текст. Похожим, хотя и не идентичным почерком, выполнены приписки на русском языке, включенные в единственный пятиязычный словарь, хранящийся в коллекции монгольских рукописей и ксилографов ИВР РАН под шифром Е 93. Это пекинское ксилографическое издание санскритско-тибетско-маньчжурско-монгольско-китайского словаря буддийской терминологии, содержащее «рукописный нематернский⁷ перевод» терминов на русский язык [Сазыкин, 1988. С. 270]. Предположительно, данный словарь был приобретен П. Л. Шиллингом фон Канштадтом (1786–1837) у А. В. Игумнова (1761–1834) и в 1838 г. передан в АМ. К этому же периоду мы относим и создание рассматриваемого в настоящей статье перевода.

Первый лист единицы хранения под шифром Q 5185 содержит старомонгольский текст. Каждое слово также пронумеровано. Причем, нумерация на первом листе выполнена иным почерком, нежели нумерация слов перевода и слов, написанных в столбик слева на втором листе. Почерк с нумерацией слов первого листа совпадает с почерком надписи посередине листа. Наличие цифр над словами перевода, добавлений и исправлений текста, выполненных

⁷ Нематернский перевод — Перевод, в написании текста которого использованы элементы церковнославянского шрифта.

разными почерками, свидетельствует о работе трех человек с документом.

В нижней части второго листа есть запись на немецком языке, выполненная мелким почерком черными чернилами, достаточно небрежно, с элементами скорописи. Нам удалось прочитать⁸ в ней следующие слова и выражения: *Von Tschinggis-Chan, zurückgekehrt, und, aller, mongolischen, drei hundert fünf und dreißig*. Эти слова совпали со словами перевода И. Я. Шмидта⁹, опубликованным им в 1833 г. на немецком языке в «Записках Академии наук» [Schmidt, 1833. S. 252–256].

Перевод И. Я. Шмидта следующий: «**Von Tschinggis-Chan**, als er nach Unterwerfung des Sartagolschen Volkes **zurückgekehrt** war **und aller** mongolischen Volksstämme von früheren Zeiten herrschenden Groll ein vollständiges Ende gemacht halte, den sämtlichen **drei hundert fünf und dreißig** Elije (Dämonen) des ... als Bannung»¹⁰ [Schmidt, 1833. S. 252]. («От Чингис-хана, когда он, покорив сартагольский народ, воротился и положил конец вражде от прежних времен всех монгольских народов всем трем стам тридцати пяти Elije (демонам) ... в знак изгнания»). Слова, выделенные жирным шрифтом, находятся в переводе Шмидта именно в той последовательности, как они встречаются в надписи нашего документа. Таким образом, можно заключить, что внизу второй страницы единицы хранения Q 5185 имеется перевод И. Я. Шмидта на немецком языке.

Таким образом, документ из коллекции ИВР РАН, состоящий из двух листов, включает реконструкцию текста на старомонгольском письме, перевод «ламы, учителя из Кяхты», И. Я. Шмидта, выписанные в столбик и пронун-

⁸ Авторы статьи выражают благодарность научному сотруднику ИВР РАН А. Ю. Луценко за помощь в прочтении текста на немецком языке, имеющем элементы скорописи.

⁹ И. Я. Шмидт — Исаак Якоб Шмидт (Яков Иванович Шмидт) (1779–1847), русский и немецкий ученый-востоковед. Монголовед, тибетолог, буддолог. Автор первой «Монгольской грамматики» (1831), перевода монгольской летописи Санан-Сэцэна «Эрдэнийн тобчи» (1829) и «Гэсэра» (1839) на немецкий язык. Под его руководством был сделан перевод Библии на монгольский язык.

¹⁰ Жирным шрифтом нами выделены слова, уверенно прочитанные на втором листе документа.

мерованные слова, последовательно встречающиеся в тексте, дополнения и соображения неизвестного исследователя, сделанные в более позднее время. Предположительно, они могут принадлежать Д. Банзарову, который занялся переводом «Чингисова камня» через 20 лет после первых публикаций. Интерес к этой теме мог появиться у него благодаря О. М. Ковалевскому, его учителю, проведшему 5 лет в Бурятии и Монголии, наблюдавшему бурные обсуждения переводов в печати. Поскольку документ обнаружен в материалах А. В. Бурдукова, он может иметь отношение к Б. Я. Владимирцову, имевшему научные и дружеские контакты с А. В. Бурдуковым и проявлявшему интерес к памятнику, о чем будет сказано ниже.

История перевода и изучения надписи, начавшаяся два века назад, содержит несколько драматических сюжетов. Мы предлагаем малоизвестные факты, связанные с персонажами, имеющими отношение к рукописи из ИВР РАН. Они могут быть интересны для современного исследователя истории отечественного востоковедения.

Стела «Чингисов камень», была обнаружена в 1802 г. в Забайкальском крае России в районе Хирхирина городского городища — развалин одного из городов Великой монгольской империи¹¹. В этом же году привезена в село Нерчинский завод. Первым сообщил о памятнике Г. И. Спасский (1793–1864), горный инженер, историк и археолог Сибири, издатель журналов «Сибирский вестник» (1818–1825), «Азиатский вестник» (1825–1827).

Его обширная статья с подробным описанием остатков древних артефактов «у ручьев Кыркыр и Малой Кондуе», — месте, которое потом было названо Кондуйским городком, — появи-

¹¹ Развалины этого города были открыты в 1724 г. и впервые описаны руководителем первой научной экспедиции в Сибирь по заданию Петра I Д. Г. Мессершмидтом (1685–1735). Позже городище было названо Хирхириным. В 60-е годы XX в. здесь велась раскопки под руководством советского археолога С. В. Киселева, на рубеже XX–XXI вв. — А. Р. Артемьева; в первой трети XXI в. — Н. Н. Крадина. В ходе раскопок были обнаружены валы, рвы, остатки ханского дворца, кузнечной мастерской, несколько жилищ с канами. Город был датирован XIII веком, погиб при пожаре. Считается ставкой Есунке.

Рис. 3. «Чингисов камень». Отдел Востока. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург

лась в «Сибирском вестнике» за 1818 г. Журнал вышел в 1819 г. [Спасский, 1819. С. 108–124].

В статье он пишет: «В 5 верстах от сих достопамятностей, вверх по ручью, находится несколько древних курганов, заслуживающих внимание тем, что по уверению некоторых, близ оных стоял большой гранитный камень, с прекрасно высеченною на нем восточными буквами надписью; но как большая часть утверждают, что сей камень принадлежит к числу памятников, найденных при разрытии

Рис. 4. Григорий Иванович Спасский (1793–1864)

древних развалин на Кондуге, то и я туда же отношу дальнейшее его описание [Спасский, 1819. С. 117]. Г. И. Спасский не видел этот камень на его историческом месте, он передает слухи о его первоначальном расположении: «Почти все сии любопытные достопамятности отсюда вывезены и употреблены на строение церкви. Один только дракон доставлен в Нерчинский завод и находится там поныне вместе с камнем, упомянутым при развалинах Кыркиринских, на котором высечена надпись и который будто бы стоял на том же самом драконе» [Там же. С. 122]. Г. И. Спасский дает описание этого камня: «Сей камень состоит из гранита, имеет длины 2 аршина 13 вершков, ширины $14 \frac{2}{3}$ и толщины 5 вершков. Надпись на нем высечена сверху вниз. Несмотря на чистое и красивое начертание надписи и сходство ее с Монгольским или Калмыцким письмом, никто доселе не мог оной в точности изъяснить. Но некоторые разобранные в надписи слова, как-то в выносе с левой руки, означающая по переводу на Русский язык *последуя временам*; нижняя в первой строке, *все Монгольские народы*; начальные во второй строке, *Чингис-Каган* и тому подобные, придают ей много важности

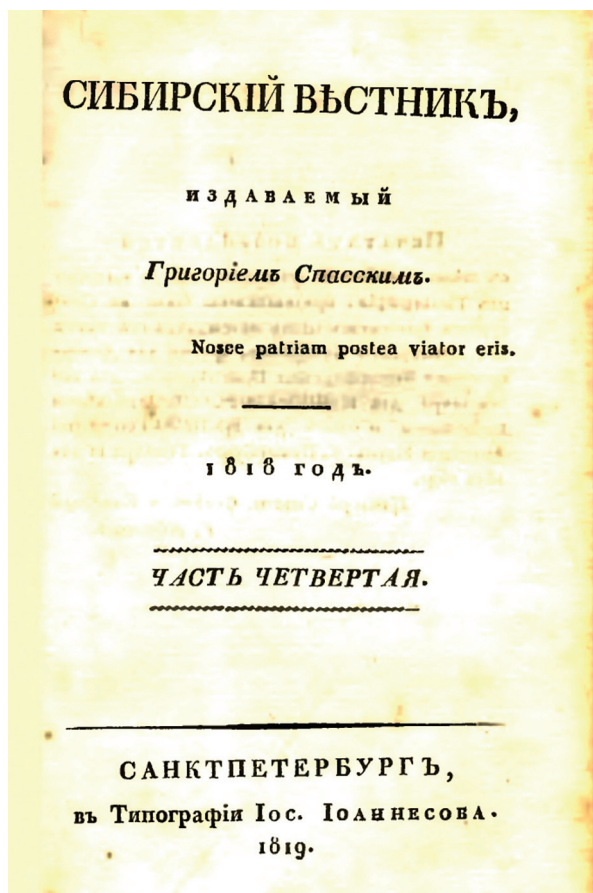

Рис. 5. Титул журнала «Сибирский вестник» со статьей Г. И. Спасского о «Чингисовом камне»

и заставляют желать, чтобы сия загадка была истолкована, которая, может быть, послужила бы к объяснению и прочих здешних достопамятностей» [Спасский, 1819. С. 123]. Г. И. Спасский предлагает прорисовку надписи, снятую с камня «возможною точностью, сквозь тонкую бумагу», указывая при этом, что «сия надпись уменьшена здесь в 8 раз против истинной величины» [Там же. С. 124].

Более точное место нахождения камня, а именно, «в 17 верстах от Кличкинского рудника на левой стороне реки Хирхиры», было установлено горным инженером А. Н. Таскиным в 1833 г., о чем известно из работы А. В. Мясникова [Мясников, 2026], как и то, что «еще в начале 1830-х годов свеж назначенный начальник Нерчинских заводов Степан Петрович Татаринов приказал сделать точную копию надписи на Чингисовом камне и отправил ее

в Иркутск выдающемуся монголоведу Александру Васильевичу Попову. К сожалению, перевод, сделанный Поповым, до сих пор не найден — известно лишь, что он содержится в одном из партикулярных писем Татаринова, которое еще предстоит найти»¹² [Мясников, 2026].

В 1832 г. камень был доставлен вместе с караваном серебра из Нерчинского завода в Петербург. В Петербурге он сначала хранился в Министерстве финансов; в 1839 г. был выставлен для публики в зале Выставки произведений промышленности, затем передан в Академию наук, стоял на лестнице перед АМ, с 1936 г. хранится в Государственном Эрмитаже. На камне видна трещина. Как предполагают, камень треснул почти посередине, во время перевозки в село Нерчинский завод [Банзаров, 1955. С. 204].

Первые попытки прочтения надписи были сделаны сибирскими толмачами и ламами, еще во время нахождения памятника в Нерчинском заводе. Затем «господин Ванчиков¹³, учитель монгольского языка в Кяхте, разобрал еще несколько слов: но, к сожалению, непонятные архаизмы он перевел гадательно» [Банзаров, 1955. С. 204].

Первым свой перевод напечатал И. Я. Шмидт. Ученый считал свой перевод верным и писал в статье, что прочел надпись без «затруднений и очень легко» [Schmidt, 1833. S. 252].

Наша транскрипция текста И. Я. Шмидта

- (1) Činggis qaγan-u
- (2) sartaγul irgen ejelejū
- (3) baγuγu qamuγ mongol
- (4) ulus-un erteni-i buγa
- (5) urγai quriyaγsan-dur
- (6) Yerūngke ün
- (7) γurban γaγun γučin tabun
- (8) elije-dür sindurlaγan

¹² А. В. Попов в начале 1830-х годов был еще студентом. Возможно речь могла идти о А. В. Игумнове.

¹³ Ванчиков — Ринчин Ванчиков (Иринчин-Нима Ванчиков), видный деятель бурятского просвещения. Перписчик Английской духовной миссии в Забайкалье. Один из переводчиков Псалмов Ветхого завета. Учитель монгольского языка в Троицкосавской бурятской войсковой школе, где учился Доржи Банзаров. Участник научной экспедиции П. Л. Шиллинга.

Рис. 6. Реконструкция текста И. Я. Шмидта

Но такое беглое и свободное начало имело волнующее продолжение. В 1839 г., через шесть лет после появления перевода И. Я. Шмидта появляется его статья в 224 номере газеты «Санкт-Петербургские ведомости» — «О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана», которая представляет собой яростное обвинение Р. Ванчикова. Автор называет перевод Ванчикова «бессмысленным» и «вздорною болтовнею сумасшедшего», а свой — «имеющим логический смысл» [Шмидт, 1839]. Это страстное послание появилось после выставки 1839 г., где рядом с переводом И. Я. Шмидта был помещен перевод Р. Ванчикова. Как оказалось, И. Я. Шмидт полагал, что этот перевод сделал отец Иакинф (Н. Я. Бичурин, 1777–1853), который выдал себя за Ванчикова, чтобы унижить Шмидта. И именно к нему были адресованы слова Шмидта. К тому времени Бичурин уже вернулся из Пекина, где провел 10 лет, возглавляя Девятую миссию, за плечами у него была ссылка на Валаам (1822–1826). Он также являлся членом-корреспондентом Императорской академии наук, лауреатом Демидовской премии. Вскоре появилась вся полемика относительно перевода памятника. Она вышла в разделе «Смесь» в журнале «Отечественные записки» за 1839 г. Ответ Бичурина был напечатан вместе с письмом Шмидта и объяснением главного устроителя

выставки Сергея Комарова [Там же. С. 27–33]¹⁴. На нападки И. Я. Шмидта И. Бичурин ответил с достоинством. «О статье г. Шмидта, касательно нового перевода монгольской надписи на известном памятнике Чингис-Хана», он написал: «Г. академик Шмидт в статье своей о новом переводе монгольской надписи на чингис-хановом памятнике, обнаружил весьма ясно подозрение, будто бы я скрытно действую к ущербу славы, приобретенной им в Европе своими учеными произведениями. Признаюсь, что, удивленный столь странным обвинением, я не считал за нужное отвечать на него; но многие почтенные особы заметили мне, что совершенное молчание с моей стороны было бы в глазах публики знаком согласия. Посему, почти против воли, вхожу в объяснение по сему предмету. Оно коротко и просто. Пути, избранные мною и г. Шмидтом, совершенно различны: он занимается исключительно монгольским и тибетским языком, я — исключительно китайским, посему я не мог взять на себя критику перевода с монгольского языка по той же причине, почему г. Шмидт не возьмет на себя критику перевода с китайского. Перевод надписи действительно достался мне случайно и был привезен мною сюда вместе с другими предметами любопытства, которые обыкновенно собираются всеми путешественниками. Но что же из сего следует? Вот уже прошло 20 месяцев, как я возвратился из Кяхты; если б я имел намерение привезенный мною новый перевод противопоставить переводу г. Шмидта, то давно бы кяхтинский перевод был напечатан в журналах; но, не занимаясь монгольским языком, я не считал себя вправе это сделать. Вот все, что я могу сказать по этому случаю. Остальное

¹⁴ В разделе «Смесь» были помещены четыре статьи. Первая, от редакции: «Процесс о монгольском надписи на памятнике Чингис-хана (с. 27–28), вторая — И. Я. Шмидта «О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана» (с. 29–32), третья — И. Бичурин «О статье г. Шмидта, касательно нового перевода монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана» (с. 32), четвертая — организатора Выставки произведений промышленности Сергея Комарова «О монгольской надписи на памятнике Чингис-хана, истолкованной двояко» (с. 32–33).

до меня не относится. Нельзя не пожалеть о тоне, принятом г. Шмидтом в своей статье; я уверен, что почтенный академик сам пожалеет о том, что написал в пылу негодования, не вникнув в обстоятельства дела. Мне остается уверить г. Шмидта, что его статья нисколько не изменила того истинного уважения, которое я питаю, как лично к нему, так и к ученым трудам его. Иакинф Бичурин» [Бичурин, 1839. С. 32].

Теперь, зная все перипетии вокруг ранних переводов надписи, мы считаем, что можно сделать выводы: на втором листе нашего документа из коллекции ИВР РАН помещен перевод Р. Ванчикова, о котором писал Г. И. Спасский и который выставлен рядом с переводом И. Я. Шмидта на Выставке произведений промышленности в 1839 г. Это подтверждает и заглавие «Перевод ламы, учителя в Кяхте». Именно этот перевод рассердил И. Я. Шмидта. Известно, что Р. Ванчиков был учителем Д. Банзарова в школе Троицкосавска, созданной в 1833 г. Инициатором создания этого учебного заведения был О. М. Ковалевский. Школа находилась в ведении Министерства внутренних дел. О Р. Ванчикове известно также, что он был коллежским регистратором, учился в английской миссии в Селенгинске.

У О. М. Ковалевского нет изданных работ по переводу «Чингисова камня». Но он, несомненно, знал об этом памятнике, интересовался переводом стелы, имел о переводе свое мнение, не мог не быть знаком с переводом Р. Ванчикова. Возможно, именно он был инициатором продолжения исследования надписи этого памятника своим учеником Доржи Банзаровым, который предложил совершенно иную интерпретацию надписи, чем И. Я. Шмидт. Д. Банзаров продолжил полемику вокруг перевода «Чингисова камня», приехав в Санкт-Петербург в 1848 г. Через два года, в августе 1850 г., будучи уже в Иркутске, он закончил расшифровку, прислал свою работу П. С. Савельеву¹⁵, который издал труд Д. Банзарова со своим

¹⁵ Савельев Павел Степанович (1814–1859) — русский востоковед-арабист, археолог, нумизмат, председатель этнографического отдела Русского географического общества, секретарь Комитета иностранной цензуры, славяно-фил. Популяризатор научных открытий о Востоке.

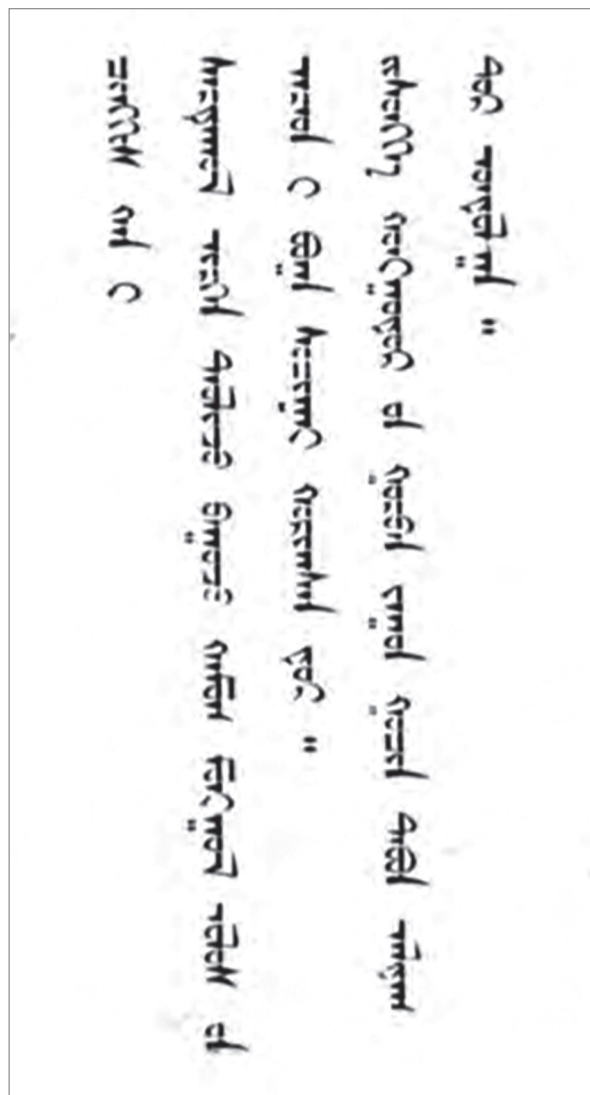

Рис. 7. Реконструкция текста, выполненная Д. Банзаровым

предисловием в 1851 г. (т. е. уже после кончины И. Я. Шмидта). Предисловие П. С. Савельева позже вошло в Полное собрание сочинений Доржи Банзарова, изданное Г. И. Румянцевым в 1955 г. [Банзаров, 1851].

В современной транскрипции она выглядит таким образом:

- (1) Činggis qaγan-i
- (2) sartayul irgen taulijū
- (3) bagujū qamuy mongol
- (4) ulus-un arad-i buya sujijai quriyaγsan-dur
- (5) Yisüngke qonggodor-un
- (6) γurban jāyun γučin tabun
- (7) alday-dur onduulaya

Д. Банзаров предложил следующую транскрипцию текста:

(1) Чингис-хан-и

(2) Сартагул иргэн таулиджу багуджу хамук монгол улусун

(3) арат-и Буга-Сучигай хуриксан-дур

(4) Исункэ хонгодор-ун гурбан дзагун гучин табун алтак

(5) тур ондулага.

Перевод:

«Когда Чингис-хан, после нашествия на народ Сартагул (Хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Буга-Сучигае, то Исункэ получил в удел триста тридцать пять воинов хонгодорских» [Банзаров, 1955. С. 200].

Полемизируя с И. Я. Шмидтом, перевод которого сводился к тому, что стела была поставлена в честь 335 демонов, Д. Банзаров писал, что смысл текста, выбитого на стеле, выходит очень простой: «Исункэ, племянник Чингис-хана, получил от дяди в наследственное владение небольшой отряд, и для увековечения этой милости и своих прав поставил памятник, сохранившийся до наших времен. История вполне подтверждает то, что говорит, по нашему чтению, надпись. Чингис-хан ранее 1224 г. не мог заняться раздачей уделов своим сыновьям и родственникам, ибо все время до 1210 он провел в борьбе с кочевыми народами Монголии, с 1210 по 1218 г. — в войнах с Китаем, и, наконец, с 1219 по 1224 г. — в походе на запад... Смог это сделать по возвращении из похода на Персию... Время сооружения памятника надобно отнести к тому времени, когда Исункэ построил себе дворец на речке Кыркыр, приблизительно между 1224–1300 гг. ...» [Банзаров, 1955. С. 200].

Банзаров приводит несколько значительных отличий своего перевода от перевода Шмидта.

1. Шмидт перевел слово *сартагул*, понимая под ним хара-китайцев. Банзаров полагал, что на самом деле под этим народом надо понимать обитателей Хивы (Персии).

2. Вместо *эдэлэжу* (у Шмидта — «овладев») Банзаров полагал, надо читать *таулиджу* — «напав», «после нападения» (Банзаров считал, что написано на самом деле — *аулиджу*, но из-

за трещины пропала буква — «т», поэтому надо читать *талиуджу*) [Там же. С. 190–191].

3. вместо *эртэну* — надо читать *арат-у*, т. е. «людей» [Там же. С. 191].

4. вместо *бога оргай хориксан* — «ненависть совершенно», надо читать *Буга-Сучигай хуриксан*, т. е. «собрались в Буга-Сучигай» (Это место упоминается Д'Оссоном в «Истории монголов» [Там же. С. 191–192].

5. Слово *ирунке* надо читать как *Есунке*, собственное имя. Оно помещено на выделенное место [Там же. С. 194].

6. *Оноподурин* надо читать как *хонгодор*, т. е. как собственное имя небольшого монгольского поколения, которое составляло удел князя Исункэ [Там же. С. 194–195].

7. *Элие* надо читать *ал-дак*, т. е. «воин», от слова *ал* — «рота», которое произошло от корня, означающего разделение (например, слова *алхумо* — «шагать», *алда* — «сажень», т. е. длина раздвинутых рук [Там же. С. 196–197].

7. *Шиндарулга* — «изгнание», надо читать как *ондулага* — «получил в удел», так как это «будет всего сообразнее со смыслом всей надписи» [Там же. С. 197–199].

«Чингисов камень» занимал монголоведов и XX в. Свои варианты перевода предлагали И. А. Клюкин, Г. Габеленц, Е. Радлов, С. Муряма, Ц. Дамдинсүрэн, Б. Ринчен, Х. Пэрлээ, Л. Амбис, Л. Лигети, И. Рахевильц, Ф. Рыбацкий. Переводы всех исследователей носили главным образом уточняющий характер. Самый прорывной, меняющий смысл надписи, был предложен в 1927 г. доцентом Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета, учеником Г. Ц. Цыбикова И. А. Клюкиным (1889–1938). Он был опубликован в Трудах Государственного Дальневосточного университета [Клюкин, 1927]. В предисловии И. А. Клюкин приводит одну любопытную деталь, которая может иметь отношение и к документу, хранящемуся в ИВР РАН.

Транскрипция И. А. Клюкина следующая:

(1) Čingis xan-i

(2) Sartayül erke dayülijü bayüju хамуу монгол улус-ун

(3) noyon-i boytoyučiyär (?) хорууһан-дур

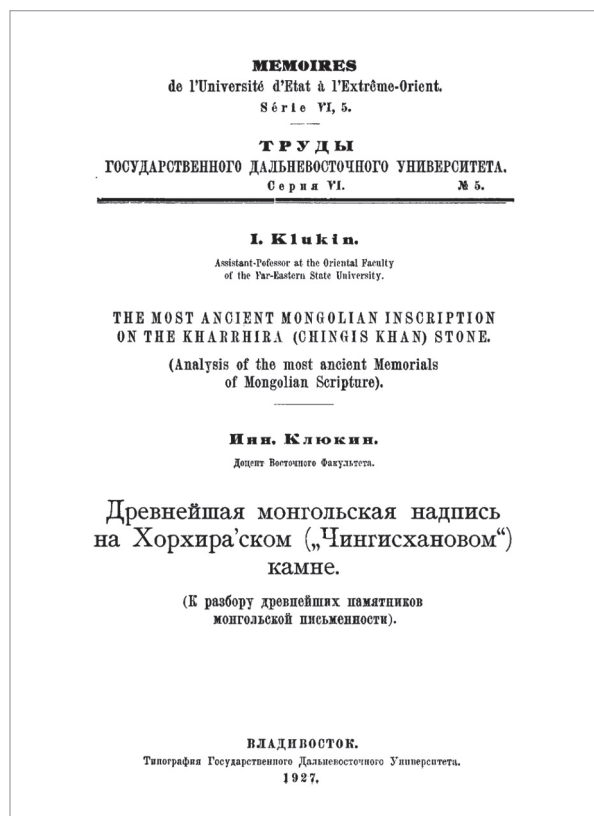

Рис. 8. Титульный лист монографии И. А. Клюкиной о «Чингисовом камне»

(4) Yisünke ontudur-un yurban jayün yučin tabun aldas –

(5) tur ontudulaya.

Перевод:

«Когда Чингис-хан, по возвращении с захвата власти сартагулов, всех нойонов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исунке на триста тридцать пять маховых сажен расстояния (прицела) выстрелил из лука» [Клюкин, 1927. С. 33].

В предисловии к работе автор указывал, что монография написана в 1924 г., представлена Бурятскому Учкому. Последний предлагал смягчить тон высказываний по поводу перевода Банзарова, который им «якобы внесен в отношении критики Банзаровского чтения, и который по аналогии с критикой Банзарова в отношении к Шмидтовскому чтению надписи бурятскими учеными почтен за национальный антагонизм» [Клюкин, 1927. С. 3]. Однако, жесткий тон полемики работы И. А. Клюкиным сохранен. В дополнение к этому конкрет-

ному обстоятельству, имевшему место при обсуждении работы, автор приводит еще одно интересное замечание: «Я, приняв во внимание указания, которые мне были сделаны профессором Б. Я. Владимирцовым в его письмах относительно чтений третьей строки надписи, оставил прежнее понимание второго слова и дал ему предположительно новое толкование. Речь идет о слове *boytoγuīçiyar*» [Там же]. Из этих слов И. А. Клюкина можно сделать однозначный вывод, что переводом интересовался Б. Я. Владимирцов, более того, можно было бы предположить, что надпись в середине второго листа на документе, хранящемся в ИВР РАН, сделана рукой Б. Я. Владимирцова. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения могло бы служить то обстоятельство, что документ поступил в коллекцию ИВР РАН из архива А. В. Бурдукова, который считал себя учеником Б. Я. Владимирцова и трепетно хранил о нем память. Однако, А. В. Бурдуков активно работал с материалами и других исследователей, в том числе А. М. Позднеева, чья коллекция рукописей и архив поступили в Азиатский Музей в 1920-е годы. Поэтому вопрос о почерке в середине второго листа рукописи пока остается открытым.

Интерес также представляет прорисовка камня, на основании которой в разное время по-разному проводилась реконструкция старомонгольского текста (который также имеется в нашем документе). Первая прорисовка «Чингисова камня» была сделана в Нерчинском заводе по приказу С. П. Татаринова [Мясников, 2026]. Первый снимок был издан Спасским. Это была уменьшенная надпись, выполненная людьми, не знавшими монгольского языка.

Шмидт приложил к своей статье новый, снимок надписи [Schmidt, 1833. S. 256]. В нем не был сохранен вид знаков, произвольно восстановлены неясные в подлиннике буквы. Д. Банзаров сделал реконструкцию старомонгольского текста по собственному фотоснимку. В 1848 г. они вместе с Савельевым предприняли способ прорисовки по самой современной на то время технологии — дагеротипии по способу Дагера и Тальбота. Ими был получен фотографический снимок с помощью камеры

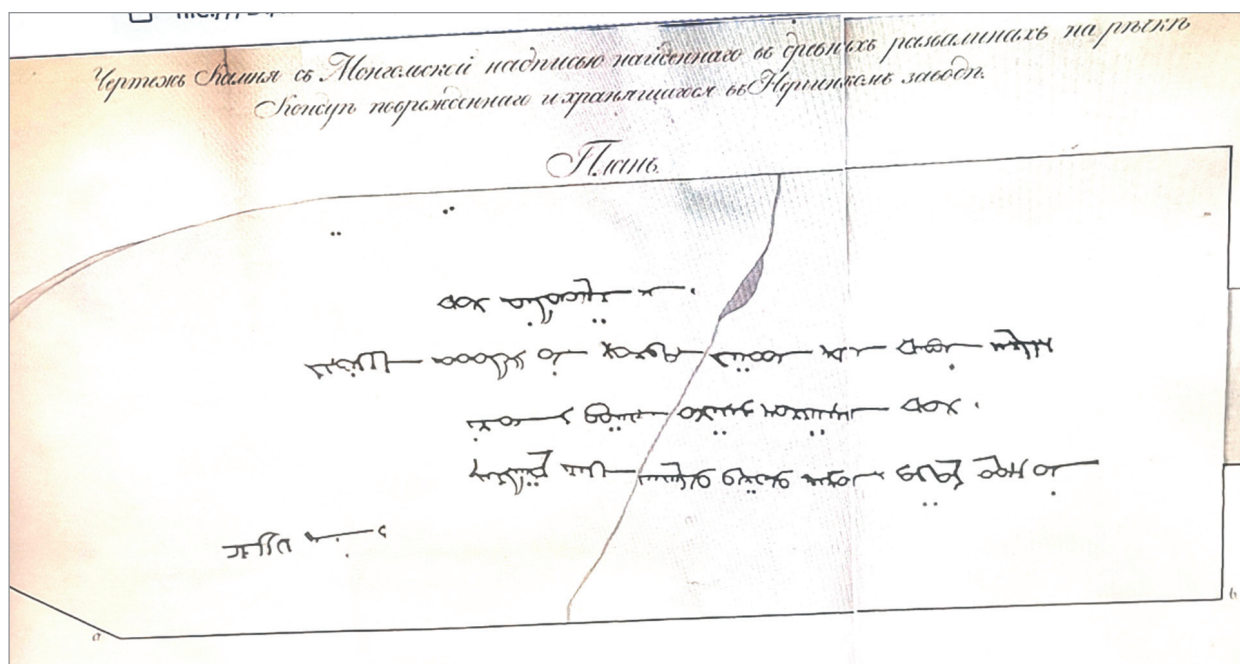

Рис. 9. Первая прорисовка «Чингисова камня», сделанная в Нерчинском заводе по приказу С. П. Татаринова

обскуры, в которую была положена бумага, чувствительная к солнцу. Надпись при этом была уменьшена в 8 раз. Снимок отличался от снимка Шмидта. Банзаров считал свое изображение более верным. Реконструкцию Банзарова использовал А. М. Позднеев в «Лекциях по истории монгольской литературы», хотя он критически относился к толкованиям Банзарова исторических фактов и считал, что любой «отдел банзаровских доказательств» вызывает массу вопросов [Позднеев, 1896. С. 75–78].

Еще более совершенный снимок был сделан В. В. Радловы в «Атласе древностей Монголии» в 1892 г. И. А. Ключин пользовался снимком Радлова. Отзывался о факсимиле, изготовленном Шмидтом, так: «Снимок Шмидта страдает большими неточностями, так как не был скопирован с надписи, а лишь срисован на глазомер. На снимке Шмидта пропущено немало деталей в начертании отдельных букв в словах и, кроме того, некоторые слова надписи срисованы произвольно и совершенно не похожи на их прототипы» [Ключин, 1927. С. 6]. Список Банзарова «оказался также неудовлетворительным, если не худшим, чем забракованный им и Савельевым снимок Шмидта. Хотя Шмидт и срисовал буквы на вид несколько угловатые,

зато в них сохранилось больше палеографических признаков, чем у Банзарова. Шмидт, срисовывая слова надписи, особенно искажил только два, Банзаров же, кроме некоторых искажений слов, во многих случаях совершенно не скопировал диакритических знаков у букв, что, в свою очередь, отдаляло его от правильного чтения текста надписи» [Там же. С. 7]. На сегодняшний день самой совершенной является фотография надписи в Каталоге колумбийского университета [Bonaparte Roland, 1895].

В таблице ниже представлены три варианта транскрипции старомонгольского текста (И. Я. Шмидта, Д. Банзарова и документа из коллекции ИВР РАН).

При сравнении этих транскрипций можно сделать однозначный вывод, что старомонгольский текст документа ИВР РАН отличается от текстов, реконструированных И. Я. Шмидтом и Д. Банзаровым, на основании которых они делали свои переводы.

Мы считаем, что на первой странице документа из ИВР РАН дана реконструкция текста «Чингисова камня», выполненная Р. Ванчиковым, перевод которой не был издан.

Транскрипция И. Я. Шмидта	Транскрипция Д. Банзарова	Транскрипция документа из коллекции ИВР РАН
1. Činggis qaγan-u	1.Činggis qaγan-i	1. Činggis qaγan-u
2. sartayul irgen ejeleǰü	2. sartayul irgen tauliǰu	2. sartayul irgen-i ejeleǰü baγuǰu qamuγ mongol ulus-un
3. baγuǰu qamuγ mongol	3. baγuǰu qamuγ mongol	3.erten-i baγudal-dur quriyagsan-dur
4. ulus-un erten-i buγa	4. ulus-un arad-i buγa suǰiyai quriyaγsan-dur	4.yerengki onon-iyer-un γurban jaγun gučın tabun elčis
5. urγai quriyaγsan-dur	5.Yisüngke qonggodor-un	5.tür sindarluyā
6. Yerungke ün	6. γurban jaγun γučin tabun	6. buγaγurayui
7. γurban jaγun γučin tabun	7. alday-dur onduulayā	
8. eliǰe-dür sindurlayān		

Весь документ из ИВР РАН представляет собой образец ранней работы по расшифровке надписи «Чингисова камня». Датировать эту рукопись можно периодом с 1833 по 1851 г., т. е. после появления первого изданного перевода И. Я. Шмидта и до появления перевода Д. Банзарова. Особенности почерка дают основание отнести документ к XIX в. Исследование почерка, которым написан перевод на втором его листе, исключает создание документа в XX в. и возможность того, что с этим документом мог работать Б. Я. Владимирцов и оставить свои записи.

Таким образом, ИВР РАН хранит в своей коллекции документ, который отражает ранние попытки реконструкции, прочтения и перевода надписи «Чингисова камня» — одного из важных эпиграфических памятников древности, сохранившихся на территории нашей страны. Данная надпись, выбитая на камне восемь веков назад, до настоящего времени не получила общепринятого перевода и, несомненно, еще долго будет привлекать внимание ученых. Тем самым история памятника продолжает связывать между собой людей разных эпох и культур.

Использованная литература

Банзаров, 1851: *Банзаров Д.* Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана // Записки Императорского археологического общества. 1851. Т. 3. С. 268–292.

Банзаров, 1955: *Банзаров Д.* Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-хана // Доржи Банзаров. Собрание сочинений / Подгот. к печ. и примеч. Г. Н. Румянцева. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 187–206.

Бичурин, 1839: *Бичурин И.* О статье г. Шмидта, касательно нового перевода монгольской надписи на известном памятнике Чингис-Хана // Отечественные записки 1839. Т. VII. Отд. VIII. С. 22–33.

Киселев и др., 1965: Древнемонгольские города / Авторский коллектив: С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов, Н. Я. Мерперт, В. П. Левашова; Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Наука, 1965.

Клюкин, 1927: *Клюкин Инн.* Древнейшая монгольская надпись на Хорхира'ском («Чингисхановом») камне. (К разбору древнейших памятников монгольской письменности). Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1927 (Труды Государственного Дальневосточного университета. Сер. VI. № 5).

Мясников, 2006: *Мясников А.* Из Забайкалья — в Эрмитаж: как в коллекции музея появился загадочный Чингисов камень. <https://www.vokrugsveta.ru/articles/iz-zabaikalya-v-ermitazh-kak-v-kollekcii-muzeya-rojavilsya-zagadochnyi-chingisov-kamen-id6166909> (дата обращения: 05.04.2026).

Отечественные записки, 1839: Отечественные записки. Санкт-Петербург. 1839. С. 27–33.

Позднеев, 1896: *Позднеев А. М.* Лекции по монгольской литературе. Санкт-Петербург. 1896.

Сабрукова, 2020: *Сабрукова С. С.* Российские монголоеды А. В. и Т. А. Бурдуковы (обзор фонда из Архива востоковедов ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. № 1 (40). С. 119–134.

Савельев, 1851: *Савельев П.* Предисловие к: Банзаров Д. Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исунке, племянника Чингис-Хана // Записки Императорского археологического общества. 1851. Т. 3. С. 268–273.

Сазыкин, 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука; ГРВЛ, 1988.

Спаский, 1819: *Спаский Г. И.* Древности Сибири. Забайкальские развалины древних зданий и остатки укреплений // Сибирский вестник. 1818. Т. IV. Отд. II. 1819. С. 108–124.

Шмидт, 1839: *Шмидт И. Я.* О новом переводе монгольской надписи на известном памятнике Чингис-хана // Санкт-Петербургские ведомости. 1839. № 224.

Bonaparte Roland, 1895: *Bonaparte Roland.* Documents de l'époque mongole des XIIIe et XIVe siècles. Inscription en six langues de la porte de Kiu-yong koan, près Pékin; lettres, stèles et monnaies en écritures Ouigoure et 'Phags-pa dont les originaux ou les estampages existent en France. Paris, 1895.

Murayama, 1950: *Murayama S.* Über die Inschrift auf dem "Stein des Čingis" // Oriens. 1950. Vol. 3. No. 1. P. 108–112.

Schmidt, 1833: *Schmidt J.* Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der Mongolen-Herrschaft // Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg, 1833. VI serie. T. II. S. 252–256.

Srba, 2012: *Srba O.* Nápis na tzv. Čingisově kameni (Činggis-ün čilayun-u bičig) [Inscription on the so-called Chingis Stone] // Linguistica Brunensia. 2012. Vol. 60. No. 1–2. P. 171–182.

AN EARLY TRANSLATION OF THE STELE OF GENGHIS KHAN INSCRIPTION KEPT IN THE MONGOLIAN COLLECTION OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Irina V. KULGANEK, Dmitry A. NOSOV
Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the study of a handwritten document in Mongolian, German, and Russian, which is part of the collection of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS). The manuscript represents early attempts to reconstruct, read, and translate the epigraphic inscription on the so-called "Genghis Khan's Stele", which is currently on display in the Oriental Department of the State Hermitage Museum. In the 19th century translation of the inscription sparked intense scientific debates, which continue to this day. The study of the document kept at the IOM RAS, allows to conclude that the problem of reading the stele was of interest not only to the scholars who published their translations, but also to other researchers who did not publish any articles on the "Genghis Khan's Stele".

Key words: Genghis Khan's Stele, Mongolian manuscripts, Mongolian epigraphic inscriptions, history of Mongolian studies.

About the authors:

Irina V. Kulganek, Dr. Sci. (Philology), Head of the Section of Central Asian Studies of the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (kulgan@inbox.ru). ORCID: 0000-0003-1417-3167.

Dmitry A. Nosov, Cand. Sci (Philology), Senior Researcher at the Department of Manuscripts and Documents, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (dnosov@mail.ru). ORCID: 0000-0001-7247-1184.

С. С. САБРУКОВА
Институт восточных рукописей РАН

НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ ПО БУДДИЙСКОЙ РИТУАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ИНСТРУКЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ ПОДНОШЕНИЙ БОЖЕСТВАМ ИЗ ТИБЕТСКОГО ФОНДА ИВР РАН

Статья посвящена анализу вновь выявленного графического источника из тибетского фонда Института восточных рукописей РАН. На материале рукописного листа из конволюта А-17286 рассматривается методика создания ритуальных скульптур торма, предназначенных для циклов Будды Амитаюса и Будды Кунрига (Вайрочаны). Автор исследует синтез визуального ряда и текстовых инструкций, позволяющий реконструировать иерархию подношений и структуру алтарной мандалы. В работе приводится описание физического состояния памятника, фиксируется наличие вторичной бумажной основы с фрагментами текстов на монгольском и тибетском языках, что свидетельствует об интенсивном практическом использовании рукописи ламами-практиками. Анализ терминологии и структуры подношений позволяет реконструировать механизмы взаимодействия с сакральным пространством и защиты жизни, характерные для буддийской традиции Бурятии и сопредельных регионов.

Ключевые слова: ИВР РАН, тибетский фонд, конволют, буддийские ритуалы, торма, Амитаюс, Кунриг, иконография, Бурятия.

Об авторе: САБРУКОВА Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Отдел рукописей и документов ИВР РАН (Россия, Санкт-Петербург) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID 0000-0001-7983-4291.

© Сабрукова С. С., 2026

Институт восточных рукописей РАН располагает масштабным собранием буддийской иконографии тибетско-монгольского региона. Профильный иллюстративный фонд насчитывает более 5500 единиц хранения, включая танка, иконографические альбомы, ксилографические оттиски, а также графические и живописные листы по тибетской медицине. Значительная часть этих материалов выявляется в ходе плановой инвентаризации Тибетского фонда, обнаруживаясь внутри тематических подборок или среди разрозненных рукописей. Особый исследовательский интерес представ-

ляют прикладные руководства по созданию ритуальных скульптур торма¹. В составе рукописного сборника А-17286 автором выявлен комплекс из 23 иллюстративных материалов (графических схем и ксилографов), дополняющих литургические тексты. Настоящая статья вводит в научный оборот центральный объект этого визуального ряда — детальную инструк-

¹ В словаре Ю. Н. Рериха это слово переведено как умиловительная жертва (ритуальные фигурки конической формы из теста, которые приносятся в жертву для умиловления различных духов и божеств) [Рерих, 1985. С. 352].

цию по изготовлению подношений для циклов Амитаюса² и Кунрига³.

Среди вновь выявленных источников выделяются прикладные руководства по созданию ритуальных атрибутов. Настоящая статья вводит в научный оборот графический документ (И-3371/1)⁴ из состава единицы хранения А-17286 — иллюстрированную инструкцию по изготовлению скульптур торма. Исследование этого памятника позволяет реконструировать не только внешние формы подношений, но и технико-сакральные аспекты их создания, закрепленные в литургической традиции.

Этот сборник был собран и заинвентаризован в 1975 г. сотрудником фонда тибетских рукописей и ксилографов Л. С. Савицким (1932–

² Будда долгой жизни. В средние века в Тибете, Монголии (особенно в лечебной практике лам) и Китае сложился культ Будды Амитаюса, получивший широкое распространение в XVI–XVIII вв., который продолжает сохранять свое значение и поныне. В Монголии этот Будда известен под именем Аюши, его изображения были вытканы на хадаках, как покровителя долголетия [Позднеев, 1993. С. 100].

³ Kun rig (Кунриг): Это сокращение от Kun rig gnam par snang mdzad (санскр. Sarvavid Vairocana), что означает «Всеведущий Вайрочана». Вайрочана — один из пяти Будд Мудрости, и в этой форме он является центральным божеством обширных ритуалов очищения. А. М. Позднеев в своей книге «Очерки быта буддийских монастырей...» дает описание проводимого ламой своего рода ритуала напутствий умирающему человеку, где Вайрочана или по-монгольски Бирузана играет важную роль для получения хорошего перерождения [Позднеев, 1993. С. 457–459]. К. М. Герасимова пишет о практическом аспекте похоронных обрядников, которые охватывают полный цикл действий похоронного ритуала: «не сосредотачиваясь только на защите и сопровождении души через страшные и опасные теснины загробной сферы на ее пути в райскую обитель или к новому рождению в мире людей» [Герасимова, 1989. С. 143].

⁴ Торма Амитаюсу и Кунригу с текстовыми аннотациями, рисунок тушью. Тибетский фонд ИВР РАН, шифр: И-3371/1. Бумага, тушь, перо. Размеры: 35,3×11,0 см. Бурятская школа, XIX — нач. XX вв. см. рис. 1.

2007). Важно отметить, что на тот момент фиксация была формальной (листаж, габариты), без расшифровки содержания. В 1992 г. Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН заключил договор с Проектом компьютеризации сведений о письменных памятниках на восточных языках (АСИР). В мае 1994 г. началась работа по внесению в базу данных сведений об источниках на тибетском языке, которая завершилась в декабре 2004 г., итогами этой работы были два CD-ROM с описанием 100000 названий сочинений на тибетском языке из собраний восточных библиотек и хранилищ С. Петербурга. Сведения о содержании сборника были взяты из этого каталога. Для наглядности представляем систематизированное описание манускрипта А-17286 из тибетского фонда ИВР РАН, включая три единицы, которые отсутствуют в каталоге АСИР.

Состав манускрипта А-17286

Сборник состоит из десяти единиц (текстов и фрагментов), преимущественно рукописных, выполненных на бумаге российского производства. Состав материалов отражает многогранную литургическую и административно-хозяйственную практику бурятского дацана начала XX в.

Настоящая статья впервые вводит в научный оборот полное описание состава бурятского рукописного сборника А-17286 из собрания ИВР РАН. Установлено, что значительная часть его содержания осталась вне поля зрения экспертов проекта АСИР: в электронный каталог не были включены две текстовые единицы (руководство по ритуалу Будды Медицины и должностная инструкция эконома дацана), фрагменты сутры Амитаюса и комплекс иллюстративных материалов.

№	Тибетское название	Характеристика (материал, объем, формат)	Тематика и содержание
1	Dbu ma'i dogs slong bzhugs so	Рукопись, 10 л., 35,5×11,0 см	Философия: Разъяснение трудных вопросов Мадхьямики.
2	Dge slong gi bslab bya mdor bsdus med mi rung 'ga' zhid brjod pa gnad kyi nyi zer zhes bya ba bzhugs so.	Рукопись, 4 л., 35,5×11,0 см	Этика: Краткое наставление по обетам гелонгов.
3	Sku lnga'i gsol mchod dgra dpung phyed mar 'thag pa'i gnam lcags rdo rje'i thog mda zhes bya ba bzhugs so.	Рукопись, 2 л., 35,0×10,5 см	Защита: Ритуал призывания и подношения пяти царям (защитникам Нечунга) ⁵ .
4	Bar do'i gsol 'debs lha chang la 'ang sbyar chog pa bzhugs so	Рукопись, 2 л., 34,8×10,5 см	Обряд: Молитва промежуточного состояния (бардо), адаптированная для ритуала (lha chang).
5	Thub dbang gnas brtan bcu drug dang bcas pa la mchod cing gsol ba gdab pa'i cho ga thub bsan rgyas byed yid bzhin nor bu'i sbyor dngos rjes gsum du ji ltar bya ba'i tshul gsal bar bkod pa dngos grub kun 'byung zhes bya ba bzhugs so.	Рукопись, 35 л., 44×12 см.	Литургия: Полное руководство по ритуалу почитания Будды Шакьямуни и 16 Архатов.
6	A-er-te-ne jo-bo'i khri-pa bla ma sprul sku rdo rje 'dzin pa chen po dkon mchog rgyal mtshan dpal bzang po'i zhal snga nas kyi rnam thar gsol 'debs dad pa'i sgo 'byed ces bya ba'i don cung zad gsal du btang ba yon tan zhal bzang lta ba'i mig 'byed ces bya ba bzhugs so.	Рукопись, 19 л., 39,5×13,5 см.	Преемственность: Молитва-биография настоятеля монастыря Эрдэни-дзу Кончога Гьялцена.
7	'Phags pa tshe dang ye shes pag tu med pa'i snying po	Рукопись на черной лакированной бумаге, 24 л., отс. л. 1; 35,5×12,7 см.	Амитаюс: Сакральная копия Сутры Безграничной Жизни (Цедо).
8*	Sman bla'i mdo cho ga 'don pa'i rim ni...	Рукопись, 2 л., 43×11 см (без названия)	Инструкция: Порядок чтения ритуала Будды Медицины и принятие обетов соджонг. [Отсутствует в АСIP]
9*	Инструкция эконома, без названия, начало (л. 1a): gzhugs gding gnang rgyu'i snga dro khang gnyer gyis gang dar byas te...	Рукопись (брошюра), листов 21 [19+01+001]; 35,5×12,7 см	Быт: Должностная инструкция эконома по подготовке храмового зала. [Отсутствует в АСIP]
10*	Tshe mdo (фрагменты)	Рукопись на синей бумаге, 2 л. (дубликаты л. 2)	Фрагмент: Рабочие листы сутры Амитаюса. [Отсутствует в АСIP]

⁵ Данная рукопись содержит текст ритуала призывания и подношения Пяти Царям (тиб. rgyal po sku lnga, бур. Табан хаан). Эти божества, возглавляемые Пэхаром, являются главными защитниками монастыря Нечунг. Название ритуала — «Метеоритный удар ваджры... перемалывающий полчища врагов» — подчеркивает «богатырский» и гневный характер этих защитников, которых А. М. Позднеев относил к категории «ужасных форм» Чойчжинов [Позднеев, 1993. С. 51]. Популярность этого культа в Бурятии XIX — нач. XX вв. подтверждается наличием аналогичных сюжетов в местной иконописи, например, танка «Пять царей во главе с Пэхаром» из собрания ИВР РАН [108 буддийских икон, 2003. С. 99].

Анализ структуры манускрипта позволяет реконструировать его как персональный литургический компендиум ламы-практика. В данном памятнике теоретическая философия и монашеская этика выступают необходимым фундаментом для совершения прикладных ритуалов очищения (*sbyang chog*) и продления жизни (*tshe dbang*). Выполнение рукописей на бумаге российского производства в сочетании со специфическим содержанием подтверждают бурятское происхождение коллекции и ее сугубо практическую направленность.

Долгое время иллюстративные материалы рассматривались лишь как вспомогательное дополнение к текстам сборника А-17286, однако их детальный анализ открывает значимые сведения о живой ритуальной практике. Согласно концепции, В. Н. Топорова, ритуал выступает способом преодоления критических ситуаций, когда угроза жизни и стабильности миропорядка порождает предельное эмоциональное напряжение [Топоров, 1988. С. 17].

Совершение обряда в таких условиях позволяет субъекту преодолеть неопределенность и восстановить целостность восприятия мира. Данный тезис находит прямое подтверждение в литургическом использовании торма внутри циклов Амитаюса (продление жизни) и Кунрига (очищение кармы усопших). Здесь материальное воплощение сакральных структур служит инструментом нейтрализации страха перед смертью и утратой благополучия, превращая абстрактную доктрину в осязаемый акт гармонизации бытия.

В контексте исследуемого конволюта строго регламентированные обрядовые действия (тексты № 5, 8, 9) выступают механизмом упорядочивания хаоса, вызванного угрозой болезни или смерти. Ритуальные циклы Амитаюса (Аюши) и Вайрочаны (Бирузаны), подробно описанные А. М. Позднеевым в контексте монгольского монастырского быта, служили в бурятских дацанах инструментом гармонизации жизни общины. Наличие в манускрипте как сакральных сутр, так и бытовых инструкций эконома подтверждает тезис Позднеева о глубокой интеграции буддийской догматики в повседневную жизнь духовенства [Позднеев, 1993. С. XII–XIII].

Как отмечает К. М. Герасимова, в тибето-монгольском регионе сформировалась «целостная культовая система буддийской храмовой и трансформированной традиционной бытовой обрядности» [Герасимова, 1989. С. 11]. Единица хранения А-17286 является редким свидетельством функционирования этой системы изнутри. Графические схемы подношений с пояснительными надписями на тибетском языке выступают здесь не просто иллюстрациями, а технологическим мостом между доктринальным учением и его реализацией в ритуальной пластике.

Переходя к анализу источника (И-3371/1), следует охарактеризовать его как прикладное наглядное пособие. Физическое состояние документа — следы износа и укрепление одного из фрагментов путем дублирования на вторичную бумажную основу — подтверждает его интенсивное использование в монастырской практике. Особое значение имеет наличие на подложке записей синими чернилами на монгольском и тибетском языках, что служит прямым доказательством бытования памятника в живой региональной традиции Бурятии.

Документ имеет четкую горизонтальную структуру и включает два тематических блока: торма Будды Амитаюса (ритуалы долголетия) и торма Кунрига (заупокойный цикл). Выбор данных сюжетов в рамках одного листа не случаен: согласно Дж. Туччи, эти божества возглавляют два ключевых семейства (*rigs*), на которых базируется система Йога-тантра — семейство Татхагаты (Вайрочана) и семейство Лотоса (Амитабха/Амитаюс) [Tucci, 1949. Vol. I. P. 222]. В данном контексте детально прорисованная тушью графическая схема выступает непосредственным руководством по материализации сакральных смыслов в форме скульптур торма.

Структура документа (И-3371/1) включает два тематических блока:

I. Торма Будды Амитаюса⁶ (тиб. *Tshe drag med*) — центральный атрибут ритуалов испрашивания долголетия (*tshe dbang*).

⁶ Амитаюс (тиб. Цэпакмэ), т. е. Неизмеримая жизнь, — тело блаженства (самбхогакая) того же будды, явленным телом (нирманакая) которого является Амитабха [Tucci, 1949. Vol. II. P. 348–350].

II. Торма Кунрига (тиб. *Kun rig*) — антропоморфная или символическая репрезентация «Всеведущего» Будды Вайрочаны, чья литургия сфокусирована на очищении негативной кармы усопших.

Выбор данного листа из состава конволюта А-17286 обусловлен его высокой информативностью: в отличие от сугубо иконографических эскизов, этот памятник фиксирует технологию обряда. Краткие пояснительные надписи над изображениями превращают рисунок в методическое руководство для мастера-изготовителя. Соседство комплексов для ритуалов долголетия и заупокойного цикла Кунриг подчеркивает универсальный характер пособия. Оно обеспечивало ламу-практика готовым набором решений для двух наиболее востребованных запросов верующих: защиты жизни и посмертного попечения. Таким образом, исследуемый лист является ценным источником по прагматике буддийского культа в региональной традиции.

Технологическое описание ритуала Амитаюса (И-3371/1, фрагмент)

Транслитерация: Tshe dpag med kyi gtor ma | shar du 'o ma dang 'bras chang | lhor nya sha dang la phug | nub sha dang khrag | byang du shing tog dang chang gi gtor ma bshams| dkyil 'khor gyi lhor mtshan brgya rtsa sgrogs| nub tu dar dmar po la snying po| lam hri: bris btags pa'i mda' dang| byang du 'chi med rda sgra'i mdo dang gzungs sgrogs pa 'am| dbe zhi li steng du bzhugs su sol| shar du mandal bra'i tshom bu bkod pa'o| mdun bskyed dgu chu gnyis| cha gsum btang| bdag bskyed chu gnyis gtang rag chu gnyis| gtang rag chu gnyis||

Перевод: «Торма [в цикле] Амитаюса. На востоке — молоко и рисовое вино ('bras chang); на юге — рыба и редька. На западе — мясо и кровь; на севере расставляют торма из фруктов и вина (chang). В южной части мандалы читаются сто восемь имен [Амитаюса]. На западе — стрела (tshe mda') с привязанным красным шелком, на котором написаны семенные слоги (snying po) или [слог] Хри (Hri:). На севере — провозглашение «Сутры звука бара-

бана бессмертия» ('Chi med rnga sgra'i mdo) и дхарани⁷ ...На востоке воздвигается насыпная мандала (tshom bu). [Для стадии] фронтальной визуализации (mdun bskyed) — девять [видов подношений, включая] две воды; подносят три части. [Для стадии] самопорождения (bdag bskyed) — две воды; для стадии благодарственного подношения (gtang rag) — две воды».

При анализе изображения (И-3371/1) обнаруживается прямая корреляция между текстом и графикой. Тело торма Амитаюса расположено в обрамлении строк, описывающих западный сектор мандалы: «на западе — стрела с привязанной красной шелковой лентой...». Конусообразное тело скульптуры обвязано тонкой лентой (вероятно, имитирующей хадак), ниспадающей сверху вниз. На ней четко зафиксирован сакральный слог «Хри» (Hri:), который в тантрической традиции маркирует сердечный центр Амитаюса.

Такое визуальное решение — совмещение надписи и рисунка — служит прямой технологической инструкцией: при изготовлении реальной скульптуры из теста полоску ткани с мантрой следовало физически закрепить на подношении. Это подтверждает прикладной характер манускрипта: перед нами не абстрактный символ, а детальный чертеж ритуального объекта, где геометрическая строгость алтарного пространства сочетается с точностью в деталях. Упоминание специфических продуктов (рыба, редька) и атрибутов (стрела tshe mda') превращает данный лист в рабочий протокол, обеспечивающий переход от доктринального текста к физическому акту жертвоприношения.

⁷ См. 'Chi med rnga sgra'i mdo (Сутра звука барабана бессмертия). В тибетской традиции данное название часто употребляется как альтернативное для *Ayurjñānāparimitā-nāma-dhāraṇī-sūtra* (тиб. *Tshe dang ye shes dpag tu med pa'i mdo* — «Сутра Неизмеримого Долголетия и Мудрости»). В каноне Деге (Тохоку) текст представлен под номерами Toh 674/676 (раздел Сутры) и Toh 849/850 (раздел Дхарани). Текст является фундаментальным для ритуалов Амитаюса, направленных на устранение препятствий к долгой жизни и реализацию благой участи усопших [Тохоку, 1934. № 676, 850. P. 116, 143].

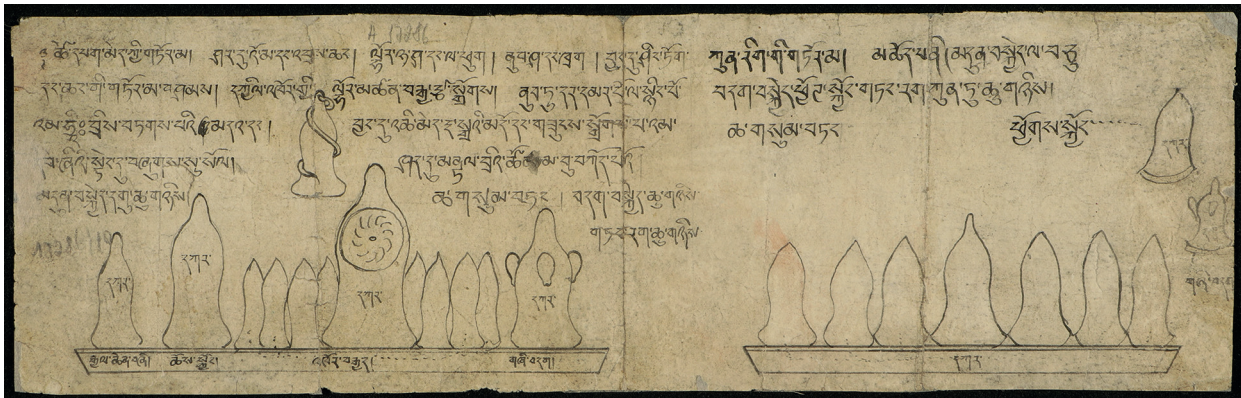

Рис. 1. Рукописная инструкция по изготовлению торма для циклов Амитаюса и Кунрига Бумага, тушь. Лицевая сторона. Шифр: И3371/1. ИВР РАН

Графическая схема набора для цикла Амитаюса демонстрирует строгую иерархию. В центре расположена доминирующая главная торма с пометой «белая» (dkar), по флангам которой выстроены восемь малых фигур свиты ('khor brgyad).

Периферийные изображения позволяют реконструировать структуру алтаря: слева размещена торма для хозяев местности (gzhi bdag)⁸ с характерными выступами в четырех направлениях, справа — фигуры для защитников учения (chos skyong)⁹ и четырех великих царей (rgyal chen bzhi)¹⁰. Собрание этих элементов на одном листе фиксирует технологический стандарт оформления алтаря, объединяющий все уровни пантеона — от локальных духов до высших божеств.

⁸ См. описание обряда «Обоной чойнкор» у А. М. Позднева, где зафиксирована иерархия подношений: жертвы приносятся сначала Буддам и защитникам (Ваджрапани), после чего выставляются пять балинов или торма, второй из которых назначается «владыке местности» (гацзарыйн эцзэн/gzhi bdag). Автор также уточняет состав балина: ячменная мука, коровье масло и благовонные травы [Позднеев, 1993. С. 406–407].

⁹ О классификации защитников учения (chos skyong) см.: [Позднеев, 1993. С. 51]. Автор отмечает разделение докшитов на две категории: «идам бурханы» (высшие просветленные существа, такие как Ямандага или Махагала) и защитники, находящиеся «на степенях бодхисаттв» — «Чой-чжины» (chos skyong, монг. номын сакусун). Данная иерархия объясняет акцентированное положение фигуры Дхармапалы в правой части центрального блока листа И-3371/1.

¹⁰ О статусе Четырех Великих Царей (rgyal chen bzhi, санскр. sator mahārāja) как божеств-охранителей мира, пребывающих на четырех сторонах «самого нижнего небесного мира», см. [Парфионович, 1978. С. 316, коммент. 113].

Данная схема фиксирует технологический стандарт почитания всех уровней пантеона — от локальных духов до высших просветленных существ. Подобное многоуровневое положение отражает отмеченный Дж. Туччи дуализм буддийской практики. Если для мирян Амитаюс выступал подателем «бесконечной жизни» и гарантом сохранения «сознательного принципа» (conscious principle) при перерождении, то для образованного духовенства ритуал служил инструментом осознания иллюзорности бытия и возвращения к «свету Пустоты» [Tucci, 1949. Vol. I. P. 286].

Таким образом, интеграция на одном листе подношений Амитаюсу и локальным защитникам подтверждает прагматичный характер посябия, призванного обеспечить безопасность адепта на всех уровнях его существования.

Второй комплект на листе также сопровождается текстом и группой рисунков, расположенных справа.

II. Торма Кунрига (Сарвавид-Вайрочаны)

Транслитерация: Kun rig gi gtor ma | mchod pa ni | mdun bskyed la bcu | bdag bskyed phyogs skyong gtang rag kun tu chu gnyis | cha gsum btang | phyogs skyong |

Перевод: «Торма Кунрига. Что касается подношений: для стадии фронтальной визуализации (mdun bskyed) — десять [видов]; для стадий самопорождения (bdag bskyed), [почитания] защитников сторон света (phyogs

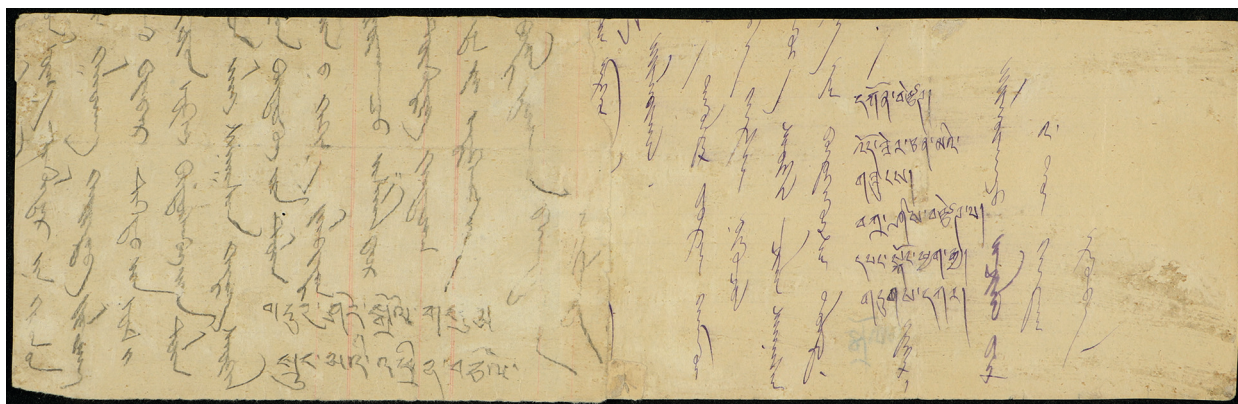

Рис. 2. Обратная сторона (подложка). Фрагмент с надписями на тибетском и монгольском языках. Бумажная основа, чернила. Шифр: И-3371/1. ИВР РАН

skyong) и благодарственного подношения (gtang rag) повсеместно [используют] две воды; [в конце] подносят три части [торма]».

Иконографический анализ правой части документа выявляет строгую иерархию очистительного ритуала. Верхнее изображение, предназначенное для хранителей сторон света (Локапал), выделяется акцентированной «вырисованной кромкой». Эта деталь, вероятно, фиксирует специфический масляный декор, маркирующий высокий статус небесных стражей. Нижняя фигура, снабженная четырьмя «носиками»-выступами, представляет подношение хозяевам местности (gzhi bdag). Подобная четырехсторонняя структура функционально ориентирована на охват локального сакрального пространства. Таким образом, графика фиксирует не только эстетический канон, но и логику взаимодействия с разными уровнями пантеона.

Текстовая аннотация демонстрирует строгую литургическую последовательность. Упоминание десяти подношений (mchod pa bcu) для фронтальной визуализации и выделение защитников сторон света подчеркивают охранительный характер обряда. Использование формул «две воды» (chu gnyis) и «три части» (cha gsum) превращает рисунок в технологическую карту, по которой лама мог безошибочно воспроизвести сложный цикл Сарвавид-Вайрочаны (Кунрига), направленный на трансформацию негативной кармы усопших. Практический контекст

применения этой схемы раскрывается в описании А. М. Позднеева: во время предсмертного обряда лама наставляет умирающего созерцать «свет Бирузаны» (Вайрочаны), призывая его отворотиться от страданий сансары и молиться этому божеству [Позднеев, 1993. С. 457–458]. Таким образом, лист И-3371/1 служил визуальным подспорьем для литургического сопровождения этого перехода. Графические пояснения к циклу Кунрига (правая часть листа) также сопровождаются пометами «белая» (dkar), что соответствует умиловительному характеру очистительного ритуала.

Структура периферийных подношений в цикле Кунрига дублирует логику блока Амитаюса, подтверждая существование единого канона иерархии в бурятской ритуальной практике. Однако сравнение выявляет тонкие различия в «пластическом языке» документа. Если в блоке Амитаюса акцент сделан на защитниках Учения (chos skyong), то в цикле Кунрига на первый план выходят хранители сторон света (Локапалы), чья торма выделена «орнаментированной кромкой». Эта деталь маркирует особый статус стражей, обеспечивающих чистоту сакрального пространства в момент трансформации кармы усопшего. Нижняя торма для хозяев местности (gzhi bdag), напротив, сохраняет свою функциональную форму с четырьмя носиками, выступая в роли неизменного фундамента, связывающего небесную иерархию с конкретной локацией. Таким образом, лист И-3371/1 де-

монстрирует, как лама-практик адаптировал базовую модель алтаря под конкретные литургические задачи — от защиты жизни до проводов сознания.

Для наглядного сопоставления иконографических особенностей обоих ритуальных комплексов, представленных на листе И-3371/1, данные систематизированы в Таблице 1.

Таблица 1.

Иконография и аннотация ритуальных подношений в документе И-3371/1

Блок/Позиция	Транслитерация надписи (Вайли)	Перевод/Адресат подношения	Иконографические особенности
I. Цикл Амитаяуса			
Центр (основная)	<i>Tshe dpag med kyi gtor ma</i>	Торма Будды Амитаяуса	Конус, обвязанный лентой со слогом «Hri:»
Центр (ниже)	<i>'Khor brgyad</i>	Восемь сопровождающих (свита)	8 малых простых конусовидных фигур в ряд
Слева	<i>Gzhi bdag</i> (пометка “ <i>dkar</i> ”)	Хозяин местности (белая торма)	Фигура с 3–4 выступами-лестками
Справа (центр)	<i>Chos skyong</i> (пометка “ <i>dkar</i> ”)	Защитник Учения (Дхармапала)	Большая белая торма
Справа (край)	<i>Rgyal chen bzhi</i> (пометка “ <i>dkar</i> ”)	Четыре Великих Царя	Малая белая торма
II. Цикл Кунрига			
Справа (верх)	<i>Phyogs skyong</i>	Хранители сторон света	Большая белая торма с орнаментированной кромкой
Справа (низ)	<i>Gzhi bdag</i>	Хозяин местности	Белая торма с 4 «носиками» (направлениями)

Систематизация данных (см. Табл. 1) позволяет рассматривать лист И-3371/1 как целостную визуальную модель ритуального пространства. Графическая схема демонстрирует строгую иерархию: от доминирующих центральных фигур главных божеств до периферийных подношений свите и локальным духам.

Общим признаком для обоих циклов является использование «белых» подношений (*dkar*), что маркирует ритуалы Амитаяуса и Кунрига как умиловительные. Однако детальный анализ выявляет специфические технологические различия в иконографии. Так, торма Амитаяуса снабжена уникальным элементом — лентой с семенным слогом «Хри» (*Hri:*), физически связывающей объект с сердечным центром божества. В то же время торма для защитников сторон света в цикле Кунрига выделена акцентированной орнаментированной кромкой, подчеркивающей их высокий иерархический статус.

Особый интерес представляет типология фигур для хозяев местности (*gzhi bdag*). В обоих случаях они снабжены выступами-«носиками», однако их форма варьируется в зависимости от конкретной задачи обряда. Таким образом, документ И-3371/1 объединяет два важнейших вектора бурятской литургической литературы: защиту жизни и посмертное попечение. Соседство этих схем на одном листе превращает его в универсальный инструмент ламы-практика, обеспечивающий переход от канонического текста к физической реализации обряда.

Исследованные материалы, несмотря на их специфический характер, имеют фундаментальное значение для понимания религиозно-философского и культурного ландшафта региона. Содержание конволюта А-17286 дает прямое представление о мировоззрении и повседневной практике народов, исповедующих тибетский буддизм, демонстрируя органичный синтез доктринальных основ и локальных верований.

Этический аспект текстов, выраженный в уважении к силам природы и духам местности, выступает актуальным свидетельством традиционной экологической культуры кочевых народов. Таким образом, документ под шифром И-3371/1 является не только объектом буддийской обрядности, но и ценным антропологическим источником. Через графику подношений Амитаюсу и Кунригу реконструируется универсальная стратегия преодоления экзистенциальных кризисов (болезни и смерти) через структурирование сакрального пространства. Исследование подобных памятников открывает путь к пониманию глубинных пластов региональной идентичности Бурятии, Калмыкии и Тувы, где буддийское наследие остается фундаментом живой духовной традиции.

Иллюстрированная инструкция по изготовлению торма божества [Амитаюса, Вайрочаны (Кунрига)]. Тибетский фонд ИВР РАН: шифр: И-3373/1 (старый шифр: А-17286).

Источники

Иллюстрированная инструкция по изготовлению торма божества [Амитаюса, Вайрочаны (Кун-

рига)]. Тибетский фонд ИВР РАН: шифр: И-3373/1 (старый шифр: А-17286).

Использованная литература

Герасимова, 1989: *Герасимова К. М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск: Наука, 1989.

Позднеев, 1993: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия «Наше наследие»). Изд. репринтное. Элиста: Калм. Кн. Изд-во, 1993.

Рерих, 1985: *Рерих Ю. Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 3. М.: Наука, 1985.

Топоров, 1988: *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988.

108 буддийских икон, 2003: Сто восемь буддийских икон из собрания Института восточных рукописей РАН. Авторы-составители: А. В. Зорин, М. Б. Иохвин, Л. И. Крякина. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013.

Парфионович, 1978: Сутра о мудрости и глупости (Джанлундо) / Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.

Tohoku, 1934: A Complete Catalogue of the Tibetan Buddhist Canons (Bkaḥ-ḥgyur and Bstan-ḥgyur) / Ed. by H. Ui, M. Suzuki, Y. Kanakura and T. Tada. Sendai: Tohoku Imperial University, 1934.

Tucci, 1949: *Giuseppe Tucci.* Tibetan Painted Scrolls. Three vols. Roma: La Libreria dello Stato, 1949.

VISUAL AIDS FOR BUDDHIST RITUALISM: INSTRUCTIONS FOR PREPARING OFFERINGS TO DEITIES FROM THE TIBETAN COLLECTION OF THE IOM RAS

Svetlana S. SABRUKOVA
Institute of Oriental Manuscripts, RAS

The article provides an analysis of a newly identified graphic source from the Tibetan Collection of the Institute of Oriental Manuscripts (IOM) of the Russian Academy of Sciences. Based on a manuscript folio from codex A-17286, the study examines the methodology of creating torma (ritual sculptures) intended for the cycles of Buddha Amitayus and Buddha Kunrig (Vairocana). The author explores the synthesis of visual imagery and textual instructions, which allows for a reconstruction of the hierarchy of offerings and the structure of the altar mandala. The paper describes the physical condition of the artifact and records the presence of a secondary paper backing containing fragments of Mongolian and Tibetan texts; this evidence points to the intensive practical use of the manuscript by practicing lamas. An analysis of the terminology and the structure of the offerings enables a reconstruction of the mechanisms of interaction with sacred space and the protection of life, characteristic of the Buddhist tradition in Buryatia and adjacent regions.

Key words: IOM PAS, Tibetan Collection, Composite manuscript, Buddhist rituals, torma, Amitayus, Kunrig, iconography, Buryatia, manuscript.

About the author: **Svetlana S. SABRUKOVA**, Cand. Sci. (Philology), Senior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of the Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (ssabrukova@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-7983-4291.

Л. Б. ЖАБАЕВА

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЗА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1945)

В статье показана ключевая роль Советского Союза в международном признании Монгольской Народной Республики. И. В. Сталин приложил немало решительных усилий по признанию ее суверенитета. Основной этап решения монгольского вопроса был выполнен на второй встрече лидеров «большой тройки» на Ялтинской (Крымской) конференции в феврале 1945 г., что было отражено в принятом союзниками Соглашении по Дальнему Востоку. Автор отмечает, что на советско-китайских переговорах летом 1945 г. вопрос о суверенитете МНР был одним из ключевых и обсуждался в ходе всех 9 встреч на высшем уровне в Кремле. В итоге правительство Чан Кайши согласилось предоставить Монголии независимость при условии проведения плебисцита. 20 октября 1945 г. в МНР состоялся исторический референдум о независимости, по результатам которого Китай признал ее суверенитет.

Ключевые слова: независимость Монголии, СССР, Китай, Ялтинская конференция, переговоры, плебисцит.

Об авторе: ЖАБАЕВА Лариса Будаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и культурологии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Россия, Улан-Удэ) (vsgtuhistory@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1486-5959.

© Жабаета Л. Б., 2026

Монголия прошла долгий путь к независимости. Борьба монгольского народа за суверенитет была длительной, в 1911 г. Внешняя Монголия отделилась от Цинского Китая. После революции 1921 г. Внешняя Монголия де-факто стала самостоятельной, Москва и Улан-Батор рассматривали Монголию как независимое государство, но де-юре страна по-прежнему оставалась составной частью Китая — по Соглашению между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г. Внешняя Монголия признавалась частью Китайской Республики. В этот период советская Россия, СССР поддерживала независимость Монголии, защищала от внешних угроз. В результате долгий период с 1921 по 1945 гг. статус МНР был неопределенным и противоречивым. И только в 1945–1946 гг. происходят важные перемены в международно-правовом положении Монгольской Народной Республики.

В годы Великой Отечественной войны МНР была надежным союзником СССР, оказала

братскую помощь в борьбе с германским фашизмом, внесла свой существенный вклад в победу, поставляя в действующую советскую армию, на фронт снаряжение, продовольствие, одежду, лошадей, оборудование. В завершающий период войны советское руководство ставит целью оформление МНР как суверенного субъекта международных отношений, этот вопрос активно прорабатывается по дипломатическим каналам, на международной арене.

Основной этап решения монгольского вопроса был осуществлен на второй официальной встрече лидеров «большой тройки» — СССР (И. В. Сталин), США (Ф. Д. Рузвельт) и Великобритании (У. Черчилль) — трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне на Ялтинской (Крымской) конференции в феврале 1945 г. Историческая обстановка была благоприятной: Вторая мировая война подходила к концу, фашистская Германия была обречена, но оставалась еще милитаристская Япония, последний из глав-

ных агрессоров Второй мировой войны. США и Великобритания стремились вовлечь СССР в войну против Японии на Дальнем Востоке. Главы союзных держав обсудили в Крыму вопрос о международном статусе МНР.

Следует подчеркнуть, что еще 14 декабря 1944 г. на встрече И. В. Сталина с послом США в СССР А. Гарриманом Сталин изложил политические условия вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Как сообщил посол в Вашингтон, «он сказал, что положение России на Востоке должно быть в целом восстановлено так, как оно существовало до русско-японской войны 1905 г. Русские желают вновь арендовать порты Дайрен и Порт-Артур, получить в аренду ж/д в Маньчжурии, построенную русскими по контракту с Китаем, и ЮМЖД, обеспечивавшую связь с Дайреном. Сталин сказал, что СССР не намерен посягать на суверенитет Китая над Маньчжурией... В добавлении он запросил статус-кво Монголии» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 654].

В Ялте лидерам США и Великобритании пришлось считаться с твердой позицией Москвы. Союзники приняли Соглашение по вопросам Дальнего Востока, которое предусматривало вступление СССР в войну против Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе при условии сохранения существующего статус-кво Монгольской Народной Республики, что было прописано в пункте № 1.

Глава китайского государства и Гоминьдана Чан Кайши был проинформирован о решении союзных держав по блоку дальневосточных проблем 15 июня 1945 г. [Русско-китайские отношения, 2000. С. 654].

Однако решение лидеров «большой тройки» относительно признания независимости МНР встретило серьезное сопротивление китайской стороны, которая не желала отпускать Внешнюю Монголию и рассматривала ее как 1/7 неотъемлемую составную часть своей территории.

В развитие ялтинских договоренностей летом 1945 г. в Москве проходят важные пере-

говоры¹ Советского Союза с представителями правительства Китайской Республики во главе с Сун Цзывэнем², ключевой фигурой в китайской политике и финансах, председателем Исполнительного юаня (исполнительная ветвь государственной власти) и министром иностранных дел. Накануне поездки китайской делегации в Москву 22 июня 1945 г. А. А. Петров³, посол СССР в Китае нанес официальный визит Сун Цзывэню. Помимо обычных протокольных тем, была обсуждена миссия делегации, выезжающей в Москву. Сун Цзывэнь сказал: «В этом смысле, нам бы весьма хотелось иметь совершенно откровенное мнение маршала Сталина по вопросам советско-китайских отношений и его взгляды в отношении Китая» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 65], что китайская сторона на эту поездку в Москву возлагает весьма большие надежды.

К визиту высокой делегации в НКВД СССР был подготовлен, согласно существующей дипломатической практике, план мероприятий, включая переговоры и встречи делегации с И. В. Сталиным, культурную программу, прием в честь высокого гостя в Особняке НКВД СССР, обед И. В. Сталина в Кремле [Русско-китайские отношения, 2000. С. 654]. План был рассчитан на пять дней (включая встречу и проводы). В Москве предполагали, что все вопросы советско-китайских отношений можно решить за короткое время, учитывая, что основные параметры соглашения были определены при посредничестве США в Ялте весной 1945 г. [Там же].

¹ Вопрос о визите в СССР высокой делегации из Китая восходит к 1943 г., году территориального признания Китая. Именно в 1943 г. США и Великобритания отказались от экстерриториальных прав в Китае (СССР подписал соглашение с Китаем на принципах равенства еще в 1924 г.) и подписали с Китаем договоры на принципах равенства [Русско-китайские отношения, 2000. С. 653].

² Сун Цзывэнь (Сун Т. В.) (1894–1971), видный китайский государственный и политический деятель, дипломат, крупный банкир Республики Китай.

³ Аполлон Александрович Петров (1907–1949), советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла, в 1945–1948 гг. посол СССР в Китае (с 04.1945 г.).

В действительности советско-китайские переговоры в Кремле продлились дольше запланированных пяти дней, «зашли, по существу, в тупик» (Цзян Цзинго), «камнем преткновения» стал вопрос о независимости МНР. В беседах участвовали И. В. Сталин и Сун Цзывэнь, опытный политик. Встречи на высшем уровне состоялись 30 июня, 2, 7, 9, 11, 12 июля, затем был перерыв в связи с отъездом советских руководителей на Потсдамскую конференцию⁴ лидеров «большой тройки», затем переговоры продолжены 7, 10, 13 августа 1945 г.

В ходе беседы И. В. Сталина с Сун Цзывэнем 2 июля на которой присутствовали с советской стороны: В. М. Молотов⁵, С. А. Лозовский⁶, А. А. Петров, В. Н. Павлов⁷; с китайской стороны: вице-министр иностранных дел Ху Шицзэ⁸, посол в СССР Фу Бинчан⁹ и Цзян Цзинго¹⁰ (сын Чан Кайши¹¹, его личный представитель) одной из ключевых тем переговоров стала независимость МНР. Для китайской стороны это был последний шанс решить его на высшем уровне в свою пользу, тем самым частично пересмотрев Крымское соглашение [Лузянин, 2000. С. 215]. Подчеркнем, что этот вопрос стал

⁴ Потсдамская конференция (также Берлинская конференция) — третья и последняя официальная встреча лидеров «большой тройки» — трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции во второй мировой войне. Проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. в городе Потсдам (близ Берлина).

⁵ Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин) (1890–1986), советский партийный и государственный деятель, в 1930–1941 гг. председатель СНК СССР, в 1939–1949 гг. нарком иностранных дел СССР.

⁶ Соломон Абрамович Лозовский (Дридзо) (1878–1952), советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла, в 1939–1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР, заместитель начальника Совинформбюро при СНК СССР.

⁷ В. Н. Павлов — сотрудник НКВД СССР.

⁸ Ху Шицзэ (Виктор Ху), видный китайский дипломат, вице-министр иностранных дел.

⁹ Фу Бинчан (1896–1965), видный китайский дипломат, посол Китайской Республики в СССР.

¹⁰ Цзян Цзинго — сын Чан Кайши, его личный представитель, китайский государственный и политический деятель, в 1930-е годы жил, учился и работал в СССР.

¹¹ Чан Кайши (Цзян Чжунчжэн), генералиссимус, китайский государственный и политический деятель, президент Исполнительного юаня, фактический правитель материкового Китая (1928–1949), глава партии Гоминьдан с 1925 г.

одним из важных, наиболее сложным и принципиальным и обсуждался во время всех 9 бесед И. В. Сталина с китайской делегацией.

В ходе переговоров выяснилось, что позиции сторон были разными: советская делегация в соответствии с Ялтинским соглашением настаивала на признании независимости МНР, китайская — фактически стремилась попытаться «вернуть» МНР в состав Китая [Роцин, 2005. С. 111].

Руководитель китайской делегации Сун Цзывэнь во время беседы 2 июля, говорит что «В отношении Монгольской Народной Республики Чан Кайши сказал, что вопрос о Внешней Монголии не может быть разрешен в настоящее время. Мы считаем, — сказал Сун, — необходимым оставить этот вопрос открытым и вообще не намерены поднимать его в настоящее время» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 73]. И. В. Сталин считал вопрос о независимости МНР требующим немедленного разрешения, что «МНР хочет сейчас определить окончательное свое положение» [Там же. С. 79] говорит о том, что «Советское правительство не может уступить в вопросе о МНР» [Там же. С. 89].

Стороны, советская и китайская, вкладывали различное содержание в термин «статус-кво». В беседе от 7 июля И. В. Сталин подчеркивает, что «Советское правительство понимает статус-кво в смысле признания независимости Монгольской Народной Республики. Он, тов. Сталин, был в Крыму и там именно в этом смысле понималась формула статус-кво» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 87]. Советская сторона статус-кво МНР понимала как 24-х летний период существования самостоятельного монгольского государства. Примечательно, что и Ф. Рузвельт, и другие руководители держав однозначно трактовали «статус-кво» Монголии как реально существующее «самостоятельное государственное образование», находящееся под влиянием СССР, и никак не часть Китая [Лузянин, 2000. С. 214].

Китайская же сторона понимала статус-кво как международно-правовую фиксацию юридического суверенитета Китая над Внешней Монголией, согласно советско-китайскому соглашению от 31 мая 1924 г. Официальный

Китай не желал идти на советский вариант международно-правового оформления Монголии, глава китайской делегации Сун Цзывэнь подчеркивает на переговорах, что «Самосохранение — это первый принцип нашего правительства, и, исходя из этого принципа, мы не могли не прийти к совершенно реалистичному выводу о невозможности предоставления Монголии независимости» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 90].

Китайское правительство никак не соглашалось признать суверенитет Монгольской Народной Республики. Советское руководство, и прежде всего И. Сталин, заняло четкую и последовательную позицию в вопросе о международном статусе МНР: страна должна быть независимой [История Монголии, 2007. С. 176]. В завершении беседы от 7 июля И. В. Сталин отмечает, что «При таких условиях мы не сможем договориться» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 90]. Обе стороны твердо придерживались собственной позиции по монгольскому вопросу.

В результате, переговорный процесс между СССР и Китайской Республикой, по существу, зашел в тупик, «камнем преткновения» стал вопрос о независимости МНР. Советское руководство одновременно дало понять китайским представителям, что СССР не вступит в войну против Японии без признания Китаем независимости МНР [Лузянин, 2000. С. 215]. В результате китайская сторона уступила и переговоры сдвинулись с мертвой точки [Там же]. На переговорах 9 июля стороны уделили особое внимание телеграмме Чан Кайши, где сообщалось, что «Китайское правительство считает, что, поскольку вопрос о Внешней Монголии явился камнем преткновения в переговорах между Китаем и Советским Союзом, то оно исходя из общих интересов обеих стран и интересов длительного общего мира, готово после поражения Японии... предоставить Монголии независимость. Однако, в целях избежания в будущем каких-либо недоразумений и конфликтов, этот акт должен быть осуществлен путем плебисцита. После проведения плебисцита Китай заявит о независимости Монгольской Народной Республики» [Русско-китайские отношения, 2000.

С. 106–107]. Итак, решительная позиция советской стороны привели советско-китайские переговоры к успешному решению монгольского вопроса. Китайское правительство было вынуждено согласиться с признанием суверенитета МНР через проведение всенародного референдума. В ходе встречи 11 июля разногласия проявились в вопросе о границах Монголии. Советская сторона настаивала на формулировке «в нынешних границах Внешней Монголии», китайская — на «старых границах Внешней Монголии, согласно китайских карт», но объяснить, какие имеются в виду «старые границы» и «старые карты», председатель Исполнительного юаня не смог [Орлова, 2025. С. 496].

Второй раунд советско-китайских переговоров в Кремле состоялся 7, 10, 13 августа 1945 г., в котором участвовали с советской стороны — тт. В. М. Молотов, С. А. Лозовский, А. А. Петров, В. Н. Павлов. С китайской стороны — министр иностранных дел Ван Шицзэ, вице-министр иностранных дел Ху Шицзэ, посол Китая в СССР Фу Бинчан и член делегации Цзян Цзинго. Как и в период первого раунда переговоров, диалог шел между И. В. Сталиным и Сун Цзывэнем, также участвует в беседе Ван Шицзэ. В ходе встречи 10 августа Ван Шицзэ возвращается к вопросу о границах МНР и предлагает в проект декларации о независимости МНР вставить такую формулировку «Признание независимости Внешней Монголии должно быть сделано после того, как китайское правительство и монгольские власти точно установят линию границы» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 168]. И. В. Сталин указывает, что «Вопрос о предоставлении независимости МНР уже согласован и то, что предлагает Ван равносильно тому, что китайская сторона берет обратно свое согласие на признание независимости МНР» [Там же]. Он подчеркивает, что не рекомендует китайской стороне поднимать вопроса о пересмотре границы МНР [Там же. С. 169] и чтобы Китай признал существующие границы. Следует отметить, что в этот период СССР (8 августа) и МНР (10 августа) объявили войну Японии.

Советско-китайские переговоры завершились подписанием в Кремле 14 августа 1945 г.

Договора о дружбе и союзе между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой сроком на 30 лет и ряда Соглашений. При подписании Договора и соглашений был произведен обмен нотами между НКВД СССР и МИД КР по поводу признания Китаем независимости Монгольской Народной Республики. В ноте министра иностранных дел Китайской Республики Ван Шицзе¹² говорилось: «Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах» [Русско-китайские отношения, 2000. С. 198]. Советское правительство заявило со своей стороны, что оно будет уважать государственную независимость и территориальную целостность Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии).

Уже 24 августа 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР и Законодательный Юань Китайской Республики ратифицировали Договор о дружбе и союзе и те Соглашения, подписанные 14 августа, которые подлежат ратификации. Все чунцинские (г. Чунцин стал официальной столицей Китайской Республики после захвата Японией в сентября 1939 г. г. Нанкина) газеты приветствовали подписание Договора о дружбе и союзе. В передовой статье газеты «Чжуняньжибао» отмечалось, что Договор внес полную ясность в отношения между обеими странами, что политика Советского Союза по отношению к Китаю заключается в оказании нам полной материальной и моральной помощи. *«Каждая статья, каждое слово каждая буква советско-китайского договора справедливы и безупречны. Откровенно говоря, победа над Японией могла бы и не быть полной для Китая, но заключение советско-китайского договора гарантирует нам полную победу. Мы одним ударом уничтожили врага и приобрели друга»*¹³.

¹² Ван Шицзе — видный китайский политический деятель, дипломат.

¹³ Китайские газеты о советско-китайском договоре // Бурят-Монгольская правда. 1945. 31 августа. С. 1.

Итак, по требованию китайского правительства вопрос о независимости Внешней Монголии был вынесен на плебисцит. 20 октября 1945 г. во время исторического референдума монгольский народ единогласно проголосовал за государственную независимость МНР.

Таким образом, Монголия прошла долгий путь к независимости. Процесс вхождения МНР в правовое международное сообщество был непростым и занял несколько десятилетий. В 1911 г. Внешняя Монголия отделилась от Цинского Китая. После революции 1921 г. советская Россия, СССР поддерживала независимость Монголии, защищала от внешних угроз. Верность МНР союзническому долгу во время тяжелых испытаний 1941–1945 гг., совместная борьба с общим сильным внешним врагом стали дополнительным основанием твердой поддержки Советским Союзом Монголии, своего ближайшего союзника в оформлении ее суверенитета.

Советский Союз деятельно отстаивает интересы МНР по дипломатическим каналам, на международной арене, И. В. Сталин приложил немало усилий к оформлению независимого международно-правового положения. Основным этапом решения вопроса о самостоятельном существовании МНР был осуществлен на второй официальной встрече лидеров «большой тройки», на Ялтинской (Крымской) конференции в феврале 1945 г. Решающим фактором стало требование И. В. Сталина к союзникам по антигитлеровской коалиции о вступлении СССР в войну против Японии через 2–3 месяца после капитуляции Германии при условии сохранения статус-кво МНР. Президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль поддержали позицию Москвы.

В развитие ялтинских договоренностей летом 1945 г. проходят советско-китайские переговоры на высшем уровне в Кремле. Вопрос о суверенитете Внешней Монголии был одним из ключевых, дискуссионным и обсуждался во время всех 9 бесед И. В. Сталина с китайской делегацией. Китайскому правительству в конце концов пришлось дать согласие на предоставление независимости МНР в существовавших границах при условии проведения плебисцита. 20 октября 1945 г. во время исторического

референдума в МНР граждане единогласно высказались за свою независимость. 5 января 1946 г. правительство Китая, основываясь на результатах волеизъявления монгольского народа, официально признало независимость МНР, что открыло путь к широкому междуна-

родному признанию. А в феврале 1946 г. между обеими странами были установлены дипломатические отношения. Так Монгольская Народная Республика приобрела статус суверенного государства и стала равноправным членом международного сообщества.

Использованная литература

История Монголии, 2007: История Монголии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.

Лузянин, 2000: *Лузянин С. Г.* Россия–Монголия–Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000.

Орлова, 2025: *Орлова К. В.* Международно-правовой статус Монголии: плебисцит 1945 // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 3. С. 490–505.

Роцин, 2005: *Роцин С. К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

Русско-китайские отношения, 2000: Русско-китайские отношения в XX в. Материалы и документы. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Кн. 2 1945 г. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2000.

THE STRUGGLE OF THE SOVIET UNION FOR THE INTERNATIONAL LEGAL REGISTRATION OF THE MONGOLIAN PEOPLE'S REPUBLIC (1945)

Larisa B. ZHABAIEVA

East Siberia State University of Technology and Management

This article examines the key role of the Soviet Union in the international recognition of the Mongolian People's Republic. I. V. Stalin made numerous decisive efforts to secure recognition of its international legal status. The main stage in resolving the Mongolian question was achieved at the second meeting of the "Big Three" leaders at the Yalta (Crimean) Conference in February 1945, which was reflected in the Agreement on the Far East adopted by the Allies. The author notes that during the Soviet-Chinese negotiations in the summer of 1945, the issue of the sovereignty of the Mongolian People's Republic was a key issue discussed during all nine summits in the Kremlin. Ultimately, Chiang Kai-shek's government agreed to grant Mongolia independence on the condition that plebiscite be held. On October 20, 1945, a historic referendum on independence took place in the Mongolian People's Republic, as a result of which China recognized its sovereignty.

Key words: Mongolian independence, USSR, China, Yalta Conference, negotiations, plebiscite.

About the author: **Larisa B. ZHABAIEVA**, Dr. Sci. (History), Professor, Department of Philosophy, History, and Cultural Studies, East Siberian State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation) (vsgtuhistory@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1486-5959.

Р. Ф. НАБИЕВ
Казанский юридический институт МВД России

ВЕЛИКАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК НОСИТЕЛЬ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ В XIII ВЕКЕ

В статье рассматривается начальный этап распространения огнестрельного оружия в Евразии. В ходе комплексного исследования, включающего сведения и методику палеографии, источниковедения лингвистической компаративистики, этнографии, археологии, различных аспектов военного дела, географии и других научных дисциплин, автор пришел к выводу о том, что основным носителем артиллерийской технологии в XIII в. были войска Великой монгольской империи. Не менее значимы и более частные выводы: с большой вероятностью монголы заимствовали технологии огнестрельного оружия до нападения на китайскую империю династии Сун, получив доступ к богатствам «варварских» империй киданей, тангутов и чжурчжэней. Позднейшей датой получения пороховой технологии можно считать 1227 г. — год взятия столицы тангутов, имевших на вооружении артиллерийские установки. Письменные источники содержат названия применявшихся монголами метательных орудий, характерные для ствольной артиллерии. Это обстоятельство предоставляет веские основания для уверенного отнесения пуль, ядер, трубок и стволов, находимых в слоях XIII в., к принадлежностям огнестрельного оружия. Совокупность различных фактов и сведений позволяет утверждать о применении войсками Великой монгольской империи огнестрельного оружия в ходе наступления на Центральную Азию и Европу. Автор отмечает приоритет монголов, тюрков и восточных славян по отношению к государствам Западной Европы в деле ознакомления с огнестрельным оружием.

Ключевые слова: Великая монгольская империя, тангуты, чжурчжэни, артиллерийская технология, метательные орудия.

Об авторе: НАБИЕВ Рустам Фанисович, доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России (Россия, Казань) (nabiev_bulg@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2349-9217.

© Набиев Р. Ф., 2026

Конкурентные преимущества *Homosapiens* по отношению к другим видам живых существ и конкурентным подвидам людей стало проявляться с изобретением и применением метательных приспособлений. Отныне любой опасный противник, будь то животное или человек — представитель враждебного племени, могли быть поражены на значительном расстоянии при помощи копьеметалки, бумеранга или лука. С тех пор и до наших дней все развитие человечества сопровождалось непрерывным совершенствованием оружия, и, что особенно важно в рамках этой темы — метательного.

В процессе дальнейшего развития человеческого общества значение процесса разви-

тия вооружений оказывало непосредственное влияние не только на исход военных столкновений, но и на смену общественно-экономических формаций. Так, Макс Вебер обратил внимание на то, что появление в Греции вооруженной железными мечами фаланги гоплитов привело к переходу власти в руки состоятельных граждан-землевладельцев, что обеспечило создание основ гражданского общества и прав гражданина. Маленькое стремя соединило силы коня, человека и оружия, что, по мнению Линн Уайта сделало возможным осуществление самостоятельного контроля феодалом над общиной и сельскохозяйственной территорией. С появлением ружей и пушек феодализм проиграл (в Европе) новому строю — капи-

тализму¹. Капиталистические отношения на столетия определили доминирование европейских стран на планете. Таким образом, проблема распространения огнестрельного оружия (далее — ОО) выходит далеко за пределы генезиса технического новшества и военной истории.

В этом свете приобретает новое качество и проблема маршрутов распространения: носителями ее могли быть только подготовленные для этого народы.

Однако проблема обстоятельств появления в Европе эффективного огнестрельного оружия, на наш взгляд, до сих пор не нашла однозначного разрешения.

Большинство из тех, кто знаком с историей и, особенно, с военной историей, конечно же, «знают», что порох и огнестрельное оружие изобрели китайцы, затем арабы распространили его до Пиренеев, где в XII–XIV вв. мусульмане познакомили с ним Западную Европу. Так, еще 70-е годы XX в. наши исследователи (будучи не вправе противоречить заявлению Ф. Энгельса, опиравшегося на трехтомник Альфредо Конде «История мавров в Испании») заявляли, что первое знакомство европейцев с артиллерией произошло в Испании в ходе боев с арабами [Энгельс, 1959. С. 197; Conde, 1821]. Поэтому до сих пор можно порой встретить утверждения, что «В 1118 г. город Сарагоса первым из городов Европы услышал артиллерийскую стрельбу» [Митяев, 1974. С. 97; Разин, 1999. С. 424].

Немцы, а вслед за ними и ряд ориентированных на них стран до XX в. следовали легенде о том, что порох был изобретен в Германии самостоятельно монахом Бертольдом Шварцем и даже установили ему памятник. В создании

и поддержании этой легенды нет ничего удивительного: Европа уже ощущала себя самой технологически развитой зоной, и кому же, как не аккуратным и умным немцам должно быть изобретателями столь значимой новинки? Именно немцы в течение ряда столетий претендовали на роль европейских «культуртрегеров» по отношению к азиатам и «азиатам».

В последние десятилетия подобные утверждения нам уже не встречаются, но историки оружия порой по-прежнему отмечают южный маршрут перемещения китайских технологий: через Индию и арабов «порох... и технологии попали на Запад из мусульманских стран» [Контамин, 2001. С. 156].

Предполагается, что основной вектор распространения восточных технологий в XI–XII вв. совпадал с наиболее оживленными торговыми путями, проходившими через развитые тогда страны Центральной и Передней Азии. Основной вектор движения технологии из Китая в Европу, как правило, не подвергается сомнению: через Индию и арабов в Испанию и Италию, далее — по всей Европе. Это общепринятое в мире представление [Агошков, 2015. С. 16].

Однако уже в глубокой древности китайская география знала и о северном маршруте ВШП [罗焯, 2014]². Российская историография, тесно связанная с востоковедением, также нередко отмечала северный вектор проникновения военной технологии в Европу — через евразийские степи при посредстве тюркских и маньчжурских народов.

Со временем отсеялись как ненадежные почти все «ранние свидетельства» о применении артиллерии в Европе. Историки артиллерии практически не упоминают XII и XIII вв. как время применения огнестрельного оружия (ОО) европейцами. В последнее время ученые все чаще склоняются к началу XIV в. как примерному рубежу проникновения артиллерии в Европу.

Пока, наиболее осторожные исследователи относят надежные сведения о применении огнестрельного оружия в сражениях Западной

¹ Отечественный востоковед И. М. Дьяконов пришел к выводу, что каждый этап исторического развития связан с изменениями в военной технологии. Близкую схему связи между военной техникой и политическим режимом выдвинул французский социолог Доминик Кола. Технологический детерминизм определяет теорию «военной революции» Майкла Робертса. По его мнению, каждая из «военных революций» была началом нового этапа истории. Механизм распространения новшеств в целом достаточно убедительно раскрывает теория культурных кругов Ф. Гребнера, усовершенствованная С. А. Нефедовым [Нефедов, 2010. С. 21–25].

² О северном и южном ВШП см.: [陈上宇, 2018].

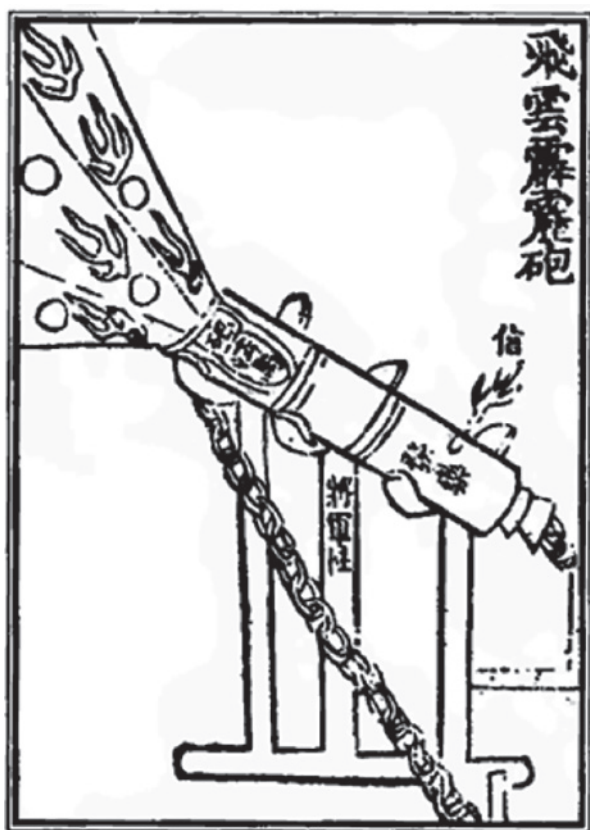

Рис. 1. Пушка 飛雲霹靂炮 Фэ-юн-пи-ли Пао
(Пушка с летающим облаком, громом и молнией)
[劉基, 焦玉, 6. г.]

Европы к началу XIV в. [Хогг, 2014. С. 51–53; Andrade, 2017].

В настоящее время надежно доказанной датой первого применения пушек в Европе (маврами против испанцев) считается 1342 г. [Русская артиллерия, 2006. С. 17].

Это обстоятельство предоставляет основания для более тщательного поиска, группировки и исследования ранних упоминаний об ОО в регионах северной Евразии.

Несмотря на географическую и культурную близость тунгусо-маньчжуров, монголов и тюрков с Китаем, в мировой военной истории монографически не рассматривался вопрос о их роли в переносе артиллерийской технологии (АТ) в Европу.

Между тем некоторые из историков прошлого довольно прозорливо предполагали такой вектор переноса АТ. Среди таковых можно отметить Г. Ховорта, Э. Хара-Давана, Г. Вернад-

ского, Дж. Келли и ряда других исследователей, чьи работы приведены ниже по тексту.

В последние годы предположение, выдвинутое Генри Ховортом находит все большее подтверждение.

Г. Ховорт ставил вопрос еще более масштабно: «их инженерное дело превосходило все то, что было известно Европе» [Howorth, 1880. P. 61].

В настоящее время Дж. Келли допускает получение пороховых технологий европейцами непосредственно от китайских специалистов из состава монгольских войск на Ближнем Востоке.

«В XIII столетии в Евразии расширяли свои завоевания монголы. Со своей мощной, хорошо обученной свирепой конницей они бурей пронеслись через Персию и в 1258 г. взяли Багдад. Монголы привели с собой в Западную Азию китайских мастеров и, возможно, уже применяли огнестрельное оружие» [Келли, 2006. С. 39–40].

Тонио Андраде (США) считает именно монголов непосредственными наследниками китайцев в деле развития АТ. Он, в частности отмечал, что Китай, обороняя свои города, от монголов, использовал тысячи бамбуковых стволов, а монголы, переняв технологии, стали использовать уже металлические стволы «более современной» формы [Andrade, 2017. P. 44–55].

Подобная точка зрения не лишена оснований, т. к. монголы в борьбе против китайцев активно применяли потенциал «погибших государств». Однако прозорливые высказывания исследователей сами по себе не являются доказательствами. Кроме того, подобная точка зрения не учитывает более ранней утечки АТ от сунской династии к маньчжуроязычным чжурчжэням, (тибетоязычным?) тангутам и (монголоязычным?) киданям, государственность которых впоследствии подверглась полному уничтожению, а остатки их армий частично влились в состав монгольских имперских войск.

Взрывающиеся пороховые бомбы отмечались еще в 1126 г. во время инцидента Цзинкан, когда чжурчжэньская династия Цзинь осаждала столицу империи Сун — Кайфэн.

Согласно трактовке Нила Патрика, китайцы бросали в осаждающих разрывные бомбы, называемые *пи-ли пао* [Энгельс, 1959. С. 196; Patrick, 2016]. Однако латинская транскрипция не раскрывает неоднозначности иероглифов (霹雳炮 — хлопок + гром + пушка = 'громовой удар'). Возможно прочтение этих иероглифов, как описание пороховой артиллерии. Нашу версию подтверждает изображение этого орудия (*пи-ли пао*) из энциклопедии вооружений (Рис. 1), присланная Чжао Чжу-Чэном [劉基, 焦玉, б. г.]. То есть, сами китайцы под этим термином понимают пушки.

Ключевая информация по данной главе стала известна автору в 2020 г. В журнале «Археология» (Archaeology, США) был опубликован материал об обнаружении в ходе раскопок на развалинах тангутского города Увэй в современной провинции Ганьсу двух бронзовых пушек (Рис. 2) [Eric Powell]. Сегодня одна из них считается «самой древней из найденных пушек», т. к. надежно датируется 1227 г. Государство тангутов-минья было уничтожено монгольским войском в 1227 г., что позволяет однозначно фиксировать позднейшую дату знакомства монголов с пороховыми орудиями и их боевым применением. При этом мы учитываем и период союзничества монголов с тангутами (1210) и киданями (1213–1214), когда они могли непосредственно познакомиться с обслуживанием и применением ОО на правах союзников [Ковалевский, 2024. С. 258–261].

При этом, время изготовления изделия тангутами должно относиться к более раннему времени. Пока эта дата старше предшествующих упоминаний и находок в самом Китае.

Важным представляется тот факт, что тангуты (минья), которые пользовались китайскими наработками, сами китайцами не были (их язык принадлежал к тибетской группе алтайских языков). Впоследствии часть из них вошла в состав монгольского войска и этноса.

Эрик Пауэлл отмечает, что одна из пушек «была даже обнаружена с железным шаром и порохом в стволе» [Eric Powell]. Это обстоятельство исключает иные толкования находки, как это неоднократно происходило прежде при обнаружении различных труб и трубочек в культурных слоях городов монгольских династий XIII–XIV вв. Так было, например, в «золотоордынских» городах на Волге. С технической точки зрения у нас появляются основания для примерной датировки по аналогии других найденных пушек.

В свете рассматриваемой темы важным представляется, что выдающийся киданьский ученый Елюй Чу-цай принимал участие в создании государственных институтов и основ экономики ВМИ, обеспечив таким образом преемственность научных знаний от «погибших государств». Следует при этом учитывать, что великие ученые древности часто были энциклопедистами и работали, комплексно применяя методологию различных наук (исходя из современного понимания их структуры). Елюй Чу-Цай происходил из царского дома киданей и своей беззаветной службой монгольской империи в полной мере отомстил тангутам и чжурчжэням за предшествующий разгром ими Империи Ляо.

Важным представляется тот факт, что тангуты (державы Си-ся) непосредственно кон-

Рис. 2. Одна из тангутских пушек

тактировала с тюрками и участвовала в культурном обмене с ними, как с посредниками в общении с Европой.

Надежными сведениями о применении ОО ханьцами считаются упоминания о сунских «огненных копьях» с металлическими стволами применявшиеся против монголов в 1279 г. Другим известным примером является давно известная «Хэйлунцзянская ручная пушка или ружье», с длиной ствола 1000 мм, калибра 100 мм.

(Рис. 3). Это бронзовая ручная пушка, изготовленная не позднее 1288 г. До недавнего времени считалась старейшим в мире сохранившимся огнестрельным оружием. В Китае считают возможным датировать ее 1287 или 1288 г., т. к. «Юань-ши» отмечает в это время в данной местности сражение, в ходе которого **чжурчжэньский** командир привел группу солдат, вооруженных ручными пушками [Patrick, 2016]. Технические данные орудия более подробно изложены в специальной монографии, посвященной распространению АТ [Набиев, 2021].

Исходя из вышеприведенного материала очевидно, что пороховую огнестрельную технологию монголы Чингис-хана (который в молодости мог занимать должность в империи Цзинь) переняли в первую очередь от «варварских» государств, чье население не было сугубо ханьским, а преимущественно дальнеродственным (*юйвэн/эвэн/эмэн*) и объединялось

Рис. 3. «Хэйлунцзянская ручная пушка или ружье». Музей г. Увэй (провинция Ганьсу, КНР).

понятиями *хасутай* [Набиев, Тазеев, 2024. С. 44–50]. Объединив их потенциалы ВМИ продолжила наращивать масштабы экспансии.

Описания походов чжувана Батыя европейскими современниками не указывают конкретного вида огнестрельного оружия, но, заметим, адекватных названий для него в то время в Европе попросту не было. Тем не менее, описания грома и взрывов настолько красноречивы, что многие специалисты по истории артиллерии не сомневались: «Характерно, что в Европе порох для военных целей впервые применил не западный народ, а азиатский — татары... Первые упоминания об употреблении пороха — татарами под предводительством Бату-хана под Легницей против поляков и силезцев — относятся к 1241 году...» [Бехайм. С. 306–307].

Примерно так же оценивали сведения источников о роли монгольских завоеваний в распространении АТ ученые Генри Ховорт, Джек Уэзерфорд, Хильда Хукхэм, Филипп Контамин, российские ученые-историки Евграф Савельев, Семен Федоров и многие другие [Контамини, 2001. С. 156; Савельев, 2010. С. 179; Уэзерфорд, 2008; Федоров, 1907. С. 19; Хукхэм, 1995. С. 68–69; Howorth, 1880].

Э. Хара-Даван также в свое время писал: «...есть некоторые намеки на то, что в Среднеазиатском походе монголы употребляли порох. Монголы могли принести его в Европу. ...то же предполагал Х. Лэм. ...Имелась вспомогательная цзиньская дивизия обеспечивавшая разнообразные тяжелые боевые машины» [Хара-Даван, 1993. С. 151–152].

Мы уверены, что нами найдено несомненное свидетельство того, что первое знакомство русских княжеств с эффективным массовым применением металлических пушек произошло почти на 150 лет раньше даты, ныне отмечаемой русскими специалистами (1382 г.). В «Татищевском своде»³ о штурме монголо-татарами Киева в 1240 г. сказано, что Батый в ходе штурма установил множество таранов (пороков) к городской стене у ворот. Далее следует странная для русского языка фраза: «...тубо бе

³ Так иногда называют собрание уникальных исторических сведений, включенных в «Историю Российскую» В. Н. Татищева.

пришли дебри...». Далее: тараны били круглосуточно... граждане против них выступали, ... но эти странные *тубо* защитникам видеть и слышать страшно.

Дословно: «Постави же Батый пороки многие ко граду Киеву подле врата Ляцкая. **Тубо бе пришли дебри**. Многим же порокам бившим беспрестанно ни день ни ночь не престающее... и граждане противу них устремишася и **тубо видети и слышати страшно**, лом копейный и трескания щитом...» [Татищев, 1784. С. 5].

Один из профессиональных текстологов в свое время упрекал меня за то, что в основу данных конструкций я брал порой не «первоисточник» — изданные летописи, а текст В. Н. Татищева. Возможно, этот упрек связан с узостью специализации критика. Давно установлено, что В. Н. Татищев пользовался многими текстами, не дошедшими до позднейших поколений. Кроме того, до сих пор не доведены до широкой научной общественности данные объективных физико-химических способов датировки летописей. Некоторые сведения и термины заставляют сомневаться в традиционных результатах датировки русских летописей палеографами и текстологами.

Мы предпочли описание штурма из «Татищевского свода» в связи с тем, что его текст выглядит наиболее архаично и может относиться к тем источникам, которые не сохранились до наших дней. Дело в том, что только в варианте «Татищевского свода» термин *тубо* является названием некоего страшного объекта, применяемого противником в ходе штурма.

В летописных сборниках этот термин разделен переписчиками(?) и издателями(?) на более понятные частицы, близкие к церковнославянскому лексикоу (*ту бо бе...*). Но даже при таком членении строки, летопись выделяет некий страшный объект, прикрывая его местоимением *ту*. К слову сказать, следы неверного разделения на предложения нередки при публикациях летописей. Они очевидны и в данном отрывке.

Мы полагаем, что возможно иное прочтение этого отрывка, исходя из живых в то время языков Киевской Руси. Известно, что Киев

(*Кио*) в качестве города был основан в период господства гуннов и булгар. Присутствие тюрков в Киевской округе отмечалось на протяжении многих веков. Топонимика Подолья и всей Украины насыщена ойконимами различных алтайских народов, а древнерусские тексты и эпос — лексемами и образами восточных культур. В составе элиты Киевской Руси, согласно летописям, присутствовали алтайские народы: *торки, берендеи, ковуи, черные клобуки (каракалпаки?)* и др., т. е., тюркские языки свободно обращались в среде элиты домонгольской Киевской Руси. Само своеобразие русской культуры и письменности были в значительной степени предопределены болгарским, аварским и булгарским влиянием (религия, архитектура, письменность...). Их влияние нередко признается ориенталистами, но редко учитывается учеными в рамках Отечественной истории (вероятно, не позволяет информационная база). Это отступление автор предпринял для того, чтобы пояснить свою позицию по поводу присутствия определенного количества тюркизов в древнерусской литературе и эпосе.

На этом фоне представляется, что позднейшие русские переписчики летописей и историки не могли понять вышеприведенного эпизода с применением *тубо*, так как в интерпретации терминологии исходили из современного им великорусского и церковнославянского языков. Мы посчитали возможным подойти к прочтению этой фразы с позиции булгарских языков. Этому способствует и факт насыщенности древнерусской литературы алтайскими и тюркскими терминами.

Формант *тубо/тубус/туп/туб* на пространствах от Италии до Ирана обозначает трубу, и от черноморской Болгарии до Японии (*теппо*) еще и пушку/ружье. Отсюда оружейные дериваты *тупанга/туфанг/туфанкчи* (> рус. *тюфяк*), а также современные оружейные *тубусы*.

Термин *дебри* столь необычен в тексте летописи, и столь неудачно расположен в древнерусском литературном произведении «Слово о полку Игореве» («*дебри Кисани*»), что вспоминается довольно быстро. Ранее О. Сулейменов, анализируя этот термин, пришел к тюрко-мон-

гольскому форманту *темир/дамир/дабир* — ‘железо, металл’. При этом он опирался на замечание Ю. Немета о том, что венгерский город *Дебрецен* ранее именовался по-тюркски *Темер-кен* — ‘железный город’ [Немет, 1969. С. 26–33; Сулейменов, 1975. С. 71].

В этимологическом словаре Э. В. Севортыяна, со ссылкой на изыскания Н. Баскакова, В. Радлова, В. Вербицкого указываются формы *дебир/тебир/тевир* [Этимологический словарь, 1980. С. 188]. Таким образом, имеются основания в данном отрывке летописного текста усматривать «железные (металлические) пушки».

Что же касается третьего слова фразы — «*пришили*», то в пору вспомнить тюркское (чув.) *тупе пер* — ‘стрелять из пушки’. Допускаем, что первоначально фраза включала славянизированный дериват *перли* (от *переть, пырять*). Этого, к счастью, не поняли позднейшие переписчики, сохранив фразу, близкую к алтайской праформе. Фраза целиком должна читаться следующим образом: «...пушки стреляли железные». Вторая фраза также легко выдает утраченный смысл: ‘пушки видеть и слышать страшно’.

Фраза о железных/металлических пушках также весьма информативна и связана с процессом проникновения ковкого чугуна в Европу. Дело в том, что в числе наиболее ранних пушек были деревянные, медные, медно-кожаные. Секрет ковкого чугуна проникает в Европу только в XIV в. В Китае к этому времени он был известен многие века. Чугун эпизодически встречался археологам ранее и в зоне болгарских анклавов начиная с XIII в. Кованые из железа (ковкий чугун) пушки некоторыми исследователями считаются первым этапом в развитии артиллерии [Лобин, б. д.]. Для российского артиллерийского дела это утверждение верно.

Следует отметить, что приведенный пример не является единичным случаем применения восточных обозначений штурмовых средств в русских источниках. Например, в военной истории хорошо известны такие термины, как *тюфяк*. При ознакомлении с описаниями штурмов монголов в ходе завоевания русских княжеств нам встречались и иные термины,

разумное толкование которых возможно с чувашского и монгольского⁴. Так в числе осадных приспособлений в летописи упоминался *токмач*. На современных тюркских языках это ‘лапша’. Чувашский позволяет предполагать надолбы, частокол [Словарь, 2000. С. 26]⁵.

Следует учитывать, что современники монгольского нашествия в Европе еще не располагали адекватной терминологией, поэтому следует внимательней относиться к странным описаниям штурмов монголами городов. Так, например, «Мазуринский летописец» описывает завершение пятидневного штурма Рязани: «Лета 6745... 6-й день (штурма Рязани Батыем. — Р. Н.) придоша погании ко граду, овии со огни, **а инии с порохи**, а инии с лестницами и взяша град... и пожгоша» [Мазуринский летописец, С. 69]⁶. Фраза практически исключает ошибку, допущенную в других местах различных летописей. Например, о расстреле дружины Евпатия Коловрата из пороков (таранов), привезенных на санях. Наиболее вероятным представляется, что их расстреляли из порохового оружия, названия которому ни церковные служители, ни военные еще не придумали.

Следует отметить, что наша трактовка летописного описания штурма Киева и Рязани полностью согласуется как с общим вектором и временем движения пороховой технологии из Китая в Европу, так и со схожими описаниями разгрома монголами европейских войск

⁴ Следует пояснить, что целый ряд компаративистов считает, что тюркские архаизмы чувашского языка являются сохранившимися болгаризмами. Булгары (или т. н. «протоболгары») длительное время господствовали в Восточной Европе, а Болгария дунайская формировала особенности славянского христианства, письменности и культуры.

⁵ Тёкме — ‘тын, частокол’ [Словарь, 2000. С. 26]. Эта версия подтверждается топонимами типа Токак/Токмачка. Можно предполагать также в основе термина така (чув.), тэкэ (тюркск.) — ‘баран’. Именно в форме лба барана делали окончания штурмовых таранов. В основе названия штурмового орудия могли быть чагатайское и монгольское значение термина токмач с современным значением ‘молоток’.

⁶ Летописец, написанный Сидором Сназиным имеет собственное название: «Книга, глаголемая летописец великия земли Росикския, великаго языка словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити» [Мазуринский летописец, 1968].

в битвах при Шайо в Венгрии и в Польше при Легнице в 1241 г.

Описание этих битв обращает на себя внимание тем, что в качестве решающего средства в битве монголы употребляли некие поражающие средства с громом и дымом. Их описания расплывчаты и позволяют лишь предполагать (что и делали историки оружия), но не утверждать о применении огнестрельного оружия. Однако их сопоставление с рядом других упоминаний, дает основания для утверждения об этом с большой степенью надежности.

Существует материальное (косвенное) подтверждение нашего подхода к трактовке вышеприведенного эпизода летописи. В одном из разрушенных монголами древнерусских городов неподалеку от Бердичева археологи обнаружили несколько каменных ядер весом около 25 кг [Гончаров, 1950. С. 41–43]. Украинскими учеными предполагалось, что город был разрушен в результате того же похода Батыя [Там же. С. 19]. В этом случае шарообразные ядра могут косвенно свидетельствовать о применении осадной артиллерии большой мощности, т. к. камни для баллист и требюше не требуют такой формы и стандартизации.

Следует отметить, что существуют и прямые указания письменных источников о наличии в наступающем на Запад монгольском войске огнестрельного оружия. Однако следует оговориться, что оно упоминается пятнадцать лет спустя после рассматриваемых событий — в войсках Хулагу. Но при этом следует учитывать, что решение о выделении сил и средств было принято задолго до начала западного похода и должно было учитывать предшествующую многолетнюю практику применения.

Об использовании огнестрельного оружия в «Западном походе» упоминают персидские историки, которые отмечают довольно широкое участие «китаев» в монгольских проектах по завоеванию Средней Азии. С большой степенью вероятности до полного разгрома империи Южная Сун речь могла идти о стрелковых частях маньчжуроязычных чжурчжэней.

В этом отношении, весьма примечательно сообщение Ата-Мелика Джувейни о силах и средствах, которые были выделены для похода

да чжувана⁷ Хулагу в середине XIII в.: «...Из земель китаев была доставлена 1000 **кана** китайских стрелков, которые **каменным ядром** могли попасть в игольное ушко...» [Джувейни, 2004. С. 441].

Термин *кана*, приведенный А. Джувейни, позже был переведен как 'семья', по всей видимости, это сделал еще первый редактор Казвини, исходя из среднеазиатского *hana* — 'дом'. Но при этом, надо отдать ему должное: он (как и последующие переводчики) сохранил этот странный термин, выделяющийся в контексте повествования и внезапно указавший на «дома» китайских артиллеристов⁸. Довольно трудно представить себе китайских артиллеристов, идущих в поход со своими семьями и домами, как степные номады.

Для адекватной оценки приведенной информации, следует учитывать, что монголы широко привлекали народы сообщества *юй-вэнь/эвэн* к своим походам. Самой развитой АТ своего времени обладали маньчжуроязычные чжурчжэни. Следовательно, наиболее вероятно именно чжурчжэньская (протоманьчжурская) терминология.

Термин *кана* легко переводится с тунгусо-маньчжурских языков, в которых *кана* — 'труба'⁹. Термин и его дериваты распространились вместе с АТ далеко на Запад, став основой для германских *каноне*, *канонир*, *канонада*. Следовательно, в тексте описываются не кочевые артиллеристы со своими домами. Здесь мы имеем дело с прямым указанием на крупное соединение ствольных орудий. Именно о стволах — «жерлах» орудий говорится в тексте А. Джувейни несколько ниже [Джувейни, 2004. С. 457]. Примечательно, что непосредственно вслед за «непонятными», с точки зрения персидского языка «артиллерийскими семьями», в

⁷ Ни один из правителей «монгольских» империй не признавался династией Юань ханами, а только лишь 'принцами крови' — чжуванами (> рус. чваниться). Полноправным правителем смог стать лишь Мухаммед Тохтамыш. Но не долго.

⁸ Эту смешную трактовку термина «заглотил» Томас Ольсен, объясняя необходимостью создания «кадрового резерва» [Allsen, 2002. P. 276].

⁹ К месту вспомнить, например, кановое отопление в домах от Маньчжурии до Итиля, Саксина и Сарая-на-Волге.

тексте упоминаются еще такие «необходимые» для точной стрельбы средства, как «клей и сухожилия», которыми намертво крепились орудия к скалам [Там же. С. 441]. Представляется, что подобное жесткое крепление стволов орудий действительно способно дать более высокую точность поражения.

По всей видимости, неудовлетворительность толкования иностранного военного термина с точки зрения фарси понимали все переводчики этой работы. Поэтому, они (поколение за поколением) сохраняли в тексте этого отрывка не только слово *кана*, но и другой артиллерийский термин — *раи*, в котором (с учетом контекста) легко узнается китайское *рао* — ‘пушка’ (砲/炮).

Таким образом, проанализировав письменные источники различного происхождения, мы можем с большой долей уверенности утверждать об участии маньчжуро-китайских артиллеристов в «западном походе» Хулагу, и тем самым поддержать мнение ученых, ранее высказывавшихся об этом. Данное обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о наличии эффективного огнестрельного оружия в войсках ВМИ.

Ко времени разгрома монголами китайских государств у них уже были не только «трофейные», но и собственные знатоки артиллерийского дела, умевшие организовать действия сотен метательных механизмов при осаде городов. Одного из таковых (*Аньмухая*) особо выделил Р. Храпачевский на материалах «Юаньши» [Храпачевский, 2004]. Таким образом, они были готовы к восприятию технологических новшеств в деле штурма крепостных стен.

Массовое применение метательных штурмовых орудий отмечалось, как особенность тактики монголов, в отчетах папских посланцев-разведчиков Гильома Рубрука и Плано Карпини. Они указали на эту особенность без описания конструктивных особенностей орудий ввиду их секретности.

Среди описаний обращает на себя особое внимание фантастическое для того времени описание массового и эффективного применения огнестрельного оружия где-то в абстракт-

ной «Южной Индии»¹⁰ (медные фигуры, изрыгающие вместе с огнем стрелы). «...сделав медные изображения людей, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами... и тогда они пустили стрелы в татар» [Карпини, 1997. С. 46]. Исследователи, дословно воспринявшие описание, полагают, что речь идет об огнеметных системах подобных византийским сифонам, однако очевидно, что в противника запускались именно стрелы. Наверняка Плано Карпини имел дело с рассказчиком, который не обладал полнотой сведений и специальной терминологией для адекватного описания новой военной технологии и тактики ее применения.

Одним из наиболее веских свидетельств в пользу того, что монголы в начале XIII в. применяли при осаде городов артиллерию, может являться репортаж китайского современника Чингис-хана Мэн-хуна «Мэн-да-бэй-лу» в переводе выдающегося русского синолога В. П. Васильева. В нем, в частности, отмечалось, что характерными чертами тактики монголов при осаде городов являлось привлечение к штурму огромного количества местного населения, которое уничтожалось в небывалых масштабах, а также подкопы и батареи орудий — *пао-цзы* [Васильев, 1859. С. 224]¹¹.

В истории Цзинь в 1237 г. упоминались самые разнообразные поражающие средства, применяемые с грохотом, однако китайцы (Chen Song-Yuan), а за ними и американцы почему-то переводят их названия как «бомбы» (*хуо-пао*) [Andrade, 2017. Р. 46–47]. С большой степенью вероятности это могли быть уже огнестрельные орудия (*хун-пао*), как приводил этот(?) термин Е. Кычанов для более поздней эпохи.

¹⁰ По всей видимости, это — условное название не совпадающее с современным.

¹¹ Несмотря на то, что иероглиф пао/бао может переводиться и как баллиста, но в подобном сочетании В. П. Васильев применил именно французский термин «батарея», предполагающий именно батарею пушек [Васильев В. П., 1859. С. 224]. По мнению современных сиологов (И. А. Сабиров, Г. А. Юсупова), сочетание должно переводиться как «артиллерийская батарея».

В качестве заключительного аргумента хотелось бы привести результаты археологических исследований, которые позволяют устранить последние сомнения в вопросе о применении огнестрельного оружия собственно монгольским войском. Останки средневекового ружья найдены в летней столице монгольского императора Хубилай-хана *Xanadu* (*Ксанаду*, *Занаду*; *Шанду*). На бронзовом стволе, длиной 14 дюймов (35,56 см), был нанесен серийный номер и дата, соответствующие 1298 г. нашей эры [劉基, 焦玉, б. г.].

Заключение

Подводя общие итоги, мы можем с уверенностью констатировать факт заимствования технологии огнестрельного оружия монголами до нападения на китайскую империю Сун у «варварских» империй киданей, тангутов и чжурчжэней. Позднейшей датой получения пороховой технологии можно считать год взятия столицы тангутов, имевших на вооружении артиллерийские установки. Письменные

источники содержат названия применявшихся монголами метательных орудий, характерные для ствольной артиллерии. Это обстоятельство предоставляет веские основания для уверенного отнесения пуль, ядер, трубок и стволов, находимых в слоях XIII в., к принадлежностям огнестрельного оружия. Совокупность разного рода свидетельств позволяет утверждать, что о и войска ВМИ применяли огнестрельное оружие в ходе наступления на Европу и Ирано-Ирак.

Кроме сугубо технического аспекта, признание факта наличия в монгольском войске огнестрельного оружия позволяет понять столь успешное и победоносное продвижение монгольских войск по Евразийским просторам, а также успешный разгром ими самых могучих армий своего времени. Частным следствием этого обстоятельства является несомненный приоритет монголов, тюрков и восточных славян по отношению к государствам Западной Европы в деле ознакомления с огнестрельным оружием.

Сокращения

АТ — артиллерийская технология
ВШП — Великий шелковый путь

ВМИ — Великая монгольская империя
ОО — огнестрельное оружие

Источники

Джувеини, 2004: Чингисхан: История завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувеини / пер. текста М. Казвини, Е. Харитоновой, Д. Бойла. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004.

Карпини, 1997: *Карпини Плано*. История монголов. М.: Мысль, 1997.

Мазуринский летописец, 1968: Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. С. 11–179.

Использованная литература

Агошков, 2015: Агошков О. Г., Александров А. Ю., Ветров В. В. и др. История оружия: учебник для ВУЗов. Очерки развития артиллерии / под ред. В. Г. Кучерова. Волгоград: ВолгГТУ, 2015.

Васильев, 1859: *Васильев В. П.* История и древности восточной части Средней Азии // Записки императорского археологического общества. СПб.: Тип. ИАН, 1859. Т. 13. С. 1–235.

Бехайм, 1995: *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995.

Гончаров, 1950: *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: АН УССР, 1950.

Келли, 2006: *Келли Дж.* Порох. От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир / Пер. с англ. А. Турова. М.: КоЛибри, 2005.

Ковалевский 2024: *Ковалевский О. М.* История монголов / Под ред. И. В. Кульганек. СПб.: Нестор-История, 2024.

Контамин, 2001: *Контамин Ф.* Война в средние века. СПб.: Ювента, 2001.

Лобин, б. д.: *Лобин А.* Пушечной мастер Елисей Кует пушки кожаные кует водою. URL: <https://polit.ru/article/2013/06/01/cannon/> (дата обращения: 21.06.2013).

- Митяев, 1974: *Митяев А. В.* Книга будущих командиров. М.: Молодая гвардия, 1974.
- Набиев, 2021: *Набиев Р. Ф.* Средневековая артиллерия тюрков и татар. Казань: Логос-пресс, 2021.
- Набиев, Тазеев, 2024: *Набиев Р. Ф., Тазеев Г. Г.* К вопросу исследования этнонимов эвен-юйвен-эмэн-мани // Монголика. 2024. Т. 27. № 2. С. 44–50.
- Немет, 1969: *Немет Ю.* Два кипчакских названия в Венгрии // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969. С. 26–33.
- Нефедов, 2010: *Нефедов С. А.* История России. Факторный анализ. М., 2010. Т. I. С. 21–25.
- Разин, 1999: *Разин Е. И.* История военного искусства. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 1999.
- Русская артиллерия, 2006: Русская артиллерия от Московской Руси до наших дней / Сост. С. Н. Ионин. М.: Вече, 2006.
- Савельев, 2010: *Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М.: Вече, 2010.
- Словарь, 2000: Словарь чувашского языка / Сост. Н. И. Ашмарин. Т. 15–16. Чебоксары: НИИЯЛ, 2000.
- Сулейменов, 1975: *Сулейменов О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1975.
- Татищев, 1784: *Татищев В. Н.* История Российской с самых древнейших времен. М.: Имп. Моск. ун-т, 1784. Кн. 4.
- Уэзерфорд, 2008: *Уэзерфорд Дж.* Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008.
- Федоров, 1907: *Федоров С. И.* Исследование о пулеметах: ист. очерк пулемет. дела. Ч. I. Люблин: Тип. Ю. Петриковского, 1907.
- Хара-Даван, 1993: *Хара-Даван Э.* Чингисхан как полководец и его наследие. М., 1993.
- Хогг 2014: *Хогг О.* История артиллерии. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2014.
- Храпачевский, 2004: *Храпачевский Р.* Осадные технологии монголов. URL: <http://xlegio.ru/siege-machinery/medieval-siege/mongolian-siege-technologies/> (дата обращения: 27.02.2011).
- Хукхэм, 1995: *Хукхэм Х.* Властитель семи созвездий. Ташкент: Адолат, 1995.
- Энгельс, 1959: *Энгельс Ф.* Артиллерия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1959. Т. 14. С. 196–221.
- Этимологический словарь, 1980: *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву ‘В’, ‘Г’ и ‘Д’* / Сост. Э. В. Севортян; под ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980.
- Allsen, 2002: *Allsen Thomas T.* The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire // *Warfare in Inner Asian History (500–1800)*. Ed. by N. De Cosmo. Leiden: Brill, 2002.
- Andrade, 2017: *Andrade Tonio.* The gunpowder age: China, military innovation, and the rise of the West in world history. Princeton, 2017. P. 46–47.
- Conde, 1821: *Conde J. A.* Historia de la dominacion de los arabesen Espana, sacada de varies manuscritos y memorias arabigas». Т. 1–3. Madrid, 1820–1821.
- Eric Powell: *Eric A. Powell.* Fire Lances and Cannons // *Archaeology Magazine*. URL: <https://www.archaeology.org/issues/378-2005/features/8599-fire-lances-cannons> (дата обращения: 20.06.2025).
- Howorth, 1880: *Howorth Henry H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. London: Longmans, Green, 1880.
- Patrick, 2016: *Patrick, Neil.* The Heilongjiang hand cannon manufactured no later than 1288 is the world's oldest surviving firearm. URL: <https://www.thevin-tagene-news.com/2016/08/04/priority-heilongjiang-hand-cannon-manufactured-no-later-1288-worlds-oldest-surviving-firearm/> (дата обращения: 25.07.2025).
- 罗焯, 2014: 罗焯 洛 Чжао. 元朝“丝绸之路”与元大都 [Шелковый путь и Даду (Пекин) в эпоху династии Юань] // 北京史学论坛 [Пекинский исторический форум]. 2014.
- 陈上宇, 2018: 陈上宇 Чэнь Шан-юй. 基督教入华史 = History of Christianity into China. Montgomery, Alabama, 2018.
- 劉基, 焦玉, 6. г.: 劉基, 焦玉 Лю Цзи, Цзяо Юй. 火龍神器陣法 Холун шэньци чжэньфа [Тактика (применения) чудесного оружия огненного дракона].

THE GREAT MONGOL EMPIRE AS A CARRIER OF ARTILLERY TECHNOLOGY IN THE 13th CENTURY

Rustam F. NABIYEV

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article examines the initial stage of the spread of firearms in Eurasia. Through a comprehensive study incorporating data and methods from paleography, source studies, comparative linguistics, ethnography, archaeology, various aspects of military affairs, geography, and other scientific disciplines, the author concludes that the main bearers of artillery technology in the 13th century were the troops of the Great Mongol Empire. No less significant are specific conclusions: it is highly likely that the Mongols adopted firearms technology before their attack on the Chinese Empire of the Song Dynasty, gaining access to the wealth of the “barbarian” empires of the Khitan, Tanguts, and Jurchens. The latest date for the acquisition of gunpowder technology can be considered 1227, the year of the capture of the Tangut capital, which was armed with artillery. Written sources contain names of the projectile weapons used by the Mongols, typical of barrel artillery. This circumstance provides compelling grounds for confidently classifying bullets, cannonballs, tubes, and barrels found in 13th-century strata as firearms accessories. The combination of various facts and information allows us to assert that the troops of the Great Mongol Empire also used firearms during their offensives in Central Asia and Europe. The author notes the priority of the Mongols, Turks, and Eastern Slavs over Western European states in familiarizing themselves with firearms.

Key words: Great Mongol Empire, Tanguts, Jurchens, artillery technology, projectile weapons.

About the author: **Rustam F. NABIYEV**, Dr. Sci. (History), Professor of the Department of Public Law and Civil Law Disciplines, Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Kazan, Russian Federation) (nabiev_bulg@mail.ru). ORCID: 0000-0002-2349-9217.

И. А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

«ДУН ЦЗИН МЭН ХУА ЛУ»: АВГУСТЕЙШАЯ ДОРОГА

Статья посвящена уникальному китайскому сочинению XII в. «Дун цзин мэн хуа лу» Мэн Юань-лао — беспрецедентному в китайской истории письменному источнику комплексных сведений о городской жизни времени Северной Сун. Это шестая публикация из серии работ, посвященных «Дун цзин мэн хуа лу», включающая полный комментированный перевод частей «Августейшая дорога», «Надзоры, ведомства, дворцы и строения перед Сюаньдэлоу» и «Улицы и переулки за вратами Чжуцзюэмэнь».

Ключевые слова: Китай X–XIII вв., эпоха Сун, китайский город, Мэн Юань-лао, «Дун цзин мэн хуа лу».

Об авторе: Алимов Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий отделом Южной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург) (Igor.Alimov@kunstkamera.ru). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И. А., 2026.

Настоящая работа является продолжением комментированного перевода сочинения Мэн Юань-лао (孟元老, XII в.) «Дун цзин мэн хуа лу» (東京夢華錄 «Записи снов о Хуа[ской] в Восточной столице»)¹. Данное сочинение, датированное 1147 г., представляет собой один из редких сунских текстов, где дано подробное описание восточной столицы империи — г. Бяньцзин 汴京 (совр. г. Кайфэн, пров. Хэнань). Это важнейший источник для реконструкции как внешнего облика сунского Кайфэна и его устройства — городских стен, кварталов, рынков и пр., так и собственно столичной жизни — с ее нравами, обычаями и традициями. «Дун цзин мэн хуа лу» донесли до наших дней уникальные сведения о сунском Кайфэне, нигде больше не встречающиеся, что настоятельным образом требует введения данного письменного памятника в широкий

научный оборот. Ниже вниманию читателя предлагается комментированный перевод трех разделов второй цзюани «Дун цзин мэн хуа лу» — «Юй цзе» (御街 «Августейшая дорога»), «Сюань дэ лоу цян шэн фу гун юй» (宣德樓前省府宮宇 «Надзоры, ведомства, дворцы и строения перед Сюаньдэлоу») и «Чжу цю мэн вай цзе сянь» (朱雀門外街巷 «Улицы и переулки за вратами Чжуцзюэмэнь»).

Августейшая дорога

[Проходящая] через кварталы и улицы Августейшая дорога берет начало у Сюаньдэлоу и идет прямо на юг, шириной [она] примерно чуть больше двух сотен фу. С обеих сторон — Августейшие галереи. Раньше горожанам дозволялось в них торговать, но начиная с годов под девизом правления Чжэн-хэ власти это строго запретили. На каждой [из сторон] установили черную лаковую ограду, а на самой дороге поставили красную лаковую ограду — в два ряда, между ними проходит Августейшая дорога, и там не разрешается ходить или ездить, и все пешеходы следуют под галереями за красными оградками, в их пределах есть два

¹ Первая и вторая части были опубликованы в журнале «Mongolica» № 3 и № 4 за 2024 г., третья и четвертая — в № 1 и № 4 за 2025 г., пятая часть — в № 1 за 2026 г. Настоящий перевод выполнен по критическому тексту «Дун цзин мэн хуа лу», подготовленному профессором Хэйлуңцзянского университета И Юн-вэнем (伊永文, р. 1950), см.: [Мэн Юань-лао, 2006. Т. 1. С. 40–60].

выложенных каменными кирпичами Августейших канала, наполненных водой. В годы под девизом правления Сюань-хэ они были сплошь засажены лотосами, а рядом на берегах высадили персиковые, сливовые, грушевые и абрикосовые [деревья] — каждую весну и лето, раскрываясь, одни цветы сменяли другие и издалека выглядели точно вышивка.

Примечания. Августейшая дорога 御街 — главная улица Бяньцзина, имевшая в первую очередь церемониальное значение: по ней из дворцового комплекса выезжал император со свитой во время важных государственных ритуалов. Брала начало у Сюаньдэлоу (宣德樓 Терем провозглашения добродетели), главных врат в императорский дворцовый комплекс, и проходила через ворота Наньсюньмэнь (南薰門 Врата южного аромата). Улица была отстроена с размахом, призванным продемонстрировать мощь и величие империи. Ширина ее по разным оценкам составляла от трехсот до четырехсот метров (включая каналы и посадки деревьев); Мэн Юань-лао сообщает о ширине «чуть больше двухсот бу», т. е. триста с лишним метров. Центральная мощеная часть (остальное — утрамбованная земля) размещалась между двух красных оград и предназначалась исключительно для императорского выезда. В ширину была примерно метров тридцать-сорок. Каналы, проходившие за красной оградой, среди прочего служили надобностям противопожарной безопасности, под дорогой была сооружена дренажная система для отвода дождевой воды. По ночам Августейшая дорога освещалась масляными фонарями (в других частях города подобного не было). По праздничным дням здесь проходили оживленные гуляния (исключая центральную, императорскую часть): император любовался ими с Сюаньдэлоу.

Годы... Чжэн-хэ — 1111–1117.

Годы... Сюань-хэ — 1119–1125.

Надзоры, ведомства, дворцы и строения перед Сюаньдэлоу

Левая южная галерея, что перед Сюаньдэлоу и напротив ворот Цзоэмэнь (左掖門 Левые боковые врата [дворца]), отдана рези-

денции глашатаев календаря зала Минтан и Мишуньэну, в правой галерее с юга, напротив ворот Юемэнь (右掖門 Правые боковые врата [дворца]) ближе к востоку — два ведомства и восемь мест, а с запада — Шаншуньшэн. Если пойти по Августейшей дороге на юг от Великих внутренних [покоев], то по левую сторону будет восточный Цзинлингун, а на правой стороне — западный [Цзинлин]гун. Самое близкое на юг — Дашэнфу, а следующее [здание] именуется Тайчансы. [Строение] с южной стороны большой извилистой улицы у моста Чжоуцяо зовется хранилище Цзоцанку, ближе всего на восток — усадьба тайцзая Чжэна и проход на рыбный рынок. [Если пойти] на восток по большой улице от южных ворот восточного Цзинлингуна, то на юге будут лавка золотых и серебряных [изделий] семьи Тан, лавка лаковых изделий и утвари из Вэньчжоу, большой храм Сянгосы, и дальше прямо — тринадцать теремов и врата Цзюсунмэнь (舊宋門 Старые сунские врата). [Если] пойти на юг от западной галереи Великих внутренних [покоев], будет западный Цзинлингун, а южная кривая улица напротив [ведет] к Баоцзысы (報慈寺 Храм воздания за милость), двору Дуцзиньцзоу-юань, лавке лекарств Байчжунъюань (百鍾圓 Всевозможные пилюли) и доходит до большой улицы у моста Сюньцияо (浚儀橋 Мост глубокой благопристойности). К югу от западного [Цзинлин]гуна — сплошь ограда августейшей галереи, а [если] дойти до большой западной улицы у моста Чжоуцяо (州橋 Областной мост), то будут фруктовые торговые ряды. На север по [этой] улице — столичная почтовая станция (место остановки ляоских послов). Напротив — жемчужная лавка семьи Лян, все остальные лавки тут торгуют ходовыми рисунками, цветами и фруктами. Пойдешь на запад от моста Сюньцияо — будет управа Кайфэнфу. Если пройти по Августейшей улице прямо на юг и пересечь мост Чжоуцяо, то там по сторонам все людские жилища. На востоке улицы — угольная [лавка] семьи Чэ, винная лавка семьи Чжан, затем «Шаньдун мэйхуа баоцзы» (山洞梅花包子 «Баоцзы пещерных цветов сливы») Ван Лоу, лавка благовоний семьи Ли, лепешки с мясом матушки Цао, чайная Ли Четвертого.

[Если] пойти на запад по улице от врат Чжунцзю-эмэнь (朱雀門 Врата Красного воробья) и пересечь мост, то доберешься до большой западной улицы, ее называют Цюйюаньцзе (糶院街 Улица Двора винной закваски). На юге [этой] улицы — Юйсянь чжэндянь (遇仙正店 Винный дом Встречи с бессмертными), перед ним — терем, а позади — терраса, и столичные жители зовут то место Тайшан (臺上 «На террасе»). Это заведение самое знаменитое среди винных лавок [столицы], чаша вина *иньпинцзю* тут стоит семьдесят две монеты, чаша вина *янгаоцзю* — восемьдесят одну монету. На севере улицы — чайная семьи Сюэ, [лавка] кушаний из баранины, лавка вареной баранины. Если пойти на запад, то будут сплошь жилища певичек, столичные жители называют это [место] Юаньцзе (院街 «Улица дворов»). А на запад от Августейшей галереи — *баоцзы* семьи Лу, дальше тут все лавки, [торгующие] похлебкой, чайные и винные лавки, лавки, [где продают] благовония и лекарства. И людские жилища.

Примечания. Мишушэн (祕書省 Надзор потаенных документов, императорская библиотека) — изначально был учреждением, ответственным за проведение жертвоприношений по малому ритуалу и бумажные таблички с молитвами, сжигавшимися на подобных жертвоприношениях. Однако позднее в состав Мишушэна вошел Чунвэньюань (崇文院 Двор величественных писем) — самое крупное придворное книгохранилище того времени, где были собраны сочинения четырех родов, на которые издревле делились китайские письменные памятники: цзин 經 канонические сочинения, ши 史 исторические сочинения, цзы 子 философские сочинения, цзи 集 сборники. С того времени Мишушэн стал отвечать за данное книжное собрание (систематизация, каталогизация, снятие копий, выправление и сверка классических текстов, собственно хранение, создание ксилографий — в первую очередь канонов). К ведению Мишушэна относились также совершенствование календаря, сочинение молитвенных и жертвенных ритуальных текстов.

Два ведомства и восемь мест 兩府八位. — Двумя ведомствами при Сун называ-

ли отвечавший за военные дела Шумиюань и отвечавший за дела управления Чжуншусхэн, т. е. военную и гражданскую ветви власти. Под восьмью местами подразумеваются восемь государственных структур, составлявших в сунское время центральную административную систему. В начале годов под девизом правления Юань-фэн (1078–1085) помещения для них построили перед воротами Цзоэмэнь по четыре в ряд напротив друг друга, и в просторечии стали называть «восемь мест».

Шаншусхэн (尚書省 Правительствующий надзор, Управление департаментов) — главный исполнительный орган империи. Состоял из отдела общего управления (*душэн* 都省) и шести профильных частей/департаментов (*бу* 部): Либу (吏部 Департамент чинов), отвечавший за пожалование наградными должностями и титулами знатности, а также за проверку результатов деятельности чиновников (для чего существовали специальные отделы: титулов знатности — *сыфэн* 司封, наградных должностей — *сысюнь* 司勳, проверки заслуг — *каогун* 考功); Хубу (戶部 Подворный департамент), отвечавший за учет земель империи и народонаселения, а равно за поступления в казну, распределение податей и циркуляцию денежных и зерновых масс (здесь тоже имелись специализированные отделы: расчетный — *дучжи* 度支, имуществ — *цзиньбу* 金部, зернохранилищ — *цанбу* 藏部); Либу (禮部 Департамент церемоний), отвечавший за правила поведения, собственно церемонии (нормативные государственные процедуры, соблюдение этикета и т. п.), государственные жертвоприношения, проведение экзаменов на право занятия вакантных чиновничьих должностей (гражданских) и ученых степеней (специализированные отделы: жертвоприношений — *цыбу* 祠部, жертвенных кушаний — *шаньбу* 膳部, приема гостей — *чжукэ* 主客); Бинбу (兵部 Военный департамент), отвечавший за проведение экзаменов на право занятия вакантных военных должностей, картографию, лошадей, колесницы, военное снаряжение (также имел три специализированных отдела: управления окраинами — *чжифан* 職方, ездой — *цзябу* 駕部, арсенальный — *кубу* 庫部);

Синбу (刑部 Судебный департамент), отвечавший за соблюдение существующего законодательства, проверку уже проведенных расследований, утверждение приговоров, контроль за соответствием наказаний закону, вынесение справедливых решений и содержание арестантов (отделы: надзорный — *дугуань* 都官, контрольный — *бибу* 比部, пропускной — *сымэнь* 司門, списки на проход в дворцовый город и Великие внутренние покои и т. п.); Гунбу (工部 Департамент работ), отвечавший за природные ресурсы и их использование, земельные поселения, лично свободных, призванных на общественные работы, казенных ремесленников, строительство, ремонт, обеспечение учреждений «канцелярскими» принадлежностями и пр. (здесь также было три специализированных отдела: земельных поселений — *тунтянь* 屯田, природопользования — *юйбу* 虞部, водный — *шуйбу* 水部). Немного позднее к ведению Шаншунэна было причислено обеспечение распространения высочайших указов.

Цзинлингун (景靈宮 Дворец благовещих духов) — построенный в 1012 г. (изначально это был даосский храм) столичный ритуально-мемориальный дворцовый комплекс, связанный с почитанием императорских предков, в честь которых здесь проводились торжественные церемонии. Место проведения жертвоприношений августейшим предкам, где хранились мемориальные таблицы с их именами, а также портреты и статуи усопших императоров. Состоял из двух частей, разделенных Августейшей дорогой, — западной и восточной.

Дашэнфу (大晟府 Чертог великого расцвета) — столичная музыкальная палата, учрежденная в 1102 г. и первоначально называвшаяся Даюэфу (大樂府 Чертог великой музыки). Занималась разработкой музыки — в первую очередь для государственных и дворцовых церемоний, жертвоприношений и пиров. Здесь же обучались дворцовые музыканты. Была упразднена в 1125 г., а функции отошли к Тайчансы (см. ниже). Здесь работали такие выдающиеся музыканты и поэты, как Чжоу Бан-янь (周邦彦 1058–1123) и Вэй Хань-цин (魏漢津 вт. пол. XI — перв. пол. XII в.), предло-

живший новую систему настройки музыкальных инструментов.

Тайчансы (太常寺 Приказ/Палата Великого постоянства) ведал ритуалами, музыкой, жертвоприношениями Небу и Земле, в предместьях столиц и пр., а также комплексным обеспечением всех этих мероприятий (музыкантами и инструментами, врачевателями, гадалками, хранением и подготовкой церемониальной и жертвенной пищи и т. п.). Такое название получил в 1040 г., а до того назывался Тайчанлиуань (太常禮院 Двор церемоний Великого постоянства).

Тайцзай (太宰 великий советник) — так в течение нескольких лет после 1112 г. назывался чиновник, ранее именовавшийся *цзо пье* (左僕射 левый слуга-стрелок), начальник Шаншунэна, *цзайсян*.

Вэньчжоу 温州 — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Чжэцзян.

Тринадцать теремов 十三樓 были выстроены здесь при Позднем Чжоу.

Дуцзиньцзоуянь (都進奏院 Столичный двор подачи докладов на высочайшее имя) — такое название получил в 982 г.; своеобразная канцелярия по работе с документами и центральный орган связи между центром и провинциями. Здесь принимались и проверялись доклады различных провинциальных чиновников и ведомств, после чего передавались в Чжуншунэнь, отсюда же рассылались ответные распоряжения на места.

Кайфэнфу 開封府 — административный центр столичной области, в которую входили шестнадцать уездов и округов. Существовал с 960 по 1127 г. В разное время Кайфэнфу управляли разные знаменитые исторические личности: например, славившийся неподкупностью, мудростью и непреклонным следованием закону сановник Бао Чжэн (包拯 Бао-гун 包公, 999–1062), популярный персонаж более поздних литературных произведений и образец прозорливого судьи.

Баоцзы 包子 — приготовленные на пару пирожки (аналог: манты) с разнообразной начинкой. Очень популярное в сунском Бяньцзине уличное блюдо, которое можно было встретить даже на ночных рынках столицы.

Баоцзы были востребованы и в знатных домах, где подчас даже держали специальные кухни для приготовления баоцзы с большим штатом подготовленного обслуживающего персонала.

Иньпинцзю (銀瓶酒 вино в серебряном кувшине) — судя по названию, дорогостоящий сорт алкоголя, поскольку подавался в дорогих серебряных кувшинах; рецепт или какие-либо подробности об этом сорте вина не сохранились.

Янгаоцзю (羊羔酒 вино «Настой ягненка») — другой дорогой сорт алкоголя, известный еще со времен Тан, приготавливавшийся из ферментированного рисового вина с добавлением мяса молочного ягненка, а также пряностей (имбирь, корица, гвоздика, дудник, пр.). Данный напиток считался согревающим, пить его было принято в холодное время года.

Улицы и переулки за вратами Чжуцюэмэнь

[Если] выйти за городскую стену через врата Чжуцюэмэнь, то [здесь] тоже людские жилища. Пройдешь [отсюда] на восток — будут Майцзесян (麥秸巷 Соломенный переулок) и Чжуаньюаньюлоу (狀元樓 Терем первых из сильнейших), тут все жилища певичек — до самой улицы у врат Баоканмэнь (保康門 Врата, охраняющие спокойствие). [Если] за вратами Чжуцюэмэнь, что к востоку от Августейшей дороги, пройти на запад через врата Синьмэнь (新門 Новые врата), [будет] *вацзы*, а на юг оттуда — Шачжусян (殺豬巷 Переулок, где забивают свиней), [там] тоже жилища певичек. А на юг — с востока и запада будут два Цзяофана, остальное — людские жилища или чайные лавки. Рынок, что в середине улицы, бурлит до самой ночи.

[Если] пройти на юг от моста Лунцзиньцяо (龍津橋 Мост драконьей переправы), то в середине улицы будет красная лаковая ограда, такая же, что перед [Великими] внутренними [покоюми]. К востоку — усадьба *ляньфана* Лю, а на юг — Тайсюэ, Гоцзыцзянь. Если пройти мимо Тайсюэ, будет переулок, и [в нем] — южные ворота Тайсюэ. В южном конце улицы — Шуяо хуэйминь наньцзюй. Еще пять *ли*

на юг — там сплошь людские жилища. А [если] пойти на восток, то будет широкий переулочек — тут задние ворота храма Уюэгуань. Примерно через половину *ли* — беседка Каньцзетин (看街亭 Беседка созерцания улицы): обычно, когда августейший выезд осчастлиливает это место, [Владыка] поднимается в беседку и наблюдает оттуда за [проезжающими] верховыми. Прямо на восток — экзаменационный двор, хранилища различной утвари, экзаменационный двор при Либу, казенный рынок корма для скота. С южного конца улицы — [храм] Баочжэньгун (葆真宮 Дворец сохранения истинного), и [если идти] все время прямо, — мост Юньцицяо (雲騎橋 Мост облачной конницы) через реку Цайхэ.

Августейшая же дорога доходит до врат Наньсюньмэнь, на запад от нее — храм Уюэгуань, непревзойденно величественной красоты. [Если] от западных [его] ворот идти на восток мимо мостов Гуаньцяо (觀橋 Мост у обители) и Сюаньтайцяо (宣泰橋 Мост провозглашения безмятежности) по казенной дороге, сокрытой в тени ив, то примерно через пять *ли* с небольшим будут [храм] Срединный тайигун и [обитель] Юшэньгуань. На юг по улице будут Минлидянь (明麗殿 Зал светлой красоты), Фэнлинъюань (奉靈園 Сад почитания божественного) и Цзючэнгун, в котором установлены девять треножников. Ближе всего на восток — Инсянчи (迎祥池 Пруд встречи благих знамений), берега [его] засажены плакучими ивами, [в водах] камыши и цветы лотоса, и между ними плавают-скользят утки и гуси, во множестве высятся друг напротив друга мостики, беседки, террасы и павильоны [у воды]. Лишь один день в году — в [праздник] Чистого света любому дозволяется возжечь [здесь] благовония и погулять, любуясь [видами].

У [городской] стены на юго-запад от моста Лунцзиньцяо — поместье *шуми* Дэна, а на юг, в переулке Усюэсян (武學巷 Переулок военного училища) — поместье Чжана Цюй-цзы и кумирня Учэнванмяо. К югу [от него] — масляные лепешки семьи Чжан и поместье императрицы Мин-цзе. Если пойти на запад, то будет большая улица под названием Дасянкуо (大巷 □ Вход в большой переулок), а еще дальше на запад — винная лавка Цинфэнлоу (清風樓酒

店 Башня чистого ветра), здесь многие столичные жители наслаждаются прохладой в летние месяцы. Оттуда на запад, в начале переулка Лаоясян (老鴉巷 Переулок старой вороны) — Цзюньцисо, а прямо дальше — мост Дицзюцзяо (第一座橋 Наипервейший мост).

Если пойти на юг от Дасянкуо, будет Яньчжэньгуань (延真觀 Обитель стремления к истинному), здесь принимают и селят пришедших отовсюду [в столицу] последователей Дао. Если [оттуда] пойти на юго-запад, в начале небольшого переулочка будет Саньсюэюань, а прямо на запад — дойдешь до переулочка у моста Инаньцяо (宜男橋 Мост достойных мужей). Если же идти на юг, то будут врата Наньсюньмэнь. В обычное время через эти врата ни ученым мужам, ни простонародью, ни погребальным [процессиям], ни повозкам, ни экипажам ходу нет, это, говорят, оттого, что [те врата] — ровно напротив Великих внутренних [покоев]. Только свиньям, которых простонародье приготавливало к забою, позволяют здесь проходить в столицу — до самого вечера, и свиней должно быть несколько десятков тысяч, но гнать их дозволяется лишь нескольким десяткам человек, и свиньи не должны разбредаться куда попало.

Примечания. Чжуанъюань (狀元 первый из списка) — титул для победителя на столичных экзаменах в финале (на дворцовых испытаниях в высочайшем присутствии), оказавшегося первым в списке выдержавших и имеющего право претендовать на высокое служебное назначение. Имена таких людей выбивались на отдельных стелах в столичном училище, часто они становились высокими сановниками — например, Люй Мэн-чжэн (呂蒙正 944–1011), получивший звание чжуанъюаня в 977 г., а в 988 г. назначенный цзайсяном.

Вацзы 瓦子 — он же ваиэ 瓦舍, увеселительный квартал. Название происходит от ва (瓦 черепица), поскольку квартал представлял собой скопление разнообразных навесов, крытых черепицей. Здесь было представлено все: винные лавки, торговые ряды, игорные дома, чайные; в специальных павильонах выступали артисты, музыканты и сказители, продавались предметы роскоши и т. п. По праздничным дням здесь было особенно многолюдно.

Цзяофан (教坊 [Придворная] школа) относилась к ведению Тайчансы. Столичное заведение, где готовили музыкантов, танцоров, актеров и прочих исполнителей для императорского двора (для развлечений на пирах и во время высочайших выездов). Первое официальное учреждение такого рода существовало еще при Тан, размещалось на территории дворцового комплекса Дамингун в г. Чанъань (ныне г. Сиань). Существует редкое танское сочинение «Цзяофан цзи» (教坊記 «Записки о [придворной] школе») Цуй Лин-цинля (崔令欽 VIII в.), посвященное описанию Цзяофана в Чанъани.

Ляньфан (廉訪 честный дознаватель) — иное название *аньчаши* (按察使 уполномоченный вести следствие и наблюдение), чиновничья должность (инспектор-ревизор, занимавшийся надзором за деятельностью местной администрации и при необходимости расследованием случаев нарушений и злоупотреблений с ее стороны).

Тайсюэ (太學 Великое училище). — Это название известно еще со времен Западного Чжоу (1066–771 гг. до н. э.). При Сун Тайсюэ получило статус высшего государственного училища. В 1044 г. двор положил для столичного училища Тайсюэ правило *саньшэ* 三舍, т. е. трех ступеней обучения — как для отпрысков служилого сословия, так и для талантливых юношей простого происхождения; общим числом двести студентов. Сначала студенты поступали в *вайшэ* (外舍 внешнее подворье или, если угодно, общежитие, верно и то и другое: студенты жили в Тайсюэ, в специально отведенных для того помещениях), где в положенное время проходили испытания, в зависимости от результатов которых учащиеся переходили или в *нэйшэ* (內舍 внутреннее подворье), или, в самом удачном случае, в *шаншэ* (上舍 высшее подворье). Обучение и питание всех студентов Тайсюэ производилось за государственный счет; при Южной Сун это положение было изменено: на государственном коште состояли лишь попавшие в *нэйшэ*, а обитатели *вайшэ* должны были заботиться о себе из личных средств.

Гоцзыцзянь (國子監 Училище сынов Отечества) — заимствованная у предшествующих империй высшая структура управления обра-

зованием (в первую очередь конфуцианским) при Сун. В ее состав входили: собственно Гоцзыцзянь, где обучались исключительно отпрыски высшей знати и сановников; Тайсюэ; Сымэньгуань (四門館 Палата четырех врат), где приобщались к конфуцианской учености как выходцы из высших слоев общества, так и талантливые дети простолюдинов (как и во всех училищах, перечисленных далее; следует отметить, что благодаря такому положению вещей примерно треть выпускников училища, занявших высокие посты, происходила из простонародья); Люйсюэ (律学 Правовое училище), где изучали уголовное право и разного рода государственные установления; Шусюэ (書學 Каллиграфическое училище), где изучали каллиграфию; Суаньсюэ (算學 Счетное училище), где учили счету по существовавшим тогда математическим трудам. Гоцзыцзянь отвечало за подготовку студентов, прохождение ими квалификационных экзаменов, содержание учебных помещений и книгохранилищ, а также за печать (ксилографическую) учебных материалов и канонических текстов (такие издания назывались *цзяньбэнь* 監本 и весьма ценились ввиду качества редакционной подготовки) в масштабах всей страны. Данная структура контролировала провинциальные учебные заведения и частные школы, утверждала учебные программы на основе конфуцианского канона, для чего имела собственный чиновничий и преподавательский аппарат. При Сун, помимо Гоцзыцзянь в Бяньцзине, существовали еще два отделения в двух других столицах — в южной (г. Интянь, совр. пров. Хэнань) и в западной (г. Лоян, совр. пров. Хэнань). Наставниками в бяньцзинском Гоцзыцзянь в разное время выступали очень известные ученые: например, великий поэт, историк и государственный деятель Оуян Сю (歐陽修 1007–1072).

Шуяо хуэйминь наньцзюй (熟藥惠民南局 Южное управление готовых снадобий на благо народа). — Неясно, что это. Возможно, имеется в виду одно из подразделений Сышюяцзюй (四熟藥局 Четыре управления готовых снадобий).

Срединный тайигун (中太一宮 Срединный Дворец Великого единого). — У Чжоу Чэна

по поводу данного храма сказано: «Их было четыре: один на юго-востоке от города в селе Суцунь 蘇村, это восточный Тайигун, построенный в годы под девизом правления Тай-пин син-го (976–983); один на юго-западе от города в поселке Бацзяочжэнь 八角鎮, это западный Тайигун, построенный на шестой год под девизом правления Тянь-шэн (1028); один — на месте развалин храма Уюэгуань, это срединный Тайигун, построенный в начале годов под девизом Си-нин (1068–1077); один — перестроенный из храма Лундэгун 龍德宮 в годы под девизом правления Чжэн-хэ (1111–1117), это северный Тайигун. Все они очень давно разрушены» [Чжоу Чэн, 1988. С. 214].

Юшэньгуань (佑神觀 Обитель покровительства духов) — простонародное название даосской обители Юшэнгуань (佑聖觀 Обитель чудесного покровительства), построенной ок. 1010 г. Сведений о ней не сохранилось.

Цзючэнгун (九成宮 Дворец девяти совершенств). — «В первый год под девизом правления Чун-нин (1102) придворный маг Вэй Хань-цзинь 魏漢津 попросил отлить девять треножников с изображением всех сущностей, и в третью луну четвертого года [Чун-нин] треножники были изготовлены. Последовал указ выстроить зал для их хранения к югу от Срединного тайигуна... он получил название — Цзючэнгун. Центральный звался — треножник-император, цвет его был желтый, использовался при поклонениях Земле и больших молениях, дары подносились желтого [цвета], музыка исполнялась дворцовая. Северный звался треножник-драгоценность, цвет его был белый, использовался при поклонении на зимнее солнцестояние, дары подносились черного [цвета]. Северо-восточный звался треножник-самец, цвет его был белый, использовался при поклонении на начало весны, дары подносились черного [цвета]. Восточный звался небесный треножник, цвет его был лазурный, использовался при поклонении на весеннее равноденствие, дары приносились темного [цвета]. Юго-восточный звался треножник-гора, цвет его был пурпурный, использовался при поклонении на летнее солнцестояние, дары приносились малинового [цвета].

Юго-западный звался треножник-холм, цвет его был черный, использовался при поклонении на начало осени, дары приносились белого [цвета]. Западный звался треножник-свет, цвет его был киноварный, использовался при поклонении на осеннее равноденствие, дары приносились белого [цвета]. Северо-западный звался треножник-Ковш, цвет его был белый, использовался при поклонении на начало зимы, дары приносились черного [цвета]» [Чжоу Чэн, 1988. С. 233]. Несколько позднее, в 1117 г., по императорскому указу были отлиты еще девять треножников — тоже по совету придворного мага, но названия у них были даосского толка и разместили их в даосском Шанцинбаолугуне.

Праздник чистого света (清明 Чистый свет) — праздник поминовения усопших, см. подробнее в соответствующем разделе сочинения Мэн Юань-лао в дальнейших публикациях.

Чжан Цюй-цзы 張曲子. — Сунский Ван Чжо (王灼 XII в.) в своем посвященном музыке и городским романсам-цы сборнике «Би цзи мань чжи» (碧雞漫志 «Случайные записи из [квартила] Бицзи») упоминает о том, что в годы под девизом правления Чжэн-хэ (1111–1117) в столице жил человек по имени Чжан Гунь-чэнь 張袞臣, известный оригинальными поэтическими строками, положенными на музыку; он был принят при дворе, получил придворную должность и стал известен под прозвищем Чжан Цюй-цзы, т. е. «Чжан-Мелодия». Надо полагать, это был настолько талантливый, непревзойденный в сочинительском мастерстве человек, что двор даже пожаловал ему целую усадьбу.

Учэнванмяо (武成王廟 Кумирня князей, [исполненных] военных заслуг). — По свиде-

тельству Чжоу Чэна, располагалась к юго-западу от моста Лэйцзяцяо (雷家橋 Мост семьи Лэй) и была разрушена при Цзинь, когда город перестраивали [Чжоу Чэн, 1988. С. 270]. Кумирня была посвящена знаменитым полководцам, чьи статуи и изображения там хранились; состав прославившихся ратными делами лиц, которым поклонялись в данной кумирне, неоднократно пересматривался (в пользу уменьшения или увеличения). Так, в 961 г. по указу основателя сунской империи из числа почитаемых лиц был исключен военачальник Бай Ци (白起 ?–257 г. до н. э.), прославившийся среди прочего тем, что после одного из сражений казнил около четырехсот тысяч пленных; а в 1102 г. было дано распоряжение проверить, кого еще можно причислить к числу прославленных полководцев прошлого, после чего подготовили список из шестидесяти четырех персон (военный стратег Фань Ли 范蠡 536–448 г. до н. э., др.), чьи изображения были установлены в кумирне дополнительно.

Императрица Мин-цзе (明節皇后 1089–1121) — урожденная Лю 劉; Мин-цзе хуанхоу — ее посмертное имя. Из простонародья, отец был приказчиком в винной лавке. Во дворец попала в десятилетнем возрасте и изначально состояла в числе прислуги супруги императора Чжэ-цзуна. Прошла по всем ступеням иерархии дворцовых женщин императора Хуэй-цзуна, достигнув ранга *гуйфэй* (貴妃 драгоценная наложница) первой степени, умерла в тридцать три года в ранге наложницы же, в ранг императрицы была возведена посмертно. В 1127 г. все ее дети (три мальчика и одна девочка) вместе с Хуэй-цзуном были захвачены киданями и вывезены на север.

Использованная литература

Мэн Юань-лао, 2006: 孟元老. 東京夢華錄箋注 / 伊永文箋注. 北京 («Записи снов о Хуасюй в Восточной столице» с комментариями). Пекин, 2006. 1–2册.

Чжоу Чэн, 1988: 周城. 宋東京考 / 單遠慕點校. 北京 (Разыскания о Восточной сунской столице). Пекин, 1988.

Шэнь Ко, 1958: 沈括. 新校正夢溪筆談 / 胡道靜校注. 北京 (Вновь выправленные «Записи бесед в Мэн-си» / Сверка и комментарии Ху Дао-цзина). Пекин, 1958.

“DONG JING MENG HUA LU”: THE IMPERIAL WAY

Igor A. ALIMOV

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. Russian Academy of Sciences

The article focuses on the unique 12th c. Chinese text “Dong jing meng hua lu” by Meng Yuan-lao — an unparalleled written source in Chinese history providing comprehensive information on urban life during the Northern Song period. It constitutes the sixth publication in a series of works dedicated to “Dong jing meng hua lu”, and includes a complete annotated translation of the sections “The Imperial Way”, “Oversight offices, Government agencies, Palaces, and Structures in front of the Xuandelou”, and “Streets and Alleys outside the Zhuquemen”.

Key words: China in the 10-13th centuries, Song era, Chinese city, Meng Yuan-lao, “Dong jing meng hua lu”.

About the author: **Igor A. ALIMOV**, Dr. Sci. (History), Head of East and South-East Asia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (Igor.Alimov@kunstkamera.ru). ORCID: 0000-0002-32358459.

К. А. БЕКЕТОВ, А. Б. ГРИШИН
Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Н. К. БЕКЕТОВА
Санкт-Петербургский Союз художников

Ли Чжуанчжи
Шэньчжэньский университет (КНР)

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ НА ПОЛОТНАХ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ НА ВЫСТАВКЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЧАНЧУНЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ

В статье рассматриваются важнейшие аспекты сотрудничества России с Китаем на базе межкультурного взаимодействия в сфере защиты общих ценностей, основанных на совместной борьбе во Второй мировой войне, передачи, посредством изобразительного искусства, образов и символов дружбы и единства советского и китайского народов, современной молодежи и поколениям будущего. Дан анализ художественной и технической составляющих картин, вошедших в экспозицию юбилейной выставки Чанчуньского государственного художественного музея.

Ключевые слова: 80-летие Победы, Санкт-Петербургский Союз художников, изобразительное искусство, межкультурные коммуникации, художественные выставки, провинция Цзилинь, Китай.

Об авторах:

БЕКЕТОВ Константин Анатольевич, руководитель отдела по работе с иностранными студентами Санкт-Петербургской академии художеств им. Ильи Репина (Россия, Санкт-Петербург), профессор Северо-Западного университета национальностей (КНР, Ланьчжоу), профессор Северо-китайского университета (КНР, Цзилинь) (k@bk.ru).

БЕКЕТОВА Наталья Константиновна, член Санкт-Петербургского Союза художников (Россия, Санкт-Петербург) (artru@bk.ru).

ГРИШИН Александр Борисович, доцент кафедры рисунка Санкт-Петербургской академии художеств им. Ильи Репина (Россия, Санкт-Петербург), профессор Северо-Восточного педагогического университета (КНР, Чанчунь) (grabor@list.ru).

Ли Чжуанчжи, профессор Шэньчжэньского университета, (КНР, Шэньчжэнь) (13825259444@163.com).

© Бекетов К. А., 2026
© Бекетова Н. К., 2026
© Гришин А.Б., 2026
© Ли Чжуанчжи, 2026

В августе 2025 г. делегация Санкт-Петербургского Союза художников в рамках сотрудничества с Ассоциацией китайских художников побывала в административном центре провинции Цзилинь г. Чанчунь. В творческой программе художников значилось множество совместных мероприятий, включая пленэр, вы-

ставку, конкурсную программу для живописцев, встречи с художественным сообществом провинции, чтение лекций и мастер-классы в Северо-Восточном педагогическом университете и в Северо-китайском университете Бэйхуа. Особое внимание, в череде традиционных культурных опций подобных обменов, вы-

звало участие делегации Санкт Петербургского Союза художников в открытии после реставрационных работ мемориального комплекса, посвященного памяти советских летчиков, погибших в боях с Японией на территории Китая [Бекетов, 2025].

В центре Народной площади города Чанчунь по проекту М. А. Багича в ноябре 1945 г. был открыт монумент «Мемориальная башня советским воинам-героям». На вершине 28-метровой стелы установлена модель бомбардировщика в натуральную величину, а на памятной доске, прикрепленной к стеле, выгравированы имена 21-го советского летчика, погибшего в небе над Северным Китаем.

Китайские друзья помнят роль нашей страны в помощи, оказанной Китаю во время Второй мировой войны, и глубоко чтят подвиг погибших за нашу общую Победу. По данным китайских военных историков, на территории 68 городов и населенных пунктах Китайской Народной Республики установлено более 100 мемориальных объектов, включая памятники советским воинам, монументы, мемориальные кладбища, на которых захоронены останки более 5400 советских военнослужащих.

По завершении торжественного открытия реконструированного комплекса «Мемориальная башня советским воинам-героям» первый секретарь КПК провинции Цзилинь Хуан Цянь предложил организовать в Чанчуньском государственном художественном музее выставку изобразительного искусства, посвященную 80-летию Великой Победы. Учитывая, что 2025 г. — перекрестный год культуры Китая и России, экспозицию выставки было решено создать из произведений русских и китайских художников.

Коммуникациям между китайским и российским художественными сообществами без малого уже сто лет. Все началось с художественных обменов Китая и СССР в 1930-х годах. В 1934 г. Сюй Бэйхун организовал первую «Выставку китайской живописи» в Москве, а затем в Ленинграде, положив начало вхождению современного китайского искусства в советскую художественную среду. В 1936 г. Лу Синь представил в Китае на «Выставке совет-

ской гравюры» в Нанкине и Шанхае произведения советских авторов [Сюй, 2023].

С начала 50-х годов прошлого столетия, фактически сразу после образования Китайской Народной Республики, начались широкие обмены между СССР и КНР в области культуры и образования. В китайских университетах начали преподавать советские профессора, а в художественных вузах Советского Союза стали обучать академическому искусству китайских студентов, которые в последующем, вернувшись на родину, достигли вершин в области изобразительного искусства и на педагогическом поприще [Базанов, 2023].

За прошедшее столетие в отношениях между нашими странами были периоды расцвета и охлаждения межкультурных коммуникаций в политической сфере и в области культуры. Вместе с тем последние три десятилетия, благодаря позитивной тенденции укрепления взаимоотношений между двумя соседними державами, вектор развития сотрудничества имеет четко выраженное положительное направление.

В соответствии с поручением г-на Хуан Цяня вся работа по организации выставки изобразительного искусства, посвященной 80-летию Победы была выполнена в срок, все участники с китайской и с российской стороны отработали быстро и слаженно: за месяц в Чанчунь было доставлено 5 картин из России и 160 картин китайских и русских художников из фондов китайских музеев. В итоге экспозицию составили 165 живописных и графических полотен, выполненных в разных техниках [Бекетов, 2025].

Среди работ посетителями музея особо отмечались картины Сюй Бэйхуна, Ван Сяомина, Александра Тыщенко, Антона Мелентьева, Сергея Данчева, Андрея Базанова и Александра Новосёлова.

Одна из интереснейших работ, представленных в стенах музея — работа Сюй Бэйхуна «Несущийся конь», выполненная в технике живописи *гохуа*. Сюй Бэйхуна можно назвать человеком-эпохой, учитывая его заслуги в традиционной китайской живописи и подвижничество в области мирового изобразительного искусства.

Рис. 1. Сюй Бэйхун. «Несущийся конь», 1940

Фигура коня в традиционной живописи тушью не просто значимый символ современного китайского искусства, но и визуальная метафора национального духа в годы войны против японских захватчиков (1937–1945). Образ коня в китайском эпосе воплощает коллективную волю армии и народа к сопротивлению. В этой работе отражается эволюция образа от элегантного реализма к пламенной символике «Несущегося коня»: шея натянута тетивой, копыта тяжелы, будто выкованы из бронзы, а контур, очерченный жесткой «цементной» (цзяомо) тушью, передает непоколебимость воинского духа. Смысловое прочтение полотна следует рассматривать не столько с позиции анализа техники туши, сколько в погружении в

историческую реальность военных лет. И тогда зритель может увидеть потенциал интеграции искусства в масштабные исторические нарративы, открывая для себя новые измерения в живописи.

Представленная на международной выставке «К 80-летию Победы» работа китайского живописца Ван Сяомина «Мое сердце не угагло» выполнена в технике масляной живописи на холсте. Содержание произведения отражает сцену прощания с матерью и семьей воина, готовящегося к битве в Сопротивлении. В глазах бойца читается непреклонная воля: перед выбором между «большой семьей» (Родиной) и «малой семьей» он без колебаний избирает первое. Мать, исполненная горечью разлуки, тем не менее, устремляет взор в том же направлении, что и сын. Лаконично построенная композиция раскрывает грандиозную тему — несгибаемую и неодолимую волю народа.

Художник Ван Сяомин не только достиг выдающихся высот в живописи, он также широко известен как режиссер и сценарист в провинции Цзилинь. Им созданы кинокартины, постановки жанра *цзицзюй*, драматические спектакли и культурные гала-вечера, отмеченные престижными национальными и региональ-

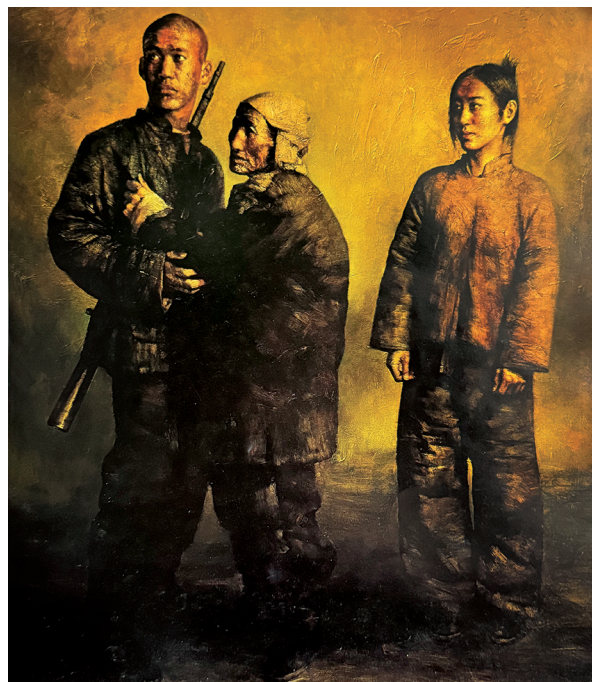

Рис. 2. Ван Сяомин. «Мое сердце не угагло»

ными премиями. Его ранние произведения удостоились высокой оценки известного российского режиссера и сценариста Константина Максимова, когда в свое время они были представлены на выставке в Советском Союзе.

Антон Мелентьев к теме о Великой Отечественной войне шел довольно долго, понимая, что написать картину о войне — это очень ответственный шаг, и браться за эту работу, не разобравшись, что в реальности происходило, для художника было неприемлемо. Трагические события войны коснулись каждой семьи в нашей стране. Несмотря на то, что художник не имел возможности узнать о войне от фронтовиков, участников боев, ему очень многое рассказывала о войне бабушка. Сама бабушка была ребенком, когда началась война, но она узнала о ней от непосредственных участников — своего отца и деда.

Когда у А. Мелентьева возникла идея написать выпускную квалификационную работу на военную тему, он довольно долго сомневался, — сможет ли справиться, удастся ли добиться искренности. Однако руководитель

мастерской Санкт-Петербургской академии художеств С. Н. Репин рассеял его колебания и предложил работать именно в этом направлении. В итоге, А. Мелентьев два года писал картину, собирая материал, пересматривая много документальных и художественных фильмов, читал великие произведения Виктора Некрасова, Виктора Астафьева, Василя Быкова, Бориса Васильева.

Художник сделал очень большое количество эскизов разных вариантов и, наконец, в беседе с С. Н. Репиным они остановили выбор на одном эскизе с изображением Сталинградской битвы, а именно — переправы через Волгу, сыгравшей важную роль в величайшем сражении. А. Мелентьева привлекла динамика сюжета. Необходимо было, создав образы, выстроить пластическую форму в пространстве. Для этой цели художник вылепил из пластилина всех своих героев, лодки, боевые машины, вооружение. Таким образом, перед автором возникла в миниатюре объемная картина одного из эпизодов Сталинградского сражения. Он представил этот вселенский хаос со стрельбой,

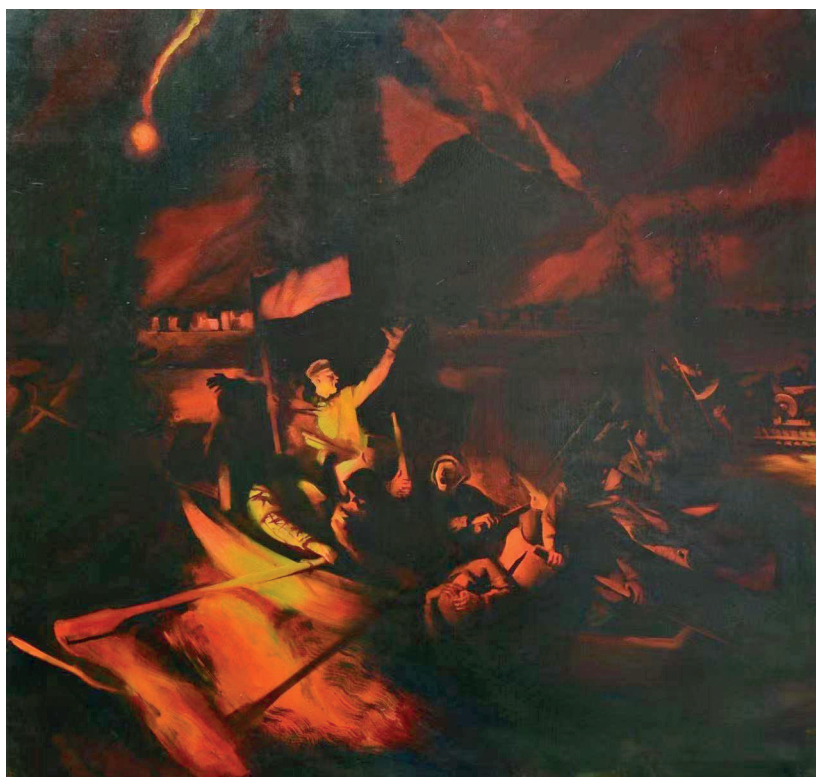

Рис 3. Антон Мелентьев. «Переправа»

разрывами снарядов, криками людей, осветительными ракетами в кромешной темноте — в голове художника родился образ с деталями и решением замысла, который он обдумывал многие месяцы и в конечном итоге мастерски, убедительно изобразил на полотне.

Для раскрытия композиции, усиления визуального динамичного решения автор выбрал квадратную форму холста (270×280) (Рис. 3). Центральной фигурой картины на переднем плане является ярко подсвеченный вспышкой сигнальной ракеты офицер, поднявший вверх руку, призывая бойцов начать переправу. Светлые пятна на холсте образуют диагональ, вдоль которой скользит взгляд зрителя от левого угла бликующей от вспышки ракетницы воды и далее, переходя на лодку, на гребца, затем — на командира подразделения, и уже от его руки — в направлении падающего самолета. Здесь все объекты и персонажи подчинены оптической особенности работы человеческого зрения — снизу–вверх и слева–направо. И это придает картине целостность и выразительность.

Для Александра Тыщенко Великая Отечественная война является частью истории семьи. Четверо братьев его бабушки — его деды, ушли на фронт. Вернулся только один.

Ильин Иван Трофимович, стрелок 215 стрелковой дивизии, погиб под Ржевом. Ильин Пётр Трофимович, лейтенант 716 стрелкового полка 157 дивизии, награжден медалью «За оборону Сталинграда» посмертно. Ильин Павел Трофимович пропал без вести. Ильин Александр Трофимович, начальник направления связи 120-го стрелкового полка, получил тяжелое ранение, награжден орденом Красной звезды.

Будучи еще студентом 4-го курса Санкт-Петербургской академии художеств, Александр решил, что он обязан откликнуться на эту историю и писать правду о том, что ему хорошо известно и понятно. Выбрав военную тему для дипломной работы, он погрузился в тщательные и глубокие изыскания фактов о Великой Отечественной войне.

На картине стоят воины: четверо братьев — прототипы его дедов, еще живые. Сложная, многофигурная композиция. Собирая материал, художник накопил много всяческого

реквизита, который мог бы быть использован в работе, приобрел военную форму старого образца, другие принадлежности солдатских будней. Важнейшей задачей было найти типажи современников, похожих на людей сороковых годов. По мнению художника сейчас люди другие, «...у нынешних людей иные лица. Может быть грубо сказано, но они какие-то сытые, а мне нужны были типажи именно того времени, времени войны. Поэтому долго искал людей, писал эскизы, собирал материал» [Тыщенко, 2026].

Отец Александра, имея внешнее сходство с дедом, тоже позировал художнику, помогая в создании значимой для семьи картины. Живописцем было написано более тридцати эскизных портретов, не считая сотен набросков и зарисовок мельчайших деталей: как рука держит пилотку, как надета скатка шинели, как солдатский вещь-мешок висит за спиной. Художник прорабатывает каждое движение: наклон или поворот головы, устремление взгляда. Все имеет свое значение, во всем есть смысл и правдивый рассказ о конкретном эпизоде войны. На последних этапах создания картины художник собрал все в целостную композицию — проникновенную, насыщенную трагическим реализмом.

Александр Тыщенко работал над картиной около трех лет. Кроме поиска персонажей он много раз выезжал на пленэры, на «натуру» в Псковскую область, по его выражению — «Пописать земельку», собирал документальные архивные материалы, знакомился с видео- и фотоматериалами.

Картина «Память» (Рис 4) выполнена по всем правилам изобразительного искусства. Здесь соблюдены все тонкости компоновки по пятнам, четко выражен ритмический ряд, разделенный визуальными паузами, переходы в тональности изображения усиливают эмоциональный эффект момента погребения бойца. Содержательная часть буквально оглушает мощным контрастом светлого с темным, почти черным цветом реки и дыма над рекой, дыма в отражении реки. Автор высокопрофессионально и правдиво отобразил выразительную скорбь на ликах воинов, приклонивших головы. Их взор опускается диагональю к могиле,

Рис. 4. Александр Тыщенко. «Память»

а от нее, зеркально отражаясь, устремляется диагональю по направлению взгляда бойца, стоящего слева, к небесному просвету среди гари, копоти и дыма недавнего боя, к другому берегу — дальнейшему трудному, опасному, но неизбежному пути к победе, из которого не всем доведется вернуться.

К теме войны Андрей Базанов обращался на протяжении всего своего творчества: это были курсовые композиционные работы и дипломная картина, выполненная в мастерской А. А. Мыльниковца «Форсирование Днепра». Однако со временем художник начинает острее осознавать, что самые правдивые картины — это те, сюжеты которых взяты из его собственной жизни, те мгновения, которые он лично видел, пережил, прочувствовал.

Живописные полотна, представленные на выставке в Чанчуне, посвящены отцу художника, послевоенному времени, когда поколение воинов-ветеранов ответственность за защиту Родины передали следующему поколению, своим сыновьям. Это новая история страны о молодых людях, начавших свой путь в аэроклубах в то время, когда еще не окончилась война, а затем ставших курсантами Сталинградского

высшего авиационного училища, посвятившими свою жизнь небу. Защите мирного неба страны.

История каждой семьи является историей всей страны. Практически в каждой советской семье были участники Великой Отечественной войны — и погибшие, и раненые. Оба деда Андрея Базанова — Иван Базанов и Иван Исаков ветераны войны, причем Иван Базанов воевал еще в Первую мировую войну.

Все детство художника прошло в среде летного офицерского состава на аэродромах и в военных городках от Саратова до северного поселка Амдерма. Из раннего детства А. Базанов помнит, как бегал с братом по аэродрому, когда отец был на дежурстве. Николай Иванович рассказывал сыновьям о службе, о своей курсантской молодости, о том, как осваивал новые типы самолетов. Детям даже удавалось посидеть в ангарах за штурвалом в кабинах боевых машин Як-18, Як-25 и МиГ-15, которые пилотировал отец. Все офицерские дети выезжали с отцами на отдых на рыбалку, в леса за грибами, играли в футбол, в волейбол, общались друг с другом, слушали разговоры старших, проникались чувством патриотиз-

Рис. 5. Андрей Базанов. «Молодые курсанты СВАУЛ. Новосибирск. 1949»

ма не назиданием, а вдохновлялись примерами любви к Родине среди близких людей. В подразделениях служили люди разных национальностей — армяне, белорусы, представители других этносов. В коллективе всегда присутствовал дух товарищества. У всех была одна Родина — СССР.

Портрет отца «Портрет командира 1-ой эскадрильи 611-го ИАП ВВС подполковника Базанова» (Рис. 7) художник писал с натуры, когда тот был уже на пенсии. Это работа выполнена при жизни отца. Видно, что человек в шлемофоне далеко не молод, но черты лица, эмоции убеждают нас в том, что перед нами личность настоящего защитника Отечества.

Позднее, разбирая архивы Николая Ивановича, А. Базанов нашел фотографии, рисунки аэродромной жизни, являющиеся, по сути, «ощущением очевидца». Используя наброски отца в качестве документального материала для своих композиций, художник добивался максимальной подлинности изображаемых сюжетов. Работая над картиной, посвященной первому поколению послевоенных офицеров, молодым летчикам, вставшим на охрану неба большой страны, у автора возникали новые идеи, и в последующем была создана целая серия картин, часть из которых вошла в экспо-

зицию рассматриваемой выставки. Весьма образно, хотя на первый взгляд может показаться несколько фотографично, положение персонажей в картине «Молодые курсанты СВАУЛ» (Рис. 5). Однако в этом и есть задумка автора: перед нами словно стоп-кадр киноплёнки ушедшей эпохи. Эпохи настоящих героев.

Обязательным элементом тренировок и учений военных летчиков были не только прыжки с парашютом, но и отработка катапультирования, элемента сложного и весьма травмоопасного. На картине «Портрет майора ВВС СССР Н. Базанова. Поселок Амдерма». (Рис. 6) художник изобразил эпизод в конечной фазе благополучно приземления, когда пилоты, только что испытав сильнейшие физические перегрузки, преодолевая мощное давление ветра, пытаются погасить купол парашюта.

Картины А. Базанова — эта правда жизни, представленная в художественно-историческом произведении живописца, прошедшего часть своего пути рядом с отцом, офицером, и создавшего образ человека, добросовестно служившего Родине, охранявшего небо, давшего присягу Родине и не изменившего ей. Это и история, и напутствие, и, конечно, искусство. Искусство, которое поражает своей искренностью и мастерством исполнения.

Рис. 6. Андрей Базанов. «Портрет майора ВВС СССР Н. Базанова. Поселок Амдерма»

Рис. 7. Андрей Базанов. «Портрет командира 1-й эскадрильи 611-го ИАП ВВС подполковника Николая Базанова»

Приоритетом в живописи Сергея Данчева была и остается природа. Пленэрная работа художника не уступает по продолжительности его работе в мастерской. Художник много путешествует, акцентируя внимание на русских ландшафтах, архитектурных памятниках уходящего времени, оставляя нам свои произведения как результаты художественного творчества, как знаки исторической памяти.

Молодые художники Санкт-Петербурга начали подготовку к выставке, посвященной юбилею знаменательного события, в 2014 г., в канун 70-летия Великой Победы. Участники проекта объединили усилия с целью показать отношения современников к понятию войны и патриотизма, донести не отпускающую горечь потерь, принесенных войной в каждую семью нашей страны [Грачёва, 2019]. Среди живописцев, откликнувшихся на тему Великой Отечественной войны, был Сергей Данчев. Успех экспозиции, представленной в мае 2015 г. в Большом зале Санкт-Петербургского Союза художников, вызвал интерес со стороны художественного сообщества не только нашего города. Из Санкт-Петербурга экспозиция переехала в Москву, затем

в Пекин и другие города Китая. Спустя десятилетие Сергей Данчев своими работами вновь участвует в российско-китайском проекте в память о победе советского и китайского народов во Второй мировой войне.

Замысел картины «На военной земле» (Рис. 8) у художника зародился в те дни, когда он на пленэре писал ветхие, полуразрушенные временем и войной православные храмы центральной России. В мастерской художника и в коллекциях его почитателей к этому времени набралось достаточно большое количество работ с изображениями храмов и их интерьеров, монастырей и насельников христианских обителей. Это значительно сократило период сбора материала, но все же работа над композицией потребовала достаточно много усилий и времени для формирования сюжета, тщательной проработки деталей, компоновки пятен и, наконец, живописного воплощения идеи на холсте. Монохромность изображения усиливает (концентрирует) восприятие зрителя на эпизоде недавно закончившегося боя со следами разрушений кровли, осколков снарядов и пуль на закопченных стенах храма. Вместе с тем художник запечатлел сцену, когда подразделения наших бойцов, освободив очередной рубеж обороны противника, потеснили его далеко за горизонт и продолжили наступление. И первое гнетущее впечатление от чудовищных воронок и от глубоких уродливых следов гусениц поверженного вражеского танка перебивается ощущением воцарившейся тишины в момент, когда свежеевыпавший снег припорошил раны земли, а священник благословляет воина на продолжение похода против врага. В это же время отряд бойцов на плане слева движется на запад, изгоняя фашистов за пределы истерзанной Родины.

Для семьи Сергея Александровича Данчева эхо войны звучит и по сей день. Его родной брат Роман Данчев был мобилизован осенью 2022 г. и призван в одно из подразделений инженерно-саперных войск, дислоцировавшихся в пригороде Бахмута в Донецкой Народной Республике. В июне 2023 г., в составе группы саперов, Роман был направлен на выполнение боевой задачи вблизи н. п. Клещеевки, с целью

Рис. 8. Сергей Данчев. «На военной земле»

обнаружения мин на дороге, ведущей к населенному пункту, и обеспечения безопасного прохода для штурмовых подразделений. Выполняя задачу, на подходе к окраине села группа была обнаружена противником и атакована минометным огнем. Участник сражения Андрей Жихарев вспоминает, как Роман спас его ценой собственной жизни: «Один сослуживец получил осколочные ранения. Бросившись к нему на подмогу, Роман попытался оказать первую помощь, но ранения оказались несовместимыми с жизнью. Тогда рядовой Данчев подполз к Андрею и столкнул его с открытого участка проезжей части на обочину, перевалив за кромку дорожного полотна в дренажную канавку. В этот момент точно в том месте, где только что лежал Андрей, разорвался артиллерийский снаряд. Разлетевшиеся во все стороны осколки не достали скрытого за кромкой придорожного бруствера бойца, но нанесли смер-

тельное ранение Роману...» [Жихарев, 2023]. За самоотверженность, проявленную при выполнении боевой задачи, рядовой Роман Александрович Данчев был награжден Орденом Мужества посмертно.

На картине Александра Новосёлова «Победа» (Рис. 9) запечатлена финальная часть штурма Рейхстага. Победители ликуют на фоне флага Победы и символов разгромленной фашистской империи. Композиция многофигурная, сложная: кто-то радостно воздел руки с оружием, кто-то охвачен горем утраты близких товарищей в последнем бою. А кто-то, пройдя адовы испытания, выжег в душе все чувства, оставив в ней зияющую эмоциональную пустоту. Каждый лик на картине отражает конкретные чувства отдельного человека, которые автор мастерски объединяет в единый замысел, концентрируя множество сходств пространств полотна к алому акценту — знамени Победы, погружая зрителя в момент настроения народа-победителя.

Монументальное полотно, во всех смыслах этого слова, написано в классическом стиле, в традиционных для темы Великой Отечественной войны цветах и использованием живописных приемов, характерных для мастерской А. А. Мыльникова. Сюжет выстроен с помощью движения самых светлых и контрастных по цвету красных пятен, являющихся акцентом, а также условно композиционно созданному перекрестью и треугольнику внутри картины. Все это динамически сопровождается сложным чередованием света и тени, создавая разнонаправленные линии, ведущие к центру сюжета, а именно к одному из персонажей, который возносит руки вверх. Именно на этой фигуре сосредоточен автором один из основных акцентов.

Картина «Победа» большого формата — 450×370 см. написана в 2014 г. Художник работал над произведением более трех лет, будучи в творческой мастерской А. А. Мыльникова. И в этом же году она впервые экспонировалась на ежегодной выставке, посвященной Великой Победе в Санкт-Петербургском Союзе художников.

Тема автором выбрана самостоятельно и не случайно. Александр Новосёлов родился и вы-

рос в семье, где помнят Великую Отечественную войну и чтят память о девяти близких родственниках — русских воинов, не вернувшихся с фронта. И потому для молодого художника было важным написать картину, посвященную победителям, передать свою любовь родным, погибшим и выжившим на войне. Передать весть о Победе тем, кто шел к ней, но не дождался до нее.

На картине двое бойцов стоят на плечах своих однополчан и расписываются на стене Рейхстага. Это одна из сюжетных линий картины, которая показывает сплоченность русских людей в бою и в Победе. Один из солдат пишет свое имя Оленев; это реальный образ деда Александра Новосёлова — Евгения Ивановича Оленева, дошедшего до Берлина и расписавшегося на Рейхстаге. Правее от центра картины, перед колонной, художник изобразил молодую женщину в синем берете — свою бабушку, капитана медслужбы Екатерину Викторовну Бубенчикову, в период Великой Отечественной войны проходившую службу в уральском госпитале. За ее спиной брат героини, командир пулеметной роты Виктор Викторович Бубенчиков, двадцатилетним парнем погибший в Польше в январе 1945 г. при взятии Бреслау. Справа от нее муж, военврач, старший лейтенант медицинской службы Аркадий Павлович Новосёлов, погибший 26 марта 1944 г. и захороненный на территории Эстонии. Среди победителей автор также запечатлел образы своих родственников, пропавших без вести — Комисарова Валентина Васильевича, Уточкина Михаила Ильича, а также вернувшегося с фронта Филиппа Викторовича Бубенщикова, водителя грузовика на ледовой трассе «Дороги Жизни», получившего тяжелое ранение под Данцигом; подполковника Дмитрия Викторовича Бубенщикова, кавалера Ордена Ленина, освобождавшего Сталинград.

Художником была проделана большая работа. А. Новосёлов активно использовал маленький формат для эскиза, где пятна передвигались по плоскости в поисках ритмической основы. Необходимо было скомпоновать фигуры таким образом, чтобы все приводило к центру и одновременно чтобы все замыка-

Рис. 9. Александр Новосёлов. «Победа»

лось тонально, т. е., надо было сформировать тонально-ритмический алгоритм. Кроме того, была идея создать два центра. На переднем плане — боец-победитель. Далее, на втором плане — воины, пишущие на стене Рейхстага.

При формировании композиционного пространства художник обратился к Рубенсу, у которого изображения большинства картин подчинены ритмическому построению символа «V», который может быть обычным или перевернутым. У А. Новосёлова вся ритмическая основа «Победы» направляется к центру, но не плавно, а дискретно. Движение от светлых к темным пятнам происходит не прямолинейно,

а зигзагами, с учетом движения человеческого глаза зигзагообразно слева–направо и снизу–вверх. Обращаясь к классике, Александр Новосёлов использует ритм и контрритм: движение и остановка, снова движение и остановка, таким образом, взгляд переходит от персонажа к объекту и далее, не теряя концентрации, формирует тем самым у зрителя целостный образ изображения, собранный из множества отдельных разноплановых сюжетов, связанных одним замыслом — Победа! Победа — она одна на всех, и своя у каждого. Это радость и боль утраты, ликование и печаль, веселье и опустошение.

В итоге экспозицию выставки, посвященной 80-летию Великой Победы, прошедшей в Чанчуньском государственном художественном музее, составили 165 живописных и графических полотен, выполненных в разных техниках китайскими и русскими художниками. Выставка стала важным актом межкультурного взаимодействия и сотрудничества Китая и России в сфере защиты общих ценностей, основанных на совместной борьбе китайского и советского народов во Второй мировой войне. На полотнах российских участников выставки — Александра Тыщенко, Антона Мелентьева, Сергея Данчева, Андрея Базанова и Алек-

сандра Новосёлова отображены все эмоции народа-победителя.

В Китае и в России хранят историческую правду о Второй мировой войне, ее участниках, победителях и проигравших. Изобразительное искусство остается мощным инструментом мировой культуры. Выставка, прошедшая в Чанчуне, продемонстрировала возможность передачи посредством изобразительного искусства образов и символов дружбы и единства наших народов, она стала Победой современного художника, переданной другим поколениям от дедов-победителей к внукам — молодежи XXI в.

Источники

А. Жихарев 2023 — Интервью участника событий.

Тыщенко 2026 — Интервью художника.

Использованная литература

Бекетов, 2025: Бекетов К. А., Бекетова Н. К., Ли Чжуанчжи. Анализ поступательного развития российско-китайского сотрудничества в художественной сфере // MONGOLICA. 2025. Т. XXVIII. № 4. С. 41–52.

Сюй, 2023: Сюй Бэйхун. 陈都.徐悲鸿与中苏美术交流 — 兼论苏联美术界对中国画的理解.美术 (Художественный обмен между Китаем и СССР — с примечаниями о понимании китайской живописи художественными кругами Советского Союза). № 6. Meishu, 2023. С. 15–24.

Базанов, 2023: Базанов А. Н., Бекетов К. А., Бекетова Н. К., Гришин А. Б. Опыт перспективного конструирования межкультурных коммуникаций. Отчет о работе в провинции Гуандун (КНР) в июне 2023 г. // MONGOLICA. 2023. Т. XXVI. № 4. С. 74–80.

Грачёва 2019: Грачёва С. М. Современное петербургское академическое изобразительное искусство. Традиции, состояние и тренды развития. М., 2019.

IMAGES OF WAR ON CANVASES BY RUSSIAN AND CHINESE ARTISTS AT THE EXHIBITION OF FINE ART AT THE CHANGCHUN STATE ART MUSEUM

Konstantin A. БЕКЕТОВ, Alexander B. GRISHIN

St. Petersburg Ilya Repin Academy of Fine Arts

Natalya K. БЕКЕТОВА

St. Petersburg Union of Artists

Li Zhuangzhi

Shenzhen University

The article discusses the most important aspects of cooperation with China on the basis of intercultural interaction in the field of protecting common values, based on the joint struggle against German fascism and Japanese militarism, the transfer, through fine art, of images and symbols of friendship and unity of the Soviet and Chinese peoples to both modern youth and generations of the future. An analysis of the artistic and technical components of the paintings included in the exposition of the anniversary exhibition of the Changchun State Art Museum is given.

Key words: 80th anniversary of the Victory, St. Petersburg Union of Artists, fine arts, intercultural communications, art exhibitions, Jilin Province, China.

About the authors:

Konstantin A. БЕКЕТОВ, Head of the Department for Work with Foreign Students of the St. Petersburg Ilya Repin Academy of Fine Arts; Advisor to the Chairman of the St. Petersburg Union of Artists (St. Petersburg, Russian Federation). Professor Northwestern University of Nationalities (Lanzhou, China); Professor, North China University (Xilin, China) (k@bk.ru).

Natalya K. БЕКЕТОВА, Assistant-trainee of the monumental workshop of the St. Petersburg Ilya Repin Academy of Fine Arts; Member of the Union of Artists (St. Petersburg, Russian Federation) (artru@bk.ru).

Alexander B. GRISHIN, Associate Professor of the St. Petersburg Ilya Repin Academy of Fine Arts. Deputy Chairman of the St. Petersburg Union of Artists (St. Petersburg, Russian Federation). Professor of Shenzhen University (Changchun, China) (gabor@list.ru).

Li Zhuangzhi, Professor at Shenzhen University (Shenzhen, China) (13825259444@163.com).

Т. А. КУБАНОВА
Государственный Русский музей

ФЕНОМЕН «СИБИРСКОГО СТИЛЯ» В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СИБИРИ (1920–2020-е годы)

В статье рассматривается Сибирь как уникальный полиэтничный, географический ареал и природный ландшафт, обусловивший формирование самобытных художественных практик. На основе историко-культурного анализа освещается процесс институционализации «сибирского стиля» в течение столетия XX–XXI вв., участие Института народов Севера в Ленинграде и Государственного Русского музея в развитии и популяризации феномена «сибирского стиля», освещаются программно-теоретические установки художников и искусствоведов, определивших вектор развития регионального изобразительного искусства. Исследуется влияние мифотворчества на формирование неопримитивизма, трансформация традиционных орнаментальных практик и формирование авторских художественных систем. Статья посвящена 100-летию со дня рождения исследователям культуры Дальнего Востока Ю. А. и Л. И. Сем.

Ключевые слова: Государственный Русский музей, Институт народов Севера, миф, неопримитивизм, сибирский стиль, традиционное искусство, этнокультурная идентичность.

Об авторе: КУБАНОВА Татьяна Андреевна, доктор культурологии, ведущий специалист по научно-просветительской работе Центра искусства и технологий Государственного Русского музея, (Россия, Санкт-Петербург) (tatiana_kub@mail.ru).

Благодарность: Автор выражает благодарность за техническую поддержку в оформлении статьи инженеру 1-й категории Центра искусства и технологий Государственного Русского музея Татьяне Игоревне Шутиковой.

© Кубанова Т. А., 2026

Сибирь представляет собой один из крупнейших и наиболее полиэтничных регионов Российской Федерации. Этнический ландшафт территории характеризуется присутствием групп, относящихся к нескольким языковым семьям и антропологическим типам: тунгусо-маньчжуры (эвенки, эвены, нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи, ороки), финно-угры (ханты, манси), тюркские народы (шорцы, долганы, тувинцы-тоджинцы, теленгиты, сойоты, кумандинцы, телеуты, тубалары, челканцы, тофалары), а также палеоазиаты (чукчи, коряки, нивхи) и др. Как подтверждают исследования, в культуре современных народов региона наблюдается устойчивая ретенция традиционных форм хозяйствования, сохранение ключевых ценностных ориентаций, а в изобразительном искусстве вариативность основных стилевых канонов.

Интерес к необычному искусству традиционных мастеров Севера и Сибири на протяжении длительного времени привлекал внимание профессиональных художников и искусствоведов. Систематическое изучение художественных практик северян, получившее в дальнейшем определение «сибирский стиль», было инициировано в 1920-е годы в Ленинграде. В Институт народов Севера, созданный для подготовки первых административных кадров из числа коренных национальностей, прибыли молодые люди — вчерашние охотники, рыболовы, оленеводы. Наряду с освоением обязательных дисциплин, для них были организованы практические художественные лаборатории, включавшие занятия лепкой, рисунком и живописью. Преподавательский состав института отличался высокой концентрацией профессионалов: художники и педа-

гоги И. А. Соколов, Л. Р. Месс, А. В. Успенский, А. Т. Матвеев, искусствовед Н. Н. Пунин, этнографы В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. Н. Чернецов, а также писатель Г. С. Гор.

Ключевым событием, ознаменовавшим вхождение самобытного искусства народов Севера в контекст большого художественного процесса, стала выставка студентов Института народов Севера, организованная в 1929 г. в Михайловском дворце (Государственный Русский музей). Экспозиция, ставшая открытием ранее неизвестной художественной традиции, вызвала неподдельный интерес зрительской аудитории и профессионального сообщества. Куратор выставки, заведующий отделом новейшего искусства Русского музея Н. Н. Пунин, рассматривал обращение профессиональных художников к образам, манере и формальным приемам сибиряков как важнейший вектор преобразования изобразительного искусства. По его убеждению, именно этот синтез должен был сыграть новаторскую роль в современном художественном процессе [Искусство народностей Сибири, 1930]. Отдельные произведения, экспонировавшиеся на той выставке, в частности работы нен-

ца К. Панкова, по сей день составляют гордость коллекции Русского музея (Рис.1).

Параллельно, в 1927 г., в Сибири разворачивались процессы институционализации регионального искусства. Известный советский художник, основатель Иркутского художественного училища И. Л. Копылов на первом съезде художников-сибиряков выступил с программной инициативой формирования особого — сибирского — изобразительного искусства. В своем выступлении он провел историко-культурные параллели, указав на универсальность обращения искусства к «корням народного творчества» как к источнику возрождения. Копылов констатировал, что если европейские мастера, подобно П. Гогену, были вынуждены искать «девственную почву, первобытную свежесть» в экзотических странах (Таити, Африка), то в Сибири «под руками» находится богатейший пласт «первобытного, азиатского». Согласно его прогнозу, Сибирь могла стать новым центром развития большого искусства, сопоставимым с европейскими художественными центрами [Первый сибирский съезд художников, 1927. С. 215].

Рис. 1. Панков К. А. «Ловля птиц». 1936–1939. Бумага, гуашь. 67,8×86. Государственный Русский музей

Важнейшим фактором, детерминирующим специфику художественного творчества в регионе, является уникальная природа Сибири. Горы, степи, тундра, реки и озера отличаются величием, бескрайностью и ландшафтным разнообразием. Природа выступает в качестве одного из фундаментальных источников вдохновения для современных художников, часть из которых является уроженцами этих мест, другая приезжает в поисках «романтики» или новых художественных идей. Исторически эти территории являлись зоной кочевания многих коренных народов, и их современные потомки сохраняют традиционные виды деятельности: скотоводство, охоту, рыболовство, собирательство и земледелие.

Природный ландшафт предопределяет не только уклад хозяйствования, но и формирует специфическое мироощущение, а следовательно, и многообразие изобразительных стилей. В этой связи показательным личное наблюдение художника В. Сысоева, фиксирующее диалектику восприятия пространства: «На огромных просторах Хакасии, в степи я представляю себя древним человеком, едущим на олене или коне. Я вижу все, что вокруг меня: солнце, равнины и горы, которые их окружает. Я испытываю ликование! Но при близком приближении к горам меня охватывает тревога: а что скрыто там, неизвестное мне?» [ПМА, 2003]. Схожие чувства испытывает человек и в таежной зоне, где многообразие флоры и фауны, переплетение звуков и шорохов порождает состояние внутреннего беспокойства. В обоих случаях у человека возникает потребность в «одомашнивании» неизвестного, в конструировании собственного пространства, своего Дома. Художник, апеллируя к выразительным средствам, решает задачу преодоления хаоса природной стихии через создание упорядоченного художественного высказывания.

Основой культурно-исторической преемственности Сибири являются археологические памятники: петроглифы, оленные камни, курганы и др. На территории Зауралья выявлены древнейшие памятники материальной культуры, свидетельствующие о длительном обитании здесь племен, обладавших устойчивым

хозяйственным укладом и, в ряде случаев, раннегосударственными образованиями. Одним из наиболее репрезентативных объектов является памятник Тепсей, расположенный в Минусинской котловине (Республика Хакасия). Данный археологический комплекс получил широкую известность благодаря раскопкам могильников таштыкской культуры (II в. до н. э. — V в. н. э.), характеризующихся сложным погребальным обрядом и высокохудожественными антропоморфными масками. В Красноярском крае, на берегах Енисея, зафиксированы свидетельства носителей тагарской культуры (I тыс. до н. э.) — оседлых земледельцев и скотоводов, оставивших разветвленную сеть курганных некрополей. Многослойные наскальные изображения, относящиеся к разным хронологическим периодам и нередко перекрывающие друг друга, на протяжении длительного времени привлекали внимание специалистов, указывая на уникальный статус ритуальных центров Южной Сибири как точек «притяжения» для различных поколений и этнокультурных групп.

Принципиально важное значение для развития художественного языка искусства Сибири имели археологические открытия второй половины XX в. Раскопки Пазырыкских курганов в Горном Алтае (VI–III вв. до н. э.), осуществленные в 1960-х годах, не только обогатили научное знание о скифо-сибирском зверином стиле, но и предвосхитили активизацию мифологического мышления в культуре рубежа XX–XXI столетий, послужив новым импульсом для развития изобразительного искусства. Пазырыкская культура презентовала миру уникальный вариант сибирского звериного стиля, отличающийся сложной семантикой и высокой степенью художественной выразительности. Рефлексия этой традиции прослеживается в творчестве современных художников, в частности, в одноименной орнаментальной композиции И. Ортанулова, потомка древнего алтайского рода («Пазырык, 2002»). В его произведении фиксируется тонкое наблюдение за природой, сочетающее реалистическую достоверность в изображении животных с орнаментальной стилизацией; центральное место в

композиции занимает человек, выступающий в роли управителя одухотворенного мира, где каждый элемент наделен жизненной силой.

На рубеже XX–XXI вв. в российском изобразительном искусстве наблюдается обострение интереса к мифу и архаическим слоям культуры. Миф становится семантической доминантой художественного сознания. Данный феномен обусловлен комплексом социально-политических причин: утратой прежних общенациональных идеологем, девальвацией духовно-нравственных ориентиров в период социально-политических трансформаций, последовавших за распадом Советского Союза. В создавшейся ситуации художники обратились к малоизвестному миру этнических культур в поисках оснований для этнокультурной идентичности. В теоретическом дискурсе миф осмысливается как первичный язык, обладающий сакральной действенностью, как особый способ бытия человека в единстве со стабильным и справедливым миропорядком. Идеинная платформа современных исследований в этой области во многом опирается на концепции М. Элиаде, К. Леви-Стросса, Л. Леви-Брюля и их последователей, рассматривающих миф как динамично развивающееся явление, а ритуал — как механизм, «организующий поведение общества, придающий ему осмысленное существование» [Топорков, 2000. С. 45–46].

Мифотворчество коренных народов Сибири выступает для профессиональных художников не только объектом стилизации, но и способом поиска ответов на фундаментальные вопросы устройства Вселенной. Омский художник Н. Третьяков, участвуя в археологических экспедициях, обратился к культуре древних как к источнику решения общечеловеческих проблем и выявления архетипических структур. Его работа («Курящая женщина», 1967) отсылает зрителя к мифологическому первоначалу мира — акту творения, когда из пепла, курящей на небольшом островке Старухи, образовалась земля. В этом сюжете хаос уступает место упорядоченному, очищенному от случайного миру, где отсутствуют произвол и зло [Оненко, 2006. С. 158]. Художественный язык Н. Третьякова характеризуется плоскост-

ностью, напряженностью, ритмичностью и динамизмом, достигаемыми за счет использования разнонаправленных линий и контрастных цветовых сочетаний

Рубеж XX–XXI вв. в изобразительном искусстве Сибири ознаменовался новым этапом развития, получившим в искусствоведческой литературе определение «неопрIMITивизм». Мировая художественная практика уже знала примеры самородков из народа — А. Руссо, Н. Пирсони и др. Однако в сибирском контексте данный феномен приобретает специфические черты: многие современные художники являются непосредственными носителями культуры своего этноса либо обладают уникальной способностью естественного погружения в мифологический мир предков. В их мировоззрении материалу (камень, дерево, холст, лист) приписывается наличие души, что налагает на мастера особую ответственность — не нарушить целостность природного материала и смыслов, которые он в себе несет. В данном контексте традиционная культура наделяет мастера функциями, сродни оракулам, вещунам, шаманам, обладающим доступом к сакральному знанию. Художественная плоскость в таких произведениях не должна быть нарушена иллюзиями глубины или произвольной фантазией, сохраняя ритуальную достоверность.

Показательным примером такого подхода демонстрирует Л. Арбачакова, родившаяся в шорском селе Анзас в многодетной семье. В своих воспоминаниях она фиксирует ранние впечатления, связанные с верховой ездой, наблюдениями за весенними подснежниками и «яркими жарками, которые горели на фоне зеленой травы, как лучики солнца», а также песнями матери [ПМА, 1995]. Получив филологическое образование на шорском отделении Новокузнецкого педагогического института и защитив научную работу по шорскому фольклору, Л. Арбачакова сохраняет устойчивую связь с этнокультурной традицией, обращаясь в творчестве к фольклору, богатырским сказаниям и легендам. Стилистика произведений Л. Арбачаковой отличается особой темпоральной характеристикой: изображаемое зафик-

сировано в состоянии «момента творения», за внешней безмолвностью которого скрывается внутренняя сила духа и ценностные ориентиры человеческого бытия. Художницей выработан устойчивый изобразительный код, основанный на наблюдении за природой и культурным ландшафтом. Центральное место в ее иконографии занимает семантически многозначный мотив угла. Угол — это и юрта, и очаг, и стог, и деревья, и небесные птицы или рыбы, соединяющие небесный и водный миры, и даже изгородь, ограничивающая пространство человеческого жилья, а также сам человек. Угол трактуется как знак защиты и одновременно устремленности к небу. Другой ключевой знак — круг — символизирует солнце, покой, радость, тепло. Важнейшие для человеческого бытия смыслы в работах Л. Арбачаковой фиксируются при помощи теплой охры, становящейся доминантой цветового решения (Рис. 2).

Во второй половине XX — начале XXI вв. наблюдается трансформация традиционных орнаментальных практик и формирование авторских художественных систем. Одним из ярких примеров преемственности традицион-

ного орнаментального искусства, как носителя этнокультурной памяти в творчестве профессиональных художников, является творческая биография Л. Пассар, уроженки с. Найхин Найского района. Начало ее художественного пути было положено в семилетнем возрасте под руководством бабушки, обучившей ее технике вырезания орнаментов из бумаги. Впоследствии Л. Пассар получила профессиональное образование на художественно-графическом факультете Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. В ее творчестве тонкие, ажурные орнаменты, создаваемые из бересты и бумаги, демонстрируют виртуозное владение традиционными технологиями и вызывают неизменный интерес благодаря изяществу исполнения. Тематический диапазон ее работ связан с родовыми сказаниями нанайцев — в частности, с сюжетами о родах Мудур (Дракон) и Самар. Актуальность сохранения сакральной информации, транслируемой через орнаментальные композиции, подтверждается устойчивым почитанием в нанайской культуре прародителей — тигра, оленя, птиц, чьи образы закономерно вплетаются в родовые орнаментальные системы. Следует отметить, что в тра-

Рис. 2. Арбачакова Л. Н. «Мой дом». 1994. 48×58. Бумага, цветные мелки.
Из личной коллекции Кубановой Т. А.

диционной нанайской культуре орнамент из бересты изначально выполнял вспомогательную функцию, служа своеобразной «подложкой» для вышивки: берестяная основа обшивалась нитками, что позволяло придать изделию дополнительный объем. В современном искусстве народных и профессиональных мастеров орнамент обретает самостоятельное художественное значение; его создают из различных материалов — бумаги, бересты, рыбьей и оленьей кожи, что свидетельствует о трансформации утилитарной практики в самостоятельный вид изобразительного творчества.

Александр Гейкер родился в нанайском селе Симаси, в семье охотника. По окончании службы учился в городской художественной студии. В 1970-е годы он создает ряд самобытных гравюр. Среди них «Ледоход на Амуре». В его знаменитых произведениях человек сливается с Природой, находится в единстве с Амуром, Небом, Землей (Рис. 3).

Синтезом пространства и времени характеризуется мифопоэтическая система Г. Райшева. Художник Г. Райшев, уроженец Ханты-Мансийского автономного округа (Тюменская область), прошел длительный путь в профессию: филологический факультет Ленинградского педагогического института, параллельные занятия в изостудиях и натуральных классах Ленинградского

института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Творческий метод художника формировался на основе глубокого погружения в народную жизнь и мифологию хантов и манси. Признанием вклада мастера стало создание при его жизни в Тюмени Галереи-мастерской, где художник работал, выставлялся и где ныне ведется исследовательская работа по изучению его наследия. Цикл «Югорская легенда», созданный в 1980-е годы, репрезентирует авторскую концепцию пространственно-временного синтеза. По мысли художника, в процессе творчества он «одновременно движется в пространстве и во времени», последовательно актуализируя в сознании «первое пространство, второе, третье, четвертое», что приводит к размыванию границ между Землей, Водой и Небом. Художественный образ, согласно Г. Райшеву, рождается в точке «соприкосновения» с легендами, фантазией и бытовыми реалиями своего народа. «У меня нет деления на реальное, абстрактное, ибо я вижу: это все есть в различных градациях жизни» [Райшев, 1998. С. 19]. В его творчестве происходит постепенная аккумуляция смыслов, перерастающая в символические формы: весло трансформируется в Идола — защитника человека; кочка — в Бабу, охранительницу родовых территорий; ритуальная скульптура — в Шайтана, покровителя человека; рыба — в Не-

Рис. 3. Гейкер А. И. «Ледоход». Бумага, линогравюра. 1968. Музей изобразительных искусств (Комсомольск-на-Амуре)

весту, архетипический образ женщины-матери; Острохвост — в совершенный символ Мира (Рис. 4).

Значительный пласт художественного творчества народов Сибири связан с кочевым образом жизни, который исторически был характерен для бурят, якутов, эвенков, эвенов, хантов и манси. Кочевое скотоводство, сопряженное с постоянной миграцией в поисках пастбищ, сформировало особый культурный код, который может быть выражен формулой «все свое несущ с собой». Эта концептуальная установка нашла отражение в произведениях графиков, обращающихся к архетипическим и фольклорным образам. В работе бурятского художника Ш.-Ж. Ц. Раднаева это образ Бабушки, несущей колыбель с «солнечным ребенком» («Колыбель», 2003); якутский художник М. Старостин с теплым юмором повествует о доброй и справедливой Старушке Тэнэбэкэн («Старушка Тэнэбэкэн», 1997).

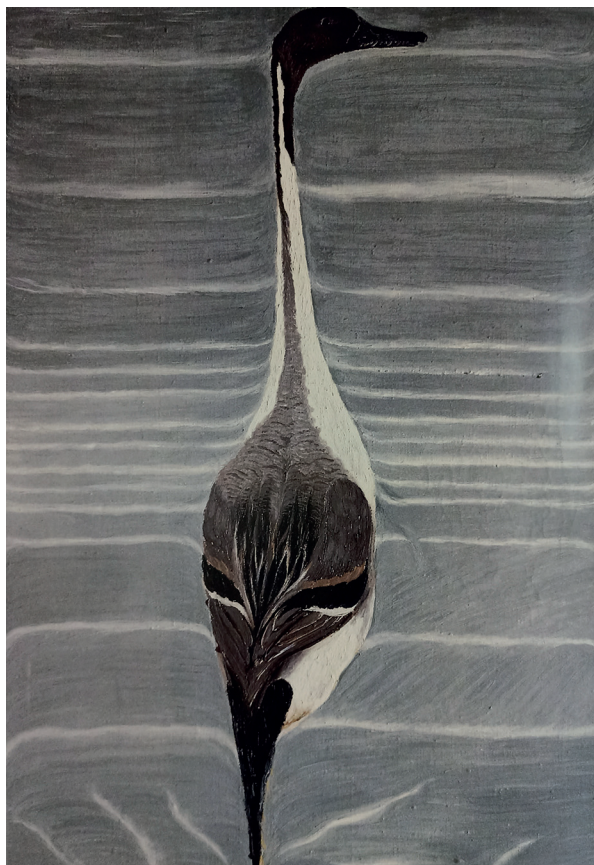

Рис. 4. Райшев Г. С. «Острохвост». 1976. Холст, масло. Галерея-мастерская Г. Райшева

Камерные по композиции работы ряда скульпторов ассоциативно отсылают к археологическим памятникам — оленным камням, менгирам, «каменным девам», возвышающимся в степных просторах Хакасии и символизирующим созидательную силу мироздания. Особенность творческого метода скульпторов В. Сысоева («О Солнце!», 2004) и А. Гурьянова («Дорога», 1990-е) заключается в приоритете выявления «тайного смысла» самого материала (березового капа, речного камня) над навязыванием внешней формы. Для них принципиально важным этапом является «улавливание» содержания, имманентно присущего материалу, что образно может быть проиллюстрировано фрагментом из сказки А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» о Папе Карло, изготавливающем Буратино из полена, которое само «просилось» в руки.

В. Смагин — основатель кафедры монументально-декоративной живописи Иркутского национального исследовательского технического университета. Его профессиональная траектория включает обучение в Иркутском художественном училище и Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой. Творческий метод художника базируется на синтезе традиционных и авангардных художественных стратегий, характеризуется внутренней динамикой цвета и созданием романтических образов, восходящих к бурятскому эпосу. В работе «Красный бык» (1991) мастер апеллирует к мифологическому сознанию, стирающему границы между человеком и природой; все сущее предстает как часть одухотворенного пространства. Пульсирующие контрастные цветовые пятна становятся средством визуализации образов предков, шаманок, вещунь, актуализируя темпоральный диалог с прошлым. В 2000-х годах В. Смагин выступил основателем новой художественной школы, получившей название «школа Смагина». Ученики мастера, сохраняя индивидуальный почерк, работают в различных техниках монументально-декоративного искусства — мозаике, витраже, горячей эмали, — формируя художественный образ Сибири XXI в.

Творчество Д. Намдакова известно не только в родной ему Бурятии, России но и Европе. В творчестве Даши Намдакова ярко проявляются этногенетическая память его восточно-азиатских предков, проживающих в Сибири с древнейших времен. Творческий процесс ассоциируется мастером с магическими действиями, а художественный образ сочетает в себе элементы скифо-сибирского стиля, изысканность и реалистичность мастеров древних петроглифов, степенность и обобщенность сибирских каменных баб.

В образе «Степной Нефертити» (2001) он обращается к периоду матриархата, рассказывая историю известных воительниц, освобождающих бурятские земли от ненавистных захватчиков. Автор предлагает зрителю аналогии с образом египетской царицы, олицетворением женской красоты и символом Египта. Скульптурное воплощение Нефертити Намдакова характеризуется чистотой и строгостью линий, совершенством художественной формы. Образ, ассоциируется с героическим эпосом тюркских и монгольских народов, мифологическими сказаниями сибирских народов о женщинах-воительницах Азии. Известны предводительница кыргызского племени нойгутов Жаныл Мырза, удалая калмыцкая девушка Сайкал, смелые правительницы Зарина и Томирис. В образе «Степной Нефертити» художник создал символ азиатской красавицы, воплотившей образы нежной матери и мужественной, умной воительницы, защищающей свою степь, свой род от иноземных варваров (Рис. 5).

Искусство сибирских художников на протяжении столетия, начиная с первой выставки северян (1929), привлекало внимание сотрудников Государственного Русского музея, что подтверждается серией выставочных проектов начала XXI в.: «Искусство Якутии» [Искусство Якутии, 2005], «Сибирский миф. Голоса территорий» [Сибирский миф, 2008], «След метеора» [Русский музей представляет, 2011], «Мир нивхов» [Русский музей представляет, 2016], а также персональными выставками Д. Намдакова, З. Доржиева, Н. Рыбакова [Русский музей представляет, 2019] и др. В настоящее время художники Сибири уверенно репрезентируют

свое творчество не только в российском, но и в европейском художественном пространстве — в Италии, Франции, Великобритании, США и других странах. Жюри престижных фестивалей неоднократно присуждало сибирским мастерам гран-при, признавая их вклад в оригинальное, творческое решение общечеловеческих проблем на основе глубокого погружения в этнокультурную традицию.

Мифология народов Сибири выступает для художников региона неисчерпаемым источником новых идей и смыслов, расширяя их художественное пространство и, следовательно, пространство восприятия зрителя. Древняя земля Сибири, аккумулирующая археологические, этнографические и мифопоэтические пласты, продолжает рождать новые мифы, воплощающиеся в художественных образах, которые формируют нарратив о территории, ее культуре и ее месте в едином пространстве России.

Рис. 5. Намдаков Д. Б. «Степная Нефертити». Бронза. 51×14×20. Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева

Источники

ПМА, 1995: Полевые материалы автора. 1995.

ПМА, 2003: Полевые материалы автора. 2003.

Использованная литература

Искусство народностей Сибири, 1930: Искусство народностей Сибири : [сборник статей] / Государственный Русский музей. Л., 1930.

Искусство Якутии, 2005: Искусство Якутии: [каталог] / Нац. худож. музей Респ. Саха (Якутия); [сост. Г. А. Сафронова и др.]. Якутск : Бичик, 2005.

Оненко, 2006: *Оненко А. Д.* Как появилась земля // Мудрый мир На Най. СПб., 2006. С. 158.

Первый сибирский съезд художников, 1927: Первый сибирский съезд художников Стенограммы // Сибирские огни. 1927. № 3. С. 215.

Райшев, 1998: *Геннадий Райшев.* Живопись. Графика. М., 1998. С. 19.

Русский музей представляет, 2011: Русский музей представляет: След метеора. Вып. 298. СПб., 2011.

Русский музей представляет, 2016: Русский музей представляет: Мир нивхов / Альманах. Вып. 487. СПб., 2016.

Русский музей представляет, 2019: Русский музей представляет: Николай Рыбаков / Альманах. Вып. 556. СПб.: Palace Editions, 2019.

Сибирский миф, 2008: Сибирский миф. Голоса территорий. Омск, 2008.

Топорков, 2000: *Топорков А. Л.* Миф: традиция и психология восприятия // Миф и мифология в современной России. М., 2000. С. 45–46.

THE PHENOMENON OF “SIBERIAN STYLE” IN SIBERIAN FINE ARTS (1920–2020-s)

Tatiana A. KUBANOVA
State Russian Museum

The article examines Siberia as a unique multi-ethnic, geographical area, and natural landscape that has shaped distinctive artistic practices. Using historical and cultural analysis, it highlights the institutionalization of the “Siberian style” and the participation of the Institute of Northern Peoples in Leningrad and the State Russian Museum in the development and popularization of the phenomenon. The influence of myth-making on the formation of neo-primitivism, as well as the transformation of traditional ornamental practices and the formation of original artistic systems, is studied. The article is dedicated to the 100th anniversary of Yu. A. and L. I. Sem.

Key words: Государственный Русский музей, Институт народов Севера, миф, неопрimitивизм, сибирский стиль, традиционное искусство, этнокультурная идентичность.

About the author: **Tatyana A. KUBANOVA**, Dr. Sci. (Cultural Studies), Leading Specialist in Scientific and Educational Activities of the Center for Art and Technology. State Russian Museum (St. Petersburg, Russian Federation) (tatiana_kub@mail.ru).

УДК 06.064

DOI 10.48612/IVRRAN/4fg7-8mxx-813t

А. Х. Мингалиев, С. А. Фролова
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ВЫСТАВКА «ДОРОГА К СОЛНЦУ: ВОСТОЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. К 225-ЛЕТИЮ ВОСТОКОВЕДА И РЕКТОРА О. М. КОВАЛЕВСКОГО»

Об авторах:

Мингалиев Арслан Хайрутдинович, заведующий Этнографическим музеем Дирекции музеев, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия, Казань) (arслан.mingaliev@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-0808-2883.

Фролова Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, директор Дирекции музеев, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Россия, Казань) (sv-frolova1@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-4937.

© Мингалиев А. Х., 2026

© Фролова С. А., 2026

Афиша. Автор М. Медведев

20 января 2026 г. в предактовом зале Музея истории Казанского (Приволжского) федерального университета открылась выставка «Дорога к солнцу: восточные коллекции Казанского университета». Она посвящена 225-летию со дня рождения Осипа Михайловича Ковалевского (1801–1878), выдающегося отечественного востоковеда и основателя на-

учного монголоведения, ректора Казанского университета с 1855 по 1860 г.

Изучение культуры Востока является одним из традиционных направлений научной и образовательной деятельности Казанского университета с момента его основания. Через Казань — мост между Западом и Востоком — исторически пролегали оживленные пути и

Общий вид выставки. Фото А. Мингалиева

проходили маршруты научных экспедиций. Исследователи не только обращались к языку и истории народов, но и собирали многочисленные предметы, пополняя тем самым музейные коллекции.

Будучи антиковедом и специалистом по греческой филологии, О. М. Ковалевский стал заниматься восточными языками в Казани, куда был сослан в 1824 г. из Вильно за участие в подпольной организации. В период, когда Ковалевский работал в университете, новым попечителем Казанского учебного округа М. Н. Мусиным-Пушкиным (1795–1862), поклонником востоковедения, было принято решение открыть кафедру монгольской словесности. Поэтому Совет университета командировал Ковалевского и студента А. В. Попова (1808–1865), будущего профессора-востоковеда, в четырехлетнюю научную экспедицию в Сибирь для изучения языков и сбора материалов. Из Иркутска Ковалевский совершал неоднократные длительные полевые выезды, посетив Троицкосавск (Кяхту), Ургу (Улан-Батор), Верхнеудинск (Улан-Удэ), Гусиноозерский дацан, Селенгинск, а также Пекин, где он пробыл семь месяцев.

Из многолетней экспедиции по Забайкалью, Монголии и Китаю (1828–1833) Ковалевский привез богатое собрание рукописей, картин,

предметов декоративно-прикладного искусства и бытовой культуры, элементы костюмов, часть из которых сохранилась до настоящего времени и не экспонировалась.

Выставка начинается с ключевого события — учреждения в 1833 г. в Казанском университете кафедры монгольского языка. Посетители открывают для себя историю экспедиции О. М. Ковалевского: какие населенные пункты он посетил, что увидел и зафиксировал как ученый, изучающий язык, культуру и религию.

Основу экспозиции составили 60 предметов из собрания Этнографического музея КФУ. Прежде всего, это экспонаты, относящиеся к буддизму — религии, которую традиционно исповедуют народы Южной Сибири и Забайкалья. Представлены статуэтки Будды и бодхисаттв, халат ламы, молитвенные изображения (тханка). Среди ритуальных предметов можно отметить барабаны (дамару), колокольчик (гхонго), буддийский символ власти (ваджру), молитвенный барабан со свитком (хурдэ), статуэтку горы Меру и форму для ее отливки, буддийское графическое изображение Вселенной (мандалу) и алтарные чаши для подношений.

Другая часть выставки посвящена предметам, отражающим быт народов Китая. Это атрибуты китайского чиновника-ман-

дарина, среди которых выделяется головной убор с пришитой косой, неперменной частью мужского облика периода династии Цин, и бу-фан — вышитый нагрудный ранговый знак. Кроме того, здесь представлены изображения чиновников разных рангов первой половины XIX в. кисти неизвестных художников. Упомянуты на выставке и имперские государственные экзамены (кэцзюй), успешная сдача которых позволяла заступить на госслужбу: посетители могут увидеть кисти, тушечницы, сухие чернила в плитках. Центральный экспонат выставки — вышитый шелком свиток с благопожеланиями (няньхуа), изображающий подношение китайскому святому, совершаемое юношами. Кроме того, в китайской части выставки представлен «женский мир», аксессуары и элементы одежды: веера, шляпка, кистеты, туфли (сиухуасие). Отдельное внимание уделено обуви и традиции бинтования ног, так называемым «лотосовым ножкам».

Дополняют эту часть выставки произведения китайской живописи: сцены китайской свадебной обрядности и виды Мраморного моста в Летнем дворце — пекинской резиденции цинских императоров.

На выставке также продемонстрированы 15 единиц хранения из собрания Отдела редких рукописей и книг Научной библиотеки

им. Н. И. Лобачевского КФУ, относящиеся к научному наследию О. М. Ковалевского. Это университетская документация (например, записка Ковалевского об учреждении кафедры монгольского языка в Казанском университете), привезенные Ковалевским из Пекина книги, напечатанные в местных типографиях, а главное, труды прославленного ученого: ранние работы по античной филологии, подаренные им в библиотеку Казанского университета, о чем свидетельствуют дарственные надписи, издания по буддизму и монгольской словесности, в том числе первый том «Монгольско-русско-французского словаря», за который Ковалевский в 1846 г. удостоился Демидовской премии.

Более того, на выставке показаны прижизненные труды китаевода, знатока китайского языка и культуры о. Иакинфа (Бичурина), с которым Ковалевский познакомился в начале 1830 г. в Иркутске, готовясь к поездке в Пекин. «Записки о Монголии» и «Описание Пекина...» Бичурина не потеряли своей исследовательской значимости и заложили прочный фундамент отечественного и мирового востоковедения. Рядом с ними — работы уже современных специалистов и исследователей жизненного пути Ковалевского: Р. М. Валеева, И. В. Кульганек, О. Н. Полянской, В. Ю. Жукова и др.

Вступительная часть выставки. Фото А. Мингалиева

Витрина с буддийской коллекцией. Фото А. Мингалиева

Витрина с китайскими женскими предметами. Фото А. Дехерта

Экспонаты сопровождаются текстовыми аннотациями и репродукциями фотографий из фотофонда Этнографического музея, на которых показаны разнообразные типические виды — костюмов, людей, зарисовки городской жизни для погружения в контекст традиционной жизни народов.

Выставка подготовлена сотрудниками Дирекции музеев Казанского университета. Помощь в атрибуции коллекции оказал крупный специалист по казанскому востоковедению, д. и. н., профессор Р. М. Валеев. Художественным оформлением выставки занимался заве-

дующий экспозиционно-выставочным отделом Дирекции музеев М. Н. Медведев.

Выставку открыла руководитель Дирекции музеев КФУ, к. и. н. С. А. Фролова. Она отметила добрую традицию создавать яркие выставки, посвященные выдающимся ученым Казанского университета, которые с живым интересом принимаются посетителями. Р. М. Валеев подчеркнул актуальность наследия Ковалевского, которое выступает основой для новых междисциплинарных проектов. Заместитель директора Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского КФУ, к. и. н. Э. И. Амерханова обратила

Витрина с научным наследием О. М. Ковалевского и трудов о нем. Фото А. Дехерта

А. Х. Мингалиев ведет кураторскую экскурсию по выставке. Фото О. Гасимова

внимание, что биография Ковалевского служит примером жизненного пути настоящего исследователя и истинного ученого. Заведующий Этнографическим музеем А. Х. Мингалиев провел кураторскую экскурсию и познакомил посетителей с особенностями буддийской

и китайской коллекций из собрания Этнографического музея и Научной библиотеки Казанского университета.

Выставка доступна для посещения всеми желающими, а ее открытие стало заметным событием в культурной жизни Казани.

**THE EXHIBITION “THE ROAD TO THE SUN:
ORIENTAL COLLECTIONS OF KAZAN UNIVERSITY.
ON THE 225th ANNIVERSARY OF THE ORIENTALIST AND
RECTOR OSIP M. KOVALEVSKY”**

Arslan Kh. MINGALIEV, Svetlana A. FROLOVA
Kazan (Volga Region) Federal University

About the authors:

Arslan Kh. MINGALIEV, Head of the Ethnographic Museum of the Directorate of Museums, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (arslan.mingaliev@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-0808-2883.

Svetlana A. FROLOVA, Cand. Sci. (History), Director of the Directorate of Museums, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation) (sv-frolova1@yandex.ru). ORCID: 0000-0003-4937.

Т. В. ЕРМАКОВА
Институт восточных рукописей РАН

**КОНФЕРЕНЦИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
БУДДОЛОГИЧЕСКИХ И ИНДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ–20»
(Санкт-Петербург, 23–24 марта 2026 г.)**

Об авторе: ЕРМАКОВА Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел Центральной и Южной Азии, Институт восточных рукописей, Российская академия наук (Россия, Санкт-Петербург) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

© Ермакова Т. В., 2026

Очередная конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований–20», учрежденная ИВР РАН, проходила 23–24 марта 2026 г. В конференции приняли участие 29 востоковедов из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Пензы, Екатеринбурга, в том числе молодые ученые — аспиранты ИВР РАН. Было заслушано 28 докладов, представленных сотрудниками ИВР РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, МАЭ (Кунсткамера) РАН, Государственного Эрмитажа, РУДН им. Патриса Лумумбы (Москва), ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова (Москва), ИНИОН РАН (Москва), РГГУ (Москва), ИСАА МГУ (Москва), Казанского федерального университета (Казань), Пензенского государственного университета (Пенза), Уральско-го федерального университета (Екатеринбург).

Т. Г. Скороходова (д. филос. н., профессор Пензенского гос. университета) в докладе «История индийской цивилизации в трудах Ромешчондро Дотто: опыт понимания» осветила наследие бенгальского мыслителя и общественного деятеля Р. Дотто (Ромеш Чандер

Датт, 1848–1909). Воссоздание истории Индии он предпринял по санскритским источникам, поставив целью представить историю культуры и общества в развитии. Обширное сочинение в 3х томах предназначалось широкому читателю, что оправдывало его компилятивный характер. Докладчица отметила, что исторические труды Р. Дотто стали вехой на пути формирования объективного подхода к написанию истории Индии.

Р. М. Валеев (д. и. н., проф. КФУ) и А. Х. Мингалиев (зав. Этнографическим музеем Дирекции музеев КФУ) посвятили доклад «Буддийские коллекции в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан и Национальном музее Республики Татарстан: формирование и обзор» результатам коллективного проекта по изучению буддийских художественных коллекций в музеях Республики Татарстан. Была изложена история передачи предметов буддийского искусства из Казанской Духовной Академии (1920-е гг.), отмечена собирательская деятельность востоковедов Н. Ф. Катанова, О. М. Ковалевского, Доржи Банзарова, охарактеризован состав буддийских коллекций.

Ю. И. Елихина (д. культурологии, в. н. с. Гос. Эрмитажа) в докладе «Буддийская коллекция Этнографического музея Казанского федерального университета» изложила результаты обследования музейной буддийской коллекции. Она установила регионы происхождения предметов (Калмыкия, Тибет, Урянхайский край), отметила их разнообразие. В итоге будет подготовлен каталог, включающий научное описание 300 экспонатов.

П. Д. Ленков (к. и. н., доцент РГПУ) выступил с докладом «Буддийская концепция сансары в системе синкретических представлений позднего даосизма (на примере школы Цюаньчжэнь)». Он подчеркнул, что в сочинениях данной школы можно обнаружить синтез религиозных практик, сформировавшихся изначально в конфуцианстве, даосизме, буддизме. Буддийская категория «сансара» трактовалась как «рождение/смерть», и целью практики было «раскрытие духа», аналог постижения природы Будды, присущей всем живым существам.

Т. Д. Скрынникова (д. и. н., гл. н. с. ИВР РАН) посвятила свой доклад «Роль буддизма в Монголии в начале XX века» объяснению факторов и условий выхода Монголии из состава китайской империи Цин (1911 г.). Была аргументированно показана роль буддизма как основы этнокультурной идентичности монголов, противопоставление его конфуцианству как чуждой идеологии. Политический аспект влияния буддийского иерарха Джебцзун-Дамба-Хутухты VIII выразился в его интронизации и совмещении в статусе Богдо-гэгэна религиозной и государственной власти.

В докладе Н. С. Яхонтовой (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) «Сокращения главы из “Сутры Золотого блеска” (от главы до строки)» было проведено сопоставление состава глав и их объема ойратской рукописи из собрания ИВР РАН и других переводных вариантов знаменитого буддийского памятника. Особое внимание докладчица уделила 8й его главе, содержащей дхарани с перечислением имен будд. В религиозной жизни мирян-буддистов рецитация этого раздела сутры осуществлялась в целях обретения желаемого и по действительности приравнивалась к чтению всего текста.

Рукописи из собрания ИВР РАН посвятила также доклад «О. М. Ковалевский об истории распространения буддийской литературы в Монголии (рукопись D 134 из коллекции ИВР РАН)» И. В. Кульганек (д. ф. н., гл. н. с. ИВР РАН). Она раскрыла историю своего обследования рукописи, поступившей в Азиатский музей (ИВР РАН) в 1833 г. в составе материалов О. М. Ковалевского. В докладе были приведены аргументы в пользу отождествления рукописи как экзаменационного сочинения Ковалевского на монгольском языке с переводом на русский, представленного молодым ученым для зачисления его на должность преподавателя Казанского университета.

Е. П. Островская (д. филос. н., гл. н. с. ИВР РАН) выступила с докладом «Концепт “пища” в буддийской картине мира», посвященным буддийской антропологии в аспекте способов поддержания живыми существами своего существования. На основе трактата Васубандху «Энциклопедия Абхидхармы» была установлена смысловая связь способов поддержания существования (концепт «пища») и статуса в психокосме. В чувственном мире это материальная пища и явление сознания (надежда), в мире форм это контакт (тактильное ощущение, чувство вкуса, обоняние). В мире не-форм только абсолютно невозмутимое сознание и жизнеспособность.

Е. А. Десницкая (к. филос. н., н. с. ИВР РАН) в докладе «Космологические нарративы в “Брихадараньяка-упанишаде” (раздел Мадху)» рассмотрела учение о творении мира как оно представлено в исследуемом разделе памятника. В разделе Мадху брахман выступает субъектом творения мира, общества, морального принципа (дхармы). Докладчица отметила дальнейшую эволюцию содержания понятия атман/брахман.

Вкладу тамильских мистиков в духовную культуру Индии посвятила свой доклад «Стремись ли тамильские сиддхи к бессмертию: семантическое поле “неумирания”» Е. В. Танонова (к. ф. н., ученый секретарь ИВР РАН). На обширном круге источников была проанализирована тамильская лексика, обозначающая бессмертие. На этой основе Е. В. Танонова вы-

явила три корпуса текстов, отразивших историческую динамику представлений о бессмертии в контексте религиозной сотериологии. Изменение содержания категории «бессмертие» было связано с различным пониманием телесности и тела как инструмента духовной трансформации.

Ю. В. Болтач (к. и. н., с. н. с. ИВР РАН) в докладе «Корейское гадание по “четырем столпам и восьми иероглифам” (на материале традиционной натальной карты)» изложила результаты своего обследования рукописи из личного архива А. Ф. Троцевич, предназначенной к передаче в Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Было прояснено, что «4 столпа» это год, месяц, день, час рождения лица, относительно которого составлялась натальная карта, а «8 иероглифов» — обозначение дат по 60летнему календарному циклу. Натальная карта была отождествлена как составленная для человека 1922 года рождения. Ю. В. Болтач отметила, что гадательные практики — непрменный аспект повседневности корейцев вплоть до настоящего времени.

М. А. Игнатъев (ассистент Восточного факультета СПбГУ) представил доклад «Сборник королевских вопрошений» как источник по истории взаимоотношений королевской власти и сангхи в Сиаме (Таиланде)», в котором прояснил содержание сиамского письменного памятника как катехизиса. Диалог представителей королевской власти и буддийских иерархов затрагивал также нерелигиозные темы, что сделало данный источник ценным информационным ресурсом.

Доклад С. Л. Бурмистрова (д. филос. н., в. н. с. ИВР РАН) «Семантика термина ргараṅса в буддийских текстах» был посвящен интерпретации терминологии буддийской философии на основе трактатов виднейших мыслителей Нагарджуны, Чандракирти, Асанги, памятников палийского канона. Предметная область понятия ргараṅса была определена как культурно-языковой массив. Это понятийное мышление, способ осмысления наблюдаемого, связанный с аффективной настроенностью психики.

А. А. Мантейфель (магистрантка РГГУ) в докладе «Карма и перерождение: буддийские мо-

тивы в кинематографе стран Восточной Азии» проанализировала сюжеты сериалов в жанре фэнтези, созданных в Китае и Южной Корее с 2010х годов. Их сопоставление показало активное использование буддийских идеологем карма и сансара в различающемся культурном контексте. Китайские сериалы активно используют сюжеты испытаний героя, а в корейских дорамах сюжетобразующим элементом является кармическая предопределенность связей между людьми.

Д. В. Возчиков (к. и. н., доцент УРФУ) представил доклад «Ангелы и идолы: буддийские и индуистские храмы в описании двух венецианцев и одного флорентийца второй половины XVI века». В оригинальном материале отчетов о путешествиях трех итальянских купцов Чезаре Федеричи, Гаспаро Бальби, Филиппо Сассетти в Индию и Бирму (совр. Мьянма) были отобраны сведения о храмах в аспекте архитектурного решения и внутреннего убранства, используемых материалов. Д. В. Возчиков установил, что в травелогах использовалась терминология описания христианских культовых сооружений, сравнение с хорошо известными святынями. Так, Г. Бальби уподобил пагоду Шведагон колокольне Св. Марка в Венеции.

Р. В. Псху (д. филос. н., зав. каф. Востоковедения и африканистики РУДН им. Патриса Лумумбы) представила доклад «И снова о “Yogavārttika” Виджнянабхикшу». Она изложила основные вехи биографии индийского мыслителя Виджнянабхикшу (1550–1600) и содержание его комментария к Йога-бхашье Вьясы. В докладе было отмечено, что исследование философских оснований йоги имеет большую перспективу, в том числе с помощью комментированного перевода сохранившихся письменных памятников.

В докладе «Практики народной религии в буддизме во Вьетнаме: почитание духа местности Чан Тиеу Дыка в буддийском монастыре в провинции Намдинь» Е. В. Гордиенко (к. культурологии, ст. преп. ИСАА МГУ) осветила такой феномен религиозной жизни вьетнамцев, как обожествление исторических персонажей и придание им функций божеств-защитников местности и культурных героев. На примере

Чан Тиеу Дыка, деятеля периода династии Чан (1225–1400), были выявлены формы его почитания — захоронение рядом с пагодой, сооружение статуи, составление жизнеописания. Жители деревни верят, что Чан Тиеу Дык оказывает покровительство местности, ему приписывается научение жителей техникам литья металлов.

Е. П. Лекарева (асп. ИВР РАН) в докладе «Чарья-пада/Чарья-гити: к вопросу о жанре» проанализировала тексты на бенгали, обнаруженные в Непале в начале XX в. Публикатор находки — Харипрасад Шастри. Были приведены примеры образности текстов, посвященных практикам совершенствования сознания. В тибетском каноне они размещены в разделе тантр, условно можно причислить к авторской поэзии.

Проблемам передачи смысла религиозных терминов при переводе посвятил свой доклад «Проблематика и лингвистические аспекты переводов евангельских текстов на хинди и санскрит» И. К. Первушин (студент магистратуры Восточного факультета СПбГУ). Были рассмотрены переводы христианских текстов, подготовленные первыми миссионерами в Индии, переводческая активность миссий в Малабаре и Серампуре. И. К. Первушин пришел к выводу, что переводчики, как правило, стремились достичь формальной эквивалентности. Примеры: Бог, господь / Ишвара, раби (учитель) / гуру. При этом имели место индуистские коннотации.

А. Ю. Луценко (к. ф. н., Ph. D., н. с. ИВР РАН) в докладе «Японские визитные карточки в материалах О. О. Розенберга (Архив востоковедов ИВР РАН)» обратился к ценным материалам из личного фонда ученика акад. Ф. И. Щербатского в Архиве востоковедов ИВР РАН, проливающим свет на контакты О. О. Розенберга во время его обучения в Японии в 1912–1916 гг. Были проанализированы 11 визитных карточек и 13 записей адресов. Установлено, что это представители буддийского ученого монашества, профессора Токийского университета, журналисты, а также лица из сферы услуг. При наличии биографических сведений составлялись краткие биографемы.

А. Г. Гладкова (асп. ИВР РАН) в докладе «Социально-исторические предпосылки возникновения жанра монголкаббо в Бенгалии» рассмотрела тексты бенгальской поэзии XIII–XVIII вв. В результате было установлено, что произведения исследуемого жанра начали складываться в период исламского завоевания. Обращение к теме прошлого, народным культам было реакцией на иноземное владычество. В источниковедческом отношении эти произведения ценны для реконструкции социальных процессов в средневековой Бенгалии.

Д. Д. Трегубова (к. и. н., с. н. с. ИНИОН РАН) выступила с докладом «Языковые аспекты ритуальных практик в бурятском буддизме», посвященным современному запросу бурят-буддистов на проведение службы на бурятском языке. Было отмечено, что в сети интернет широко востребованы тексты на хори-бурятском диалекте монгольского языка, фонетически немного отличающемся от бурятского. Однако в аспекте действенности религиозных практик носители культуры предпочитают рецитацию на тибетском языке.

Д. А. Носов (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) посвятил доклад «Книги на тибетском языке из библиотеки А. В. Игумнова (1761–1834)» истории пополнения фондов Азиатского музея (ИВР РАН). Были сообщены биографические сведения о А. В. Игумнове, учителе О. М. Ковалевского и А. В. Попова, и его контактах с Шиллингом фон Канштадтом. Был проанализирован «реестр» рукописей из письма Игумнова к Шиллингу с предложением о покупке. Дополнительно обследовались маргиналии в книгах, принадлежавших ранее Игумнову. Эта работа была важна в целях уточнения путей поступления рукописей в Азиатский музей.

Т. В. Ермакова (к. филос. н., в. н. с. ИВР РАН) в докладе «С. Е. Малов как собиратель буддийских рукописей» рассмотрела материалы по поездке С. Е. Малова в 1912 г. в Восточный Туркестан (совр. пров. Ганьсу КНР) с целью изучения языка и быта уйгуров. По Отчету исследователя в РКИСВА были установлены обстоятельства приобретения рукописи уйгурского перевода Сутры золотого блеска. Было отме-

чено, что Малов сохранил ценные сведения о бытовании буддийской культуры в регионе.

Т. И. Оранская (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) в докладе «Буддийские идеи в художественной литературе XX–XXI в. на примере одного русского и одного немецкого романа» проанализировала роман «Дурная карма» (название русскоязычного издания) популярного немецкого писателя Давида Сафира (Safier, David. *Mieses Karma*, 2007) и роман В. О. Пелевина «Чапаев и пустота» (1996 г.) на предмет выявления аллюзий на буддийские представления о мире и человеке. Сафир наиболее активно использует идеологию карма, а Пелевин пытается раскрыть идею пустотности. Докладчица указала, что если Д. Керуак в «Бродягах дхармы» (*The Dharma Bums*, 1958 г.) включил буддизм как ориентир духовных поисков в культуре битников, то Сафир и Пелевин с помощью буддийских смыслов создают язык описания человека и мира.

И. А. Зайцев (н. с. ИМЭМО РАН) выступил с докладом «Буддийская космология и представления о времени возникновения власти в бирманской рукописи *Mahāsammata vinicchaya kuam*». Он рассказал о своем исследовании рукописи из библиотеки Янгонского университета (Ньянма). Рукопись датируется 1905 г., посвящена осмыслению происхождения власти. Докладчик отметил актуальность этой тематики в контексте общественной мысли Бирмы (совр. Ньянма) начала XX в. — поиск путей теоретического осмысления буддийского наследия. Происхождение власти автор интерпрети-

ровал через учение о времени (цикличность), но не увязывал время появления первого правителя с реальной хронологией.

С. С. Сабрукова (к. ф. н., с. н. с. ИВР РАН) в докладе «Начальный этап подготовки к изданию “Тибетско-русско-английского словаря” Ю. Н. Рериха: материалы из личного архива Б. И. Панкратова» осветила архивные материалы из личного фонда тибетолога, буддолога Б. И. Панкратова (1892–1979) в Архиве востоковедов ИВР РАН, свидетельствующие о многолетней работе над словарем, обмене мнениями по переписке. Материалы представляют историко-научную ценность, в их составе также верстка первого тома.

Н. А. Станулевич (к. и. н., МАЭ (Кунсткамера) РАН) в докладе «Особенности (анти)религиозной политики СССР во второй половине 1920х гг. в отношении буддистов БМ АССР (грант РНФ по проекту № 25-28-00277)» представила результаты коллективной работы по гранту РНФ. Были продемонстрированы тематические подборки антирелигиозных карикатур, публиковавшихся в бурятской региональной прессе. Установлено, что этот визуальный ряд создавался таким образом, чтобы стать доступной формой атеистической пропаганды.

В подведении итогов конференции отмечались высокий научный уровень докладов, широта тематического охвата и географии участников. Практику апробационных докладов магистрантов и аспирантов решено поддерживать и в дальнейшем.

THE 20th CONFERENCE “CURRENT ISSUES OF BUDDHOLOGICAL AND INDOLOGICAL STUDIES” (St. Petersburg, March 23–24, 2026)

Tatiana V. ERMAKOVA

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

About the author: **Tatiana V. ERMAKOVA**, Cand. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (taersu@yandex.ru). ORCID: 0000-0001-5273-7870.

К. В. Орлова
Институт востоковедения РАН

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРВЫЕ МОНГОЛОВЕДНЫЕ ЧТЕНИЯ»

Об авторе: Орлова Кемя Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр архивных исследований, Институт востоковедения РАН (Россия, Москва) (orlovnk@mail.ru). ORCID: 0000-0003-4951-0063.

© Орлова К. В., 2026

Центр архивных исследований ИВ РАН запустил серию научных конференций «Монголоведные чтения». Первая, посвященная памяти блестящего ученого-монголоведа, историка-архивиста Галины Ивановны Слесарчук (1926–2013), состоялась 30 марта 2026 г. Конференция была приурочена к 100-летию юбилею со дня рождения ученого.

Г. И. Слесарчук окончила в 1948 г. с красным дипломом Московский Историко-архивный институт (ныне: Историко-архивный институт РГГУ), затем прошла обучение в аспирантуре того же Института и в 1955 г. блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Последующие годы были посвящены научной работе, сначала — в Центральном государственном архиве древних актов (ныне: РГАДА), с марта 1957 г. она связала свою профессиональную деятельность с Институтом востоковедения РАН (в то время: Институт народов Азии АН СССР).

В конференции приняли участие ведущие ученые, аспиранты, студенты из Москвы (ИВ РАН, ИЭА РАН, ИКСА РАН, РГАЭ, ИСАА МГУ им. Ломоносова, НИУ ВШЭ, МГИМО), Санкт-Петербурга (ИВР РАН), Улан-Удэ (ИМБТ СО РАН, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления). С приветственными словами к участ-

Галина Ивановна Слесарчук (1926–2013)

никам обратились зам. директора ИВ РАН, руководитель Центра архивных исследований Н. Г. Романова, 3-й секретарь Посольства Монголии в РФ Онон Чинбаяр, к. и. н. А. В. Воронцов. На конференции также присутствовал 2-й секретарь Посольства Монголии в РФ Батбуян Бат-Орших. Диапазон выступлений участников конференции был чрезвычайно широк и главное — в русле научных интересов Галины Ивановны. В начале конференции был представлен видеоролик «Посвящение Г. И. Слесарчук», подготовленный к. и. н. Р. Л. Казарьяном при участии д. и. н. К. В. Орловой.

Открытие «Первых монголоведческих чтений, посвященных памяти выдающегося монголоведа, архивиста Галины Ивановны Слесарчук (1926—2013)»

Утреннее заседание началось с выступления к. ф. н. Онон Чинбаяра, который охарактеризовал книгоиздательское дело в Монголии.

Легендам о происхождении монгольских ханов в летописях XVII–XIX вв. посвятила свой доклад д. ф. н. А. Д. Цендина.

Проблема власти прозвучала в докладе к. и. н. Ю. И. Дробышева, подготовленном на основе сочинения «Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна. Докладчик опирался на издание, опубликованное в 2025 г. проф. А. Д. Цендиной.

Д. и. н., проф. Т. Д. Скрынникова в своем докладе затронула один из интересных вопросов — кто служил в отряде, призванном охранять самого Чингис-хана.

Политическому переустройству монгольского мира в XIV–XVII вв. был посвящен доклад к. и. н. А. Д. Гомбожапова.

М. И. Игнатова проанализировала институциональный статус монгольского военного гарнизона Чицзинь как элемента системы минских пограничных военных поселений. Докладчик рассмотрела его военно-административную структуру, механизмы взаимодействия с минским двором и роль в обеспечении безопасности северо-западного пограничья.

Доклад к. и. н. Р. Т. Сабирова был построен на материалах сборника документов «Русско-монгольские отношения. 1685–1691», в котором рассмотрены особенности межкультурной коммуникации XVII в., когда на восточных рубежах России дипломатия еще не сводилась к строго верифицированным юридическим процедурам и протоколам.

Д. и. н. А. Ш. Кадырбаев осветил страны Центральной Азии в период Джунгарского ханства.

Выступление д. и. н. К. В. Орловой

Зам. директора РГАЭ, к. и. н. Е. Р. Курапова на основе архивных материалов Российского государственного архива экономики представила массив сохранившихся с 1920-х годов отчетов торгового представительства СССР в Монголии, в которых хранятся документы об историческом и экономическом развитии страны (население, экономика, торговые связи, транспорт, присутствие иностранного капитала). Докладчик подчеркнула, что к самим документам и к их информационному полю можно и нужно относиться, как и столетие спустя, исходя из современных геополитических и экономических реалий.

В докладе к. и. н. А. А. Сизовой на основе широкого круга источников, включая неопубликованные архивные документы, была рассмотрена проблема административной системы Халхи со второй половины XIX в. до момента создания правительства Богдо-гэгэна.

Д. ф. н. И. В. Кульганек представила научный сюжет о трех народных монгольских песнях из дневников известного юриста Н. Н. Шнитникова, совершившего путешествие из Иркутска в Бийск через Монголию в 1895 г. Дневники были переданы Шнитниковым А. Д. Рудневу;

в настоящее время хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН, остаются вне поля зрения исследователей.

К. ф. н. Н. С. Яхонтова рассказала о Центральном институте живых восточных языков, документы о котором хранятся в ЦГИА (39 описей, 5 700 дел). Докладчик рассмотрела 1920–1921 учебный год, т. е. самый начальный период существования учебного заведения.

В докладе д. и. н. Б. Д. Цыбенова (ИМБТ СО РАН), подготовленном на материалах документов из фондов Государственного архива Республики Бурятия, были подробно рассмотрены конкретные детали письма Ц. Жамцарано Пандито хамбо-ламе Итигелову и подписной лист от 1 апреля 1915 г., выданный Ц. Жамцарано, для сбора добровольных пожертвований в помощь больным, раненым воинам и семьям казаков-бурят.

Тема советско-монгольского медицинского сотрудничества в 1926–1930-е годы освещена в докладе д. и. н. В. Ю. Башкуева, подготовленного на базе архивных материалов ГА РФ. Основной фокус внимания был уделен не только системным факторам развития геополитической ситуации в этой части Азии в изучаемый

Выступление к. ф. н. О. Чинбаяра

период, но и случайным факторам, которые придали определенный вектор советско-монгольским отношениям в области медицины, культуры и науки.

Среди докладов, прозвучавших на дневном заседании, хотелось бы отметить доклады аспирантов ИСАА МГУ им. М. Ломоносова. А. А. Анисимов проанализировал сотрудничество Чехословацкой Социалистической Республики и Монгольской Народной Республики в области геологии и горной добычи, представив его как важнейший движущий элемент экономических отношений двух стран, определивший их специфику в 1980-е годы. В основе анализа была предложена концепция «асимметричной взаимозависимости», позволяющая переосмыслить официальную риторику «братской помощи» и выявить реальные экономические мотивы участников кооперации. В исследовании докладчик использовал методы сравнительного институционального анализа, сопоставляя модели взаимодействия МНР–СССР и МНР–ЧССР. Эмпирическую базу исследования составили архивные документы, хранящиеся в РГАЭ и публикации современной монгольской историографии.

Доклад Н. С. Кирды «Эволюция отношений между государствами Центральной Азии и Монголией (1991–2026)» был посвящен комплексному анализу развития межгосударственных отношений пяти стран Центральной Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) с Монголией за три с половиной десятилетия — с момента обретения ими независимости в 1991 г. до современного этапа. Хронологические рамки исследования позволили проследить траекторию трансформации двусторонних и многосторонних связей: от их фактического свертывания в 1990-е годы, через длительный период стагнации в 2000-е, к активизации с 2023 г. Особый акцент в докладе сделан на таджикско-монгольском направлении, которое долгое время оставалось периферийным даже в контексте неинтенсивного регионального диалога. Подробно проанализированы результаты государственного визита президента Монголии Ухнаагийн Хурэлсуха в Душанбе в июле 2025 г., первого в истории двусторонних отношений с момента их установления в 1992 г. В докладе детально рассматривались подписанные по итогам визита 11 двусторонних документов,

Выступление д. и. н. Н. Л. Жуковской

включая Совместное заявление о развитии дружественных отношений и многостороннего сотрудничества, а также меморандумы в сферах энергетики, сельского хозяйства, цифровой трансформации, культуры и туризма. Н. С. Кирда особо отметил, что визит придал импульс практической реализации давно назревших проектов: стороны договорились о создании межправительственной комиссии

по торгово-экономическому сотрудничеству, провели первый бизнес-форум и подтвердили намерение развивать транспортные коридоры, способные преодолеть географическую разобщенность.

Д. и. н. Л. Б. Жабаева подробно остановилась на международно-правовом статусе МНР после окончания Второй мировой войны.

Д. филос. н. С. Ю. Лепехов акцентировал внимание участников конференции на вкладе монголоязычных народов в евразийскую культурно-историческую интеграцию.

Часть участников конференции выступили с воспоминаниями о Г. И. Слесарчук. Так, особый интерес вызвал доклад д. и. н. Н. Л. Жуковской об экспедиции в Западную Монголию в июле 1974 г., в которой принимали участие Г. И. Слесарчук и М. И. Гольман. К. полит. н. Р. Л. Казарьян добавил интересные штрихи к портрету ученого, д. и. н. К. В. Орлова рассказала о Г. И. Слесарчук как историке и архивисте.

Первая научная конференция «Монголоведные чтения», приуроченная к 100-летию юбилею со дня рождения Галины Ивановны Слесарчук, подготовленная Центром архивных исследований ИВ РАН, прошла в теплой дружественной обстановке. Все прозвучавшие доклады вызвали живой интерес и дискуссии. Конференция подтвердила заинтересованность российского научного сообщества к проблемам, входившим в круг интересов видного российского ученого-монголоведа.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “THE FIRST MONGOLIAN STUDIES READINGS”

Keemya V. ORLOVA

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

About the author: **Keemya V. ORLOVA**, Dr. Sci. (History), Chief Researcher at the Center for Archival Research, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation) (orlovnk@mail.ru). ORCID: 0000-0003-4951-0063.

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ В. Л. УСПЕНСКИЙ (1954–2025)

28 декабря 2025 г. в возрасте 71 года после долгой болезни скончался доктор исторических наук, профессор кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ Владимир Леонидович Успенский (1954–2025).

Владимир Леонидович с детства увлекался культурой, литературой и историей народов Востока. Основную учебную и профессиональную деятельность он вел в двух главных монголоведческих центрах страны: в 1981 г. он окончил кафедру монгольской филологии Восточного факультета СПбГУ, а в 1985 г. завершил обучение в аспирантуре Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Сочинения гуна Гомбоджаба как памятник монгольской историографии XVIII века».

В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР Владимир Леони-

дович построил успешную научную карьеру: был ведущим научным сотрудником Сектора тюркологии и монголистики, заведовал Тибетским фондом Института; принимал участие в его компьютерной каталогизации. Владимир Леонидович стал автором презентационной статьи, посвященной российско-американскому проекту по составлению электронного каталога Тибетского фонда (1996). Он ввел в научный оборот выявленную им рукописную копию «Тайной автобиографии» Далай-ламы V с обширными иллюстрациями (1996), а также подготовил презентационный CD-ROM по этой рукописи.

В период работы в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР Владимир Леонидович защитил докторскую диссертацию на тему «Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644–1911) в культурно-историческом контексте эпохи» (2004).

В 2007 г. Владимир Леонидович поступил на работу на Восточный факультет СПбГУ и сконцентрировался на педагогической деятельности. Он разработал несколько уникальных спецкурсов («Буддизм: теория и практика (тибетский ареал)», «История буддизма» (тибетский ареал), «Ламаизм в Пекине» и др.); определял концепцию и курировал все исторические учебные программы для монголоведов и тибетологов, реализуемые в СПбГУ. Помимо этого, Владимир Леонидович более 10 лет продолжал административную работу в качестве заведующего кафедрой монголоведения и тибетологии.

Владимир Леонидович — один из выдающихся востоковедов и монголоведов России. Он регулярно получал приглашения от ведущих университетов и научных центров Монголии, Китая, Японии для обмена научным и

педагогическим опытом, выступлений с лекциями, участия в научных конференциях. В 1996–1997 гг. занимал должность приглашенного профессора Института изучения языков и культур Азии и Африки при Токийском университете иностранных языков (г. Токио, Япония).

В Японии Владимир Леонидович опубликовал книгу «Prince Yunli (1697–1738): Manchu Statesman and Tibetan Buddhist» о маньчжурском принце Юньли, который был блестящим знатоком тибетского буддизма, лично общался с Далай-ламой VII и сам писал сочинения на буддийские темы на монгольском языке.

Владимир Леонидович составил каталог коллекции монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ. Каталог был опубликован на английском языке, а также переведен на китайский язык в Университете национальных меньшинств (г. Ланьчжоу, КНР). Метод каталогизации, разработанный Владимиром Леонидовичем, переняли специалисты Улан-Удэ для работы со второй большой коллекцией монгольских рукописей в России. Под его руководством была также подготовлена коллективная монография, посвященная коллекции рукописей и ксилографов на восточных языках, хранящихся в библиотеке СПбГУ (2014).

Он осуществил издание уникальной рукописи монгольского перевода энциклопедического сочинения Пакпа-ламы «Объяснение познаваемого» из собрания СПбГУ (2006). В книге «Тибетский буддизм в Пекине» (2011) Владимир Леонидович подвел итог своим многолетним исследованиям о расцвете тибетского буддизма в Пекине при маньчжурской династии Цин — о ламах Пекина, их высоких покровителях, буддийских храмах, книгопечатании, изготовлении предметов религиозного искусства.

Владимир Леонидович является автором более 50 научных трудов. Научные заслуги Владимира Леонидовича Успенского получили признание в Монголии. Он был удостоен высшей правительственной награды Монголии для иностранных ученых — ордена Полярной звезды.

Коллектив журнала и коллеги выражают глубокое соболезнование дочери, родным и близким Владимира Леонидовича по поводу невозможной утраты.

*Редколлегия журнала "Mongolica".
Коллеги по кафедре монголоведения
и тибетологии
Восточного факультета СПбГУ*

